

Дмитрий СТРЕШНЕВ

ЧЕРТОВКА

Езиды - Вероучение этой замкнутой секты восходит к староиранским религиозным верованиям. Согласно езидской традиции, Бог, сотворив видимый мир, предоставил его в распоряжение ангела, изгнанного с небес. Они изображают его в виде павлина и называют Мелек-Таус - Владыка Павлин.

Энциклопедический словарь

Телефон звонит всегда неожиданно, даже когда ждешь, что вот-вот зазвонит.

Это точно так же, как с письмами, которые ждешь-ждешь, ждешь-ждешь, потом на один день забудешь ждать, и тут - хлоп!

Или как с повесткой в военкомат: вот сейчас, думаешь, вот сейчас, вот сейчас опять потянут, потому что осень уже лысая, и наверняка чья-то дивизия привалила в красноводские пески - ливийцы или йеменцы - повышать боевую и тактическую, всё думаешь-думаешь-думаешь, чуть забудешь думать и сразу - бац! - шесть месяцев из жизни долой. "Береводчик блохо, бребадаватель не банимай, лязим¹ берерыв...".

—...Алло! Айуа (то есть, то же самое "алло", но с египетским оттенком).

—Мистер За... (по слогам, с натугой) мур... мурси... Москву заказывали?

—Да-да! Я мистер Замурцев. Заказывали!

Время, пространство сбиваются в какой-то войлок, и этот войлок набивается в голову, в телефонную трубку, вяжет во рту. Столько много всего, но смято, сжёвано, спутано, а начнешь потрошить, разделять - получится одна пыль. Мистика!..

Московские грустные гудки.

Голос:

—Алло...

У нее всегда такой голос, как будто чего-то ожидает и что-то обещает. И всегда чуть нетерпеливый. В общем, примерно как малая терция.

—Привет. Узнала?

Почти так же банально, как "здравствуй, это я". Давно надо бы придумать что-то оригинальное... такое... с покушением на словари будущего.

—Узнала. Привет.

—Говорить можешь?

Когда Ю.В. недалеко, она отвечает: "Относительно".

—Могу.

—Как ты?

¹ нужно (араб.)

—Нормально.

—Получила письма? Было два.

—Да... Кажется.

Как это – «кажется»? Как это – «кажется»?!

—А твои письма где? Два месяца ничего нет.

—Извини. Так. Я, наверное, большая нахалка.

—Да уж, большая.

Что ей еще сказать? Не нахалка она, конечно, а просто пустая эгоистка. Как будто рука отломится - письмо написать. Если бы еще работала, как все, по-советски. Ю.В. за нее вкалывает.

—А почему голос такой? Что-нибудь случилось? Заболела?

—Да, в общем... (си, затем ля бемоль) в общем, болею немного.

Что ей еще сказать? Хоть на бумажке тезисы пиши... В голове целые картины, а слова не вяжутся - это всё равно, что рассказывать узор. Такая вот она, дружочек, значит, твоя жизнь!

—Ты там держись. Слышишь?

—Да...

Как-то в трубке непривычно пусто... "Отключилось... что за техника дурацкая!.." - начал кто-то врать лицемерно внутри.

Но Москва была еще здесь: Ясенево, сине-белые стены, лифт с грохотом, дверь в пупках, душноватая прихожая, не смотреть на чужие тапочки... "Здравствуй, ты как?.. Какой ты смешной... С тобой хорошо... Звони".

Всё?

Под ухом стал растекаться и звенеть космос. И, вроде бы, всё уже ясно, но почему-то надо было проталкивать сквозь этот космос еще какие-то слова неестественным голосом - про погоду и даже что-то про войну в Заливе и про иракские ракеты, пролетающие где-то почти над головой на Тель-Авив. И только через минуту он опомнился и сказал тускло, как говорят дальнему родственнику, позвонившему сообщить, что во вторник улетает на Марс:

—Ну, счастливо.

И эхо с того конца:

—Счастливо.

Куда уж счастливей!

Тишина на том конце. Теперь уже настоящий вакуум.

Он опустил трубку, чтобы не слышать голос телефонистки, отдающий никелем операционной: "Дамаск! Закончили?", а в голове продолжал раскручиваться безмолвный диалог - более настоящий, чем тот, пять минут назад доверенный электричеству. Как будто беседа шла уже по какой-то непостижимой связи, летящей сквозь дамасский январский дождичек, капающий за окном на акации. А может, она отражалась от невидимо бродящей

где-то луны или от какого-нибудь Мицара или Альфа Кассиопеи и уже оттуда падала в московский облачный кисель над Ясенывым.

"Почему ты не пишешь? Уже три месяца..."

"А ты сам не догадываешься?"

"Значит, конец истории?"

"Боюсь, что да."

"Быстро же..."

"Знаешь, надоело посылать письма на чужое имя. Он хоть есть в природе, этот Покасюк?"

Вздых.

Альфа Кассиопеи отключила связь за дальнейшей ненужностью. В том месте, где была болевая точка, настроенная на Москву, осталась только какая-то неслышная мелодия, что-то виолончельное. Потом другая мелодия прилипла к зубам, как ириска. Ну конечно - севильяна "No te vayas" - "Не уходи". Он усмехнулся, но продолжал насвистывать:

"Y el barco se hace pequeno
Quando se aleja en el mar..."¹

Потом он услышал, как стукнула дверь, и позвал:

—Мисюсь, это ты? -хотя и без того прекрасно знал, что пришла жена с пробежки по лавкам.

Мисюсь, она же Верусь, она же Вероника, появилась в дверях с белым пластиковым пакетом магазина "Reddies" в руках. Он увидел спокойные глаза под чёрным лаком гладко зачесанных волос, подумал, что надо что-то сказать.

—Ну как, удачно?

—Нормально,-сдержанно ответила жена.

Какая она всё-таки умница, у нее таких глупостей не будет: завести роман и уехать в Сирию.

Белый пакет удалился в сторону кухни, и уже оттуда донеслось:

—Андрей, иди сюда, помоги мне.

Он встал и пошел переключать банки и свертки из сумки в холодильник.

—Я тебе шарф купила, ходи обязательно в шарфе, у нас сегодня на балконе лужа чуть не замёрзла,

Он подошел и прижался к ней, как к волшебному источнику, из которого черпал жизненную силу.

—Мисюсь, ты меня любишь?

—Ой, отстань, не вовремя момент выбрал, у меня даже обеда нет.

¹ "И лодка, уплывающая в море, становится всё меньше" (исп.)

Вот предлог, чтобы оскорбиться, найти оправдание... для чего угодно оправдание, невесело усмехнулся он.

—Я тебя люблю, Мисюсь.

Прислушался к самому себе.

"Действительно, люблю".

—Ты слышишь про шарф? Возраст уже не тот у тебя, понятно?

—Да, возраст уже не тот,-сказал он с многозначительной грустью.

И тут же почему-то дёрнулось сердце, когда зазвонил телефон. Но сам он остался на месте. Телефон его больше не интересовал.

—Тебя, -сказала Вероника.- Этот твой... Петруня Сулопаров.

—А почему он тебе так не нравится?-вызывающим шепотом спросил он, зажимая рукой микрофон.

—Разве я сказала, что он мне не нравится?

Андрей еще раз униженно смирился с тем, что жена умнее его, и взял трубку.

—Алло! Как сам?

Внезапно этот развязный голос показался единственным цветным мазком в безнадежно сером мире.

—Правду сказать или соврать?

—Всё. Понял. Но отчаиваться не надо. Знаешь, как сейчас в газетах пишут? "Специалист с большим опытом задушевного общения предлагает наркологическую помощь на дому".

—Нет. На дому не надо,-вяло сказал Андрей.

—Ясно. Но чувствую по голосу, что в таком состоянии, как у тебя, жить нельзя. Это чревато опасными последствиями. Поэтому даю вариант: баня.

—Какая? Опять Мохиддин?

—Как скажете, ваше величество. Можно на Бзурие. Там, говорят, тоже симпатично, но до сих пор без нас.

Андрей Замурцев с удивлением обнаружил, что выпустил из носа выхлоп придушенного смеха. Жизнь снова стала наполняться звуками и какой-то безумной надеждой на смысл. Наверное всё-таки хорошо - иногда - что на свете бывают безобидные алкоголики вроде Петруни. И хорошо, что бывают бани.

—Уговорил. Пусть сегодня там будет симпатично с нами.

Нежно-голубая просторная даль стояла над Дамаском, а по ней извивались серые разводы облаков, как пролитая на чистый кафель жидкая грязь. Чёрт возьми, пронзительные природные этюды в этой стране иногда падали на сердце, как музыка. Вот и сегодня тоже казалось, будто что-то

трагическое гремит в надменной лазури, оскорбленной серыми мазками. Хотя, скорее всего, к лазури это не имело никакого отношения, а просто в душе разрасталась симфония жалости к самому себе. Но всё равно её немую музыку было приятно слушать под куполом этого огромного зала под породистое рычание "Вольво", заглушавшее фальшивящие ноты.

Он специально поехал через старую Меззе. Все эти заскорузлые районы казались ему тайным кодом чужой, не совсем понятной жизни. Здесь каждый дом в общей слепившейся массе каким-то образом все равно оставался самим собой и будто еле сдерживался, чтобы не сболтнуть нечто сокровенно-захватывающее. Шипя колесами по лужам, "Вольво" неслось в ту сторону, где из-за многоэтажных коробок высывался косой склон горы Касьюн. Солнце пропало в грязной марле, и гора стала мрачна - словно неведомая сила глядела неодобрительно. Но Андрей не обратил внимания на предостережение.

Вот и старая Меззе. Мечетка тут такая трогательная — минарет в острой шапке, совсем как у каких-нибудь мигунов-жевунов из "Волшебника Изумрудного города"...

Потом вниз, через мост Тишрин, сквозь фешенебельный бульвар Мальки, отчего-то (и особенно вечером) похожий на огромный стол, накрытый к банкету; потом вдоль узкой протоки с ивами ("Яузская набережная" в просторечии работающих в Дамаске советских граждан) и - вниз, вниз, вдоль решетки сквера, пока не обнажится длинный сплошной забор, а в глубине за ним - безрадостный параллелепипед (вот уж точно передает словечко архитектурное впечатление!) административного корпуса Посольства ("элеватор" в том же просторечии).

Петруня уже стоял на ветру у ворот.

—Сейчас - в туннель и стрелой вперед, - велел он полузамерзшим голосом, залезая.

Андрей боялся, что в тёплом салоне "Вольво" суслопаровский язык оттаёт и начнет шевелиться больше, чем хотелось бы. Но Петруня, нахохлясь, молчал, и Андрей вдруг с удивлением догадался, что приятели по бане бывают иногда чуткими и понятливыми.

Всю дорогу Петруня проявлял чуткость, только один раз обронил:

—Заруливай к мечети Омейядов, а там пешочком.

Оливковая "Вольво" нырнула под приподнятый шлагбаум и длинной рыбой скользнула в пиковый туз старинных ворот.

Когда обогнули цитадель и замешкались в суете старого города, где эхом близкого базара толклись крошечные грузовички, сновали тележки с товаром - и вдруг прямо перед радиатором безрассудно пролетал велосипедист - Петруня спросил:

—Андрюш, а Дамаск в Библии помянут?

—Конечно.

—Сколько раз?

—Не знаю, может десять.

—Ого! Надо будет всё почитать. От Ноева потока до наших дней.

—Потопа.

—Да, верно, темнота... Я, кстати, вчера такое открытие сделал... что халдеи, оказывается, был такой древний народ.

—Ну? И что?

—А раньше я всю жизнь думал, что это исключительно официанты в ресторане!

Замурцев посмотрел на пассажира, смутно догадываясь кое о чем.

—Ты что, вздумал меня подразвлекать?

Но лицо у Петруни ("кукишем" - по классификации мудрой Мисюсь) редко отражало что-либо, кроме покорности судьбе, и уличить его в таком низменном чувстве, как сострадание, не удалось.

—Какое тут развлечение! Гольная правда. Ты смотри лучше не на меня, а куда надо. Чуть старьёвщика не переехал.

Машин на площадке почти не было. Обычно здесь сплошные белоголубые номера туристов и "дипы", но сейчас погода не та. Колонны Юпитера, облепленные лавками, посерели без солнца. И правильно, что никого нет: не туристский совершенно денек.

Петруня, вылезая из "Вольво", торжествующе сказал, указывая пальцем в сторону каменных римских столбов, пытающихся сохранить надменность посреди базарного приboя:

—У тех-то, древних, храм был пошире!

Непонятно, почему его так трогало, что "у тех" был пошире. Оставив машину, они пошли в проход, где ветер и мелкий дождь тёрлись об огромные шершавые камни стены. Эти камни были отёсаны еще в честь языческого бога Хадада, славили потом римского Юпитера, окрещены византийцами, а теперь скрывали громадную, как вокзал, мечеть Омейядов. Конечно, не хватает здесь каких-нибудь грифонов или химер, как на Нотр-Дам. Чертовски бы смотрелось, подумал Андрей.

—Знаешь, Андрюш,-сказал Петруня, задумчив глядя на каменное тело, уходящее ввысь,- я читал, что Аллах был вроде как космический пришелец, потому в память о нём минареты так вот и строят в виде ракет.

—Да брось ты верить всякой лабуде!

—Но красиво наврано, а? Почему не верить, если красиво? А не то в жизни только и останется, что закон Ома.

—Кончай трепаться,-сказал Андрей. Он, может быть, и догадывался, хотя и не признавался себе, что добрые чувства к Петруне вызываются, в том числе,

умением того оставить интеллектуальное лидерство партнеру, но говорить при этом разнообразно и много.

—А что такого, Андрюш? Прежде я, как и весь советский народ, увлекался коммунизмом, а теперь - икебаной и НЛО!

Уже начались почти наркотические запахи Бзурии - пряного рынка, где лавки совсем из "Тысячи и одной ночи", самые загадочные для примитивного европейца, проводящего пресную жизнь возле соли и перца, максимум еще - корицы с гвоздикой. Так и умрёт невежественный хаваджа¹, не попробовав ни кисловатый бурый суммак, ни золотистый бхарат. Не узнает, почему морковно-жёлтый шафран идёт всего за 500 лир, а персидский, почти такой же, но благородного густого цвета, - уже за десять тысяч. Бедняга! В его жизни не продёрнет свою нитку терпкий хантит; не обожжёт зинджиль; не воскурится красный камень хаджар люк, чей дым отгоняет шайтана; не обезволит загруженные суетой мозги густой мажорный аккорд пережженного кофе с кардамоном. Стоит чуть скосить глаз - сигнал тут же ухвачен, и голос приглашает на всех нужных языках:

"Месье, бонжур! "

"Мистер, хеллоу!"

"Товарищ, как дела?" ...

И конфетные лавки сверкают, как подъезды маленьких театров; и сама баня - вот она - тоже как конфета: разноцветные дольки апельсина вместо окон, а за ними - резные листья явного родственника фикуса и стеклянные листья люстры. И как же всё было бы прекрасно, разноцветно и легко, если бы мир давно уже не расщепился на два. Один был здесь, как был всегда, - с Мисюсь, Петруней, баней, с аквариумом чужих и нечужих глаз, стаями ртов, фабрикой рукопожатий, запахами то мяты, то виски, то рыбы, зубной пасты, пригоревшего масла, одежды, бензинового дыма. А другой - где *она*, где *что-то с ней* - просвечивал неуловимой матовой плотью сквозь небо, крыши, минареты, опахала пальм, грозди товаров, кувыркающиеся слова, шевелюры, плевки, скребущий воздух смех. Этот второй, как осторожная медуза, всё отплывал, закрываясь водой расстояния, и вдруг болезненно знакомым бликом выдавал себя совсем рядом.

"Петруня, верни меня", - подумал Андрей.

И Петруня вернул:

—Андрюш, что это за крокодилов продают сушеных, там, на углу, я видел?

—Саканкур, водяные ящерицы.

—Для чего? Тёщу травить?

¹ Господин (в обращении к европейцу) (араб.)

—Для мужской силы - растолочь и с мёдом съесть.

—Мимо сада... Я с женщинами застенчивый, как водопроводный кран.

Таким образом, прежде чем войти в баню, Андрей имел возможность еще раз поразиться точности Петруниных наблюдений, в данном случае над самим собой.

Ах, бани, бани! Голый человек лишен главного порока всех сапиенсов - суетливости. Он вынимает из карманов атрибуты так называемой цивилизации: удостоверение, ключи, деньги, и вежливый дедушка прячет их в мешочек и запирает в ящик; он снимает шелуху одежды, и служитель в чёрном жилете и в рубашке цвета молодой листвы набрасывает на неё тусклый чехол - ведь в банях должен царить мираж всеобщего равенства. В клубах пара здесь резвится лукавый мальчик по имени Свобода, щиплет, хихикает, тащит упирающуюся, страдающую артритом душу вольно побегать вместе, мелькая розовой попкой. В банях решали свои дела патриции. В банях убивали султанов.

Она тоже одно время пристрастилась ходить в баню, вспомнил вдруг Андрей. Не в арабскую, конечно. В московскую пошлую сауну, построенную для себя какой-то мелкой торговой мафией. Лёжа у него на плече, она иногда вдруг предавалась воспоминаниям об этом замечательной месте, и в воспоминаниях оказывались вино и шашлыки, и даже какой-то Володя, пытавшийся сорвать с неё простыню... Она рассказывала и время от времени вскидывала на него глаза, что должно было означать: правда, занятно? А он суперменисто улыбался, судорожно пытаясь понять, так ли она божественно проста или же так безвозвратно испорчена? Но это пятно на стене... пятно фотографии, которую он помнил наизусть: самоуверенные усы Ю.В., взгляд, хозяйски оценивающий пространство, а рядом в фате - она, которая в данный момент лежала на его руке без фаты, как и совершенно без всего остального. И тогда картина их отношений начинала запутываться и тонуть в какой-то мелкотравчатой философии, и разумней всего было уже просто лететь дальше вместе с вращением Земли, ни о чём не думая, стараясь лишь мучаться поменьше...

—Я тут вчера внёс в жизнь немного разнообразия,-сказал над ухом Петруня, уже голый, обернутый в полосатую простыню.- Поэтому хорошо бы послать какого-нибудь парня за пивом.

—Ты что! Какое пиво? Это всё равно, что в церкви глазки строить! Баня - оплот ислама, можно сказать. А баня на базаре - оплот вдвойне! - и неожиданно само собой у Андрея добавилось: - Это тебе не московская пошлая сауна какая-нибудь.

—Да я так... просто мысль залетела, -отступил Петруня.

В первом зале, круглом и сводчатом, скопились старики и дети, визг стоял непереносимый. Мда, патриции и султаны... В следующей парной, где

жарче, полосатых простыней было, слава богу, меньше. Щёлкая по полу деревянными шлёпанцами, Андрей и Петруня прошли к... чёрт знает, как её назвать - вроде как раковине, и железными мисками вычерпали оставшуюся после кого-то мутную воду.

—И чего они не сделают у каждой такой лохани нормальный слив? - сказал Петруня.- Я понимаю - средние века, технологические сложности и всё такое прочее. Но сейчас-то!

—Потому что тогда это будет уже не арабская баня.

Петруня понял, что проиграл этот раунд, глаза у него заездили, и он сгладил поражение, пробормотав:

—Придумали себе тоже, понимаешь... сегедов труд.

Из тесной ниши волнами рвался пар, оседая на заплаканных изразцах. Петруня пошел туда - постоять, отмякнуть, вернулся и сообщил:

—В нашей родной парилке всё равно лучше. Тем не менее, он, как настоящий араб, стыдливо отвернув край простыни, долго плескал себе плоской на сакраментальные места.

—Конечно - баня, конечно - арабская, понимаю, -говорил он при этом,- Но где сабли, фески, ятаганы? Где покуривание гашиша в чалме?...и потом, намыливая голову шампунем: -Почему здесь разрешают эту экологически вредную химию с французским названием? Вместо нее должен быть массаж, негр скакать по мне, как обезьяна... Восток измельчал, он гибнет, как погибли мы...

—Почему это мы погибли? -искренне удивился Андрей, стоя в пене, с закрытыми глазами, отчего разговор шёл как бы по телефону.

—Я не в прямом смысле, мой друг. Мы погибли как характер, как идея. Это же ясно, как божий дар.

—Ты меня пугаешь, Петруня.

—Не преувеличивай. Тебя это не печёт, ты уже ближе к поколению эпохи призов за телекрасоту... Хотя... натура человеческая непредсказуема. Сегодня тебя спросят: чего ты хочешь больше всего на свете? Ты скажешь: попасть во-он с той крошкой после кораблекрушения на необитаемый остров. А через пару дней окажется, что твоя самая большая мечта - сыскать на этом самом острове щипцы, чтобы постричь ногти на ногах.

—Слушай, -восхитился Андрей,- тебе же надо в философы. Такие ловкие демагоги всегда в ходу.

К его удивлению, Суслопаров сказал совершенно серьёзно:

—Я об этом думал. Да видишь ли, оказалось, что всё уже придумано тысячи две лет тому назад. Им тогда было просторней мыслить. Тысячи две лет назад я, пожалуй, был бы среди них.

—В общем: "Скучно жить на этом свете, господа"?

—Видишь, даже это уже придумали.

Суслопаровский язык, размякнув от банной влаги, всё лепечет и лепечет, проникаясь жалостью к самому себе:

—Кому в наше время, по большому счету, нужны философы и пророки? Если даже завтра объявится один такой, с патентом от природы видеть на сто лет вперед, и начнёт убеждать тебя, например, что через год ты будешь чистить ботинки какому-нибудь императору Северного Полюса - ты ему поверишь? Кто ему поверит?.. Пойдем, старик, отдохнем от горьких грёз европейца на вытертых коврах умирающего Востока...

Наступает самый приятный акт ритуала, и три служителя уже ждут, чтобы, суетясь, заменить мокрую простыню на бедрах на новую, сухую, причём так, что клиент даже на мгновение не почувствует себя голым; мокрую смачно шлёпают в руки мальчику, срывая у него с согнутого локтя еще одну - сухую, в которую заворачивают плечи.

—Превратили нас в пиратов каких-то, -бурчит Петруня, когда голову ему закручивают голубым полотенцем.

—Больше смахивает на новорожденных, -вяло возражает Андрей.

А дальше - в зал, на те самые вытертые ковры, о которых говорил Петруня и которыми закидан помост - на него поднимаешься, ощущая усталость и величие, и тут же снова появляются зеленые рубашки под чёрными жилетами, помогают сесть на топчан и ловко ставят рядом столик - крошечный, как все удовольствия в этой жизни. Однако прежде тело придавливают покрывалом, убивающим желание не только двигаться, но и думать, потому что тяжелая парча впитала столько сладостной рахат-лукумной тяжести бессильных восточных грёз, столько неправдоподобного неверия в законы людского бытия... Нет, Петруня, Петруня, всё-таки Восток жив. Ты мудр, Петруня, но мудрость твоя европейская, или почти европейская, твёрдо помнящая об округлости Земли и поле электронов. Твоя мудрость разбита на главы и слишком хорошо знает, что молекула сахара, как и молекула желчи, состоят из тех же самых атомов углерода и водорода. Конечно, Петруня, ты прав в том, что уже трудно увидеть настоящую чалму и что железные лейки душой в предбаннике хаммама¹ - отвратительный признак нашего техничного века. Но всё-таки ты рано разделался с Востоком, с его многослойной, капризной душой, где живут, не мешая друг другу, сладкая страсть к беспредельной роскоши и мучительная тоска по нищей нирване; где в чешуе легенд о свободе змеится наслаждение рабством; где трусливая покорность нафарширована фатальным безразличием к судьбе. А ведь душа - это главное,

¹ хаммам - арабская баня

Петруня, а не ятаганы и не гаремы, и она неистребима, как и твоя, которую я не берусь описывать, потому что она слишком похожа на мою собственную...

Закрученные усы черных жилетов склоняются и почти шепчут с нежным обещанием рая:

— Чаю?

Чаю, чаю, и поскорее, потому что сверху, из-под купола снова просачивается холодный космос одиночества, и только чай, и журчащий фонтан, и нарочно запутанная золотая вязь на черном коленкоре защитят этот картонный домик раскрашенного игрушечного Востока и всех, кто в нём, от большого ехидного мира, чересчур требовательного, как учитель чистописания.

Лубочный Антар с круглыми глазами упрямо скачет на чёрном коне по нежно-салатовой пустыне. Петруня интересуется:

— Это кто, Андрюш?

— Это Антар, арабский Илья Муромец, жил в Йемене.

— Это ж далеко, Йемен, да?

— Порядочно.

— А почему тамошний их герой - в сирийской бане?

— Так везде же был один халифат.

— А... вроде как у нас. Ясно. А потом что?

— Распался.

— Ясно. Как "Битлз".

А вот и принцесса Абла, печальноокая возлюбленная Антара, на красном коне, на другой стене - вечно им скакать и не доскакать друг до друга...

Когда поблизости опять объявился чёрный жилет, Андрей спросил:

— Это у вас что - настоящий Ат-Тинауи или копия?

— Настоящий, месье. Абу Субхи. Подлинный.

Вот так. Жил человек в нищете, всю жизнь рисовал, и пылились его картиночки на чердаке, а как помер - оказался непревзойденным классиком. Везде человечество разводит пиросманщину. Знал бы ты, Петруня, сколько эти картиночки сейчас стоят.

Но Петрунин мозг уже деятельно шествовал дальше.

— Что-то, Андрюш, после этой бани резко упало давление пива в организме.

Это была его неизменная острота.

— Не пивное у меня настроение, Петруня.

— Это так всегда спервоначала кажется. Брось червя сомнения!

Поздно, поздно, Петруня! Чай выпит, струны восьмиугольного фонтана, уставленного цветочными горшками, дрожат перед глазами, наигрывая андалузские аккорды, и это уже как будто совсем другой фонтан, без горшков, а за ним всплывает большое окно в стеклянную клетку а la Montparnasse, да и

весь остальной угол улицы под названием "Нофара" с чужим, мопассановским, фонарём - в меру уродливое дитя искусственного парижского осеменения, хотя Салех Ахмад Рибат совсем не по-парижски выскакивает наружу из своей кофейни в одной полосатой рубашке под дождь - навстречу самым достойным гостям, и Абу Махмуд, а может, даже Абу Али Шахин, если еще не умер - последние сказители Дамаска, сидя на возвышении надо всеми, тянут бесконечную балладу о бесконечных подвигах того же Антара и великого народного героя Абу Зейда аль-Хиляли, то есть про то, как вырубают под корень царства, протыкают львов и увозят красавиц - и мало кто слушает, но голос скользит по лицам солнечным бликом, по мужским лицам, исключительно по мужским, других тут нет, разумеется...

—Я знаю, о чем ты думаешь, -говорит Петруня, сидя в своем коконе, как мумия фараона, и в голосе его играет лукавость кларнета. - Не надейся, что для меня твои мысли - тайны мадридского дворца. Ты хочешь потащить меня дальше по смачным камням Истории, по злачным местам дряхлеющего Востока. Зна-а-аю!..

—Ты у нас в языках король, -мурлычет Петруня через секунду, заплывал с другой стороны. - Это для меня, плебей, вся эта филология - как с белых яблок дым... А ты на скольких языках говоришь, Андрюш, а?

Потом, вздохнув, злобится:

—Привередливый ты, как Пиноккио. А я, между прочим, вчера внёс...

—Знаю, всё знаю! -не выдерживает Андрей и перечисляет, опережая: - Внёс в жизнь немного разнообразия, обманул бутылочку, положил в себя полбанки...

—Аккуратно положил, -вздыхая, поправляет Петруня последний вариант, и с этим вздохом рушится картонный мир, где было так уютно и просто, и Антар больше не скачет, застыв раскрашенной картинкой, с неловко приделанными руками, и топырящаяся люстра и пластмассовые горшки съезживаются, вдруг поняв своё убожество, и угол у фонтана отколот, и чьи-то ноги шаркают мимо, отсвечивая красными пятнами мозолей сквозь дырки в сандалиях.

—Ты беспросветный человек, Петруня.

—Я... беспросветный...- смакует Петруня слово. - Как ты припечатал меня, Андрюш, а? Вот что значит вольная пташка, не в нашем компаунде живешь, не за забором. А я сижу и думаю: упаси бог, надумает завтра Саддам по нам ракету кинуть. Или вдруг какая-нибудь одна дурная до евреев не долетит, свалится нам на голову. И знаешь, почему я больше тебя об этом думаю? Потому что нашего брата технаря из посольства тогда никуда вообще выпускать не будут. По соображениям безопасности. Только и будешь знать что вкалывать, как проклятый бобик.

—Ладно. Пойдем, куда хочешь, чёрт с тобой!

—Спасибо за глоток свободы. Если уж связался с таким, как я, то терпи двумя руками. И вообще...- Петрунины синие глаза оказались болезненно близко, и смотреть в них было неприятно, как в таинственно переливающимся купорос, - Вообще... мне почему-то кажется, что тебе сегодня это тоже не повредит.

Когда вышли из бани, на Дамаск сыпался мелкий копеечный. дождь. В такой дождь комфортнее всего гражданам в чадре, наверняка съязвил бы по этому поводу Петруня, если бы не был так отягощен мечтами о пиве. Чтобы обмануть стихию, пришлось дать обход буквой Г через крытые пуговичные ряды и рынок новобрачных. В отместку дождь пошёл крупными пулями, а с неба стала быстро спускаться тьма. Оливковая "Вольво" тронулась обратно. Андрей засунул в щель магнитофона кассету, и под Жана-Мишеля Жарра город плыл за стеклами, как в кино.

—В какой бар рванём, Петруня?

—В барах цены барские, Андрюш, лучше у ливанца прямо в лавке.

—Ты что! Плебейство какое. Сейчас как раз хабиры¹ повалят. "Как дьела, садьк?.."²

—Ну тогда только не в "Белую лошадь", я там как-то полтыщи ни за фигом оставил.

—Понятное дело. "Лошадь" - не бар, это уже кабак. А мы поедem в "Пингвин".

—Где этот "Пингвин" живет?

—Возле площади Арнус.

—Не знаю...-сварливо сказал Петруня,- Не знаю, что за .Арнус, что за "Пингвин"... А-а! Пропадай всё! Устроим Пирров пир!

Сквозь капли дождя на стекле огни и тела машин переливались, как медузы. Андрей почувствовал, что тот - второй - мир опять подкрался опасно близко. Одно неосторожное движение внутри, какое-нибудь дуновение ветра в голове - и этот легкий руль мощной машины, и тёплая волна из печки, и удобные ботинки из Ливана за 35 долларов, и негустые огни Абу Румани вдруг поплывут болезненным бредом, мысли станут расползаться, как гнилое сукно, которое сдуру расправили, чтобы рассмотреть: что там за узор?..

¹ здесь: советские военные специалисты (араб.)

² друг (араб.)

—Ты смотри, какой "мерс"!-заорал Петруня с таким воодушевлением, что Андрей вздрогнул.-Вон тот, серебристый... как хек. Это же тридцать четвертый год, шесть цилиндров, сорок сил, гонит до ста в час... А вон, гляди, "хадсон" сорок шестого года... нет, сорок седьмого. Не город, а автомобильный музей, ус..ться можно.

—Ты бы шел в автобизнес, что ли.

—Ты что, дурак? Идиот? Не знаешь, что почем у нас в стране? Куда попал - там и сиди, не рыпайся. То в философы меня засунуть хочешь, то еще куда... Как будто сам родился для того, чтобы в Торгпредстве непонятно чем торговать...

Андрей ничего не ответил, потому что Петруня попал на сей раз метко, да и подъехали уже, и он напрягал глаза, чтобы в расплывающемся сыром ландшафте среди блестящих под фарами автомобильных задов найти нишу для "Вольво".

Два скромных фонаря "Пингвина" делали угол улицы уютным; над входом дерево беспокойно шевелило голыми пальцами, сбрасывая капли. Полукруглая открытая терраса была, разумеется, пуста, только махал на ветру красными плавниками мокрый навес. Сам пингвин на тёмной вывеске под фонарями совсем растаял в тени, зато еще сразу три жестяные птицы во фраках, отражая неон, сияли над дверью, которая вела куда-то вроде трюма. Андрей и Петруня провалились по крутым ступеням в красно-коричневое узкое нутро этого трюма, оказавшись нос к носу с не слишком опрятным парнем, вид которого наверняка успокоил петрунины опасения насчет кошелька и который тут же стал бойко называть их "месье". Конечно, дураку понятно, что никаких месье в его заведении быть не может, и за версту он разбирает, что заявили русские садьки (особенная походка, что ли, чёрт возьми!), но знает: садькам нравится, когда их называют "месье".

—Пиво есть?

Вот типично отечественный вопрос. Конечно, пиво есть, и что к пиву - тоже, и никелевые ободки стульев прямо скучают по влажным от дождя спинам.

—Интересно, у нас в Союзе Советских пиво вот так запросто когда-нибудь будет или нет? -пробует Петруня шекспировски поставить вопрос и усаживается за клетчатое полотно скатерти.

—Ты лучше подумай, что со страной будет.

—Ничего невероятного с ней не будет. Только слова заменят. Вместо "политически грамотен" - "ненавязчиво интеллигентен". Или что-нибудь еще. "Исторический материализм - продажная девка коммунизма". Звучит?

Малый вежливо ждал и делал такую заинтересованную мину - того и гляди сам вступит в разговор.

—Парень-то ждет, -сказал Андрей.

—А чего ждет? Что у них - меню в сто страниц? По два пива, а остальное пусть сам домыслит - маслин, орешков... Чего он мямлит?

—Спрашивает: маслин, орешков, еще чего?

—Скажи ему, что он не философ. Люди всегда лучше знают, чего не хотят, чем чего они хотят!..

Малый почувствовал, что месье нервничает, и всё понял, не дожидаясь дальнейшего перевода.

—Маши-ль-халь, маши-ль-халь¹, месье...

Пока он за стойкой собирал, чем богато его заведение, Замурцев непроизвольно проехал взглядом по подвалу. Редкие клиенты, разумеется, уперлись глазами в залетевших иностранцев. Глазеть здесь вроде как хороший тон. А, впрочем, не только глазеть. "Аль-ах мин узйн? А! Русья! Горбачифф - мних?.."²

—Ну? -сказал Петруня.

—Что - ну?

—Знаешь, чем человек отличается от пчелы?

—Чем?

—Умеет рассказать о том, что чувствует.

—Так вот прямо взять и всё рассказать?

—А что тебе еще делать? Давать объявление в газету? Сейчас модно давать объявления. "Куплю индийское пособие по любви и подвесной мотор"...

Малый со звоном посадил на стол поднос с бутылками, стаканами и плошками, и Суслопаров предупредил:

—Антракт.

Он не позволил малому наполнить:

—Иди, иди, тамам!³

Он налил сам, выпил сразу свой стакан и снова налил, и тогда опять стал годен для философских обобщений:

—Андрюш, подумать только, сколько лет люди гробились из-за каких-то мифических истин, разных там национальных и социальных миражей, и вот наконец явился один парень в Кремле и всё поставил на место: держите, ребята, курс на общечеловеческие ценности. Правда, он их не обрисовал, Андрюш, эти ценности, но по логике нетрудно домыслить, верно? Вкусный харч, густое пиво, нормальный прикид... Впрочем, прости, я отвлекся, ты продолжай... то есть начинай.

¹ О'кей (араб.)

² "Брат откуда? А! Россия! Горбачев - хорошо?" (араб.)

³ нормально (араб.)

—О чем ты хочешь, чтобы я начал?

—Не притворяйся. Каждому всегда есть о чем. Всегда что-то жжёт.

—Даже мытищинских философов?

—Даже. Но меня жжёт не сильно, так что вполне охлаждает вот эта жидкость с пеной. А в твоей котельной сегодня температура выше, чем у средней обыденной души.

—Ты думаешь, пьяный трёп для моей души - лучшее средство?

—Фи, как грубо, молодой человек. Ну и держи весь свой угар при себе.

—Если б ты знал, в чем дело, ты бы не трепался.

—А я уже знаю.

—Откуда?

Петруня забеспокоился. Он и сам толком не понимал, как так получается, что он столько всего видит в людях, да и разбираться в собственном внутреннем хламе не хотел. Ему было бы противно всерьёз убеждать кого-либо в своих прозрениях, но и вышучивать божий дар тоже не стоило. Он снова окунул мысли в пиво, и наконец нашел нужное, став прежним Петруней.

—А что ты стесняешься, Андрюш? Знаешь, когда немного пахнет грешком, это даже приятно... будто чуть пригоревшей кашей.

—Петруня, ты... ты сатир, -сказал Андрей почти весело, и ему стало легче, оттого что Суслопаров всё (или почти всё) понял своим узким носом, и уже вроде как установилась уютная, домашняя обстановка маленького заговора, и не надо барахтаться в глупых излишествах.- Что - так сильно заметно?

—Если присмотреться, то да. И потом, я же знаю, каким ты нормально должен быть.

Андрей помолчал, шелуша орешки и отправляя их в рот.

—А у тебя было что-нибудь... вроде такого?

—Не думаю. У каждого свой стиль жизни, Андрюш. Высокие драмы - это не моё.

—Ты понимаешь... Она такие писала письма вначале... Ты не понимаешь!..

—Я слушаю, Андрюш.

—Такие письма... А потом вдруг - ничего. Два месяца ничего. Сегодня я ей позвонил... в общем, кажется, всё. Сказала, что ей не нравится писать письма на чужое имя. Как будто не понимает, что здесь личных почтовых ящиков нет, а общественных почтальонов больше, чем хотелось бы. И так еле сумел уломать одного, чтобы согласился на себя получать... Правда, фамилия у него дур-рацкая!

—Я в этих вопросах не силен, Андрюш. Но допускаю, что есть такие женщины: для них лучше вообще без писем, чем вот так... Давай еще пивка?

—Разве ничего не осталось?

—А разве осталось?

—Не ерничай, тебе это не идет. Я сам удивляюсь, что так быстро кончилось. Эй, друг!..

Малый уже всё понял (очевидно, по перетряхиванию бутылок), был тут и вежливо улыбался, показывая нездоровые зубы.

—Ты уже здесь? Смотри, какой сладкий... Еще четыре пива. Арбаа¹. Ферштейн?

Как не понять, когда Петрунины глаза восходят двумя солнцами в легком тумане, когда четырёхпалая корона пальцев парит, как птеродактиль, а в голосе накатывает шум большого далёкого леса.

—На чем мы остановились?

—Мы остановились на том, Андрюш, что у тебя был сегодня разговор, который заронил червя сомнения.

—Петруня, я тебе всё пиво вылью за шиворот!

—Вон уже несут. Давай лучше выльем его в стаканы. Ты мне скажи: хорошая была девочка?

Жалобно закричали невидимые птицы в густых ветвях над головой.

—Хорошая...

«Как тебе объяснить, Петруня? Что-то вроде внезапной флейты в привычном гуле оркестра. Безмолвно качающаяся ветка в окне... Печально идущий где-то снег...»

—Очень хорошая, Петруня. Ты знаешь, у нее были глаза... как тебе объяснить... не забирающие, а отдающие. И, как ни банально, зеленые. Изумрудные... Нет! Изумрудные - это слишком стеклянные. У нее другие. Живые изумруды.

—Кажется, представляю,-вздыхнул Суслопаров.-Мандраж по коже...

—Она сама говорила, чтобы я ехал, -продолжает Андрей, чувствуя, как весь наполняется сладостной грустью красивого умирания, похожего на закат над холмами Пальмиры под музыку Вивальди.- Сама говорила, чтобы ехал,- он толком не помнит, что она говорила ему и как говорила, но кажется, что именно так, и он сбивчиво рассказывает Петруне, как они два года встречались, и как она обещала ждать, и что чертовски прекрасные были ее письма, всё время прекрасные, пока не стало никаких.- Ведь ясно же было, что я когда-нибудь куда-нибудь уеду, контора же выездная! Зачем тогда было два года встречаться? Я ее не понимаю! Как она себе это внутри выстраивала - не понимаю! Какие там мысли бродили?..

—Ты же не хирург, Андрюш. Чтобы с женщиной тррр... -что-то лишнее попало Суслопарову в горло, он захрипел и заперхал, но спасся пивом,- Чтобы с

¹ четыре (араб.)

женщиной встречаться, необязательно знать, что и как у нее внутри функциклирует. Это даже мешает. Отвлекает. Поэтому они и убегают с гусарами и цыганами, которым на метафизику с антимонией начихать...-тут Петруня понял, что переехал грань, и сгладил:-Это я, разумеется, в порядке дежурного бреда, Андрюш.

Но Андрей уже был слишком далеко, чтобы его могли достать мелкие камешки Петруниного нагличания.

—У меня даже не осталось ее фотографии... Как-то не думал об этом, ведь у меня была вся она - зачем фотографии?..

—Это, может быть, и хорошо, -утешает Петруня, оценивая ситуацию со своей точки зрения.- А то еще Вероника накроет. У них вообще нюх... Ты письма-то хорошо спрятал?

В голосе приятеля Андрею слышится слишком развязная гамма, и он суровеет.

—Ты не трогай Мисюсь. Это просто подарок судьбы - такая жена. Без неё я бы толком и галстук не умел завязать.

—Понятное дело! -коварно соглашается Петруня.-Она теперь опять всего дороже.

—Да! Представь себе! Или ты думаешь, что я собирался ее бросить?

—Ого-го! Пью за повелителя стихий.

—Ты дурак и алкоголик. Может, я и ребенка собирался бросить? Тебя бросали родители?

—У них ничего такого не было.

—Откуда ты знаешь? А?

—Ладно. Успокойся. Все равно я тебе завидую. Безобразие лучше однообразия. Слушай, опять всё кончилось. Давай теперь чего-нибудь покрепче.

—Да мне уже хватит.

—Ну вот, я так и думал. С тобой идти пиво пить - все равно что ехать в Пальмиру купаться. Надо как следует закончить... Где этот представитель древнего народа? Халдей! Принеси "ладошку" арака, понял? Что он клювом щелкает?

—Говорит, у них не подают.

—Вот те нате, хрен в томате... Знакомая песня... Ну скажи тогда, пусть принесет откуда-нибудь. Надо напоследок весело закончить... Чего он?

—Говорит, подороже будет.

—Ладно. Пусть прёт, не обидим.

Андрей не помнил, перевел ли он последнее или Суслопаров уже поднялся на воздушном шаре воодушевления над высотой всех языковых барьеров. Во всяком случае, малый тут же исчез.

На какой-то миг у Андрея блеснуло, как солнце из туч, предвидение:

—Петруня, может не надо "ладошку"?

—Почему это?

—Мне-то, знаешь, проще, я отдельно живу, а тебе через всё посольство топать.

—Не будь роялистом больше, чем рояль. Я же не девка, чтобы ты меня провожал. А на всех этих цербернаров я клал, понял?

—Понял.

—Ничего ты не понял.

—Я понял, что ты на них всех клал.

—Да не в этом дело! Ты просто рад мне еще раз напомнить, как ты безобразно свободен... Молчи, я знаю, что ты не хотел. Просто у всех у вас пещерные понятия о свободе. А классик как говорит? "Свобода есть осознанная необходимость". Не кивай, не кивай, ты не понимаешь всей глубины... А! Принес наконец, мурмудон ты мой, молодец, парень куэйс¹. Тебе сколько, Андрюш? Разбавить сильно? Ледку?.. Так вот, сегодня мной осознана необходимость устроить в этой пивной центр мироздания. И я устроил. Поэтому я свободен. Ха-ха! Спроси его: он верит, что я свободен?.. Ладно, не спрашивай, давай лучше выпьем.

Арак мятной струей легко льется в горло, и внутри долго тает его холодная дорожка.

—Я, Петруня, тоже бы... как-нибудь... Каждый день одно и то же!

—Правильно. Знаешь, чем человек отличается от пчелы?

—Чем?

—Тем, что должен доказать себе смысл жизни.

—Вот я и докажу. Поеду куда-нибудь...

Поначалу туманная, эта мысль стала быстро оседать в голове переливающимся инеем.

—Возьму и поеду прямо сейчас.

—Куда же ты поедешь?

—Какая тебе разница?.. Что, в Сирии некуда поехать?

—Верно, есть места симпатичные... Маалюля ничего, Забадани...

—Дерьмо твой Забадани! Вы все дальше Забадани не ездили. Каботажники! А на севере ты был?

—Куда уж нам в лаптях за паровозом! Да и чего там хорошего?

—Там природа, друг мой. Ширь.

—Ну и что? Поедешь за пятьсот кэмэ и увидишь, что там такая же сраная пустыня. Ехал бы лучше в Маалюлю - и ближе, и красивей.

¹ хороший (араб.)

—Ты дурак. Я там миллион раз был.

—Ну и съезди еще. Я там два миллиона, может, был.

—Тебе не понять. Это как зов.

—Ну-ну. Езжай, если у тебя такая идея с фиксой... Слушай, а может, лучше Бейрут? Вот куда бы я смотался.

—И не говори мне про него. Это же просто припадочная Ницца местного значения. Ты снимаешь трусы со своего плебейского преклонения перед банальщиной. Там, на севере, - мне рассказывал Муликов из культурного центра - серная река вытекает из земли. Зеленая река, понимаешь?.. Как стекло... или, наверное, как жидкая бирюза. Может, она прямо из ада течет... Ты в Бейруте такое увидишь?

Насчет ада Петруню задело.

—Да... Муликов - мужик с тараканами в голове... (это означало похвалу) И страну знает взад и поперек.

—Там вообще, наверное, ближе к аду, Петруня, -продолжал Андрей разрабатывать найденный сюжет.- Потому что вся земля пахнет серой, особенно к вечеру... и мост римский на Тигре... и лиловые горы... и еще чёрные горы... может, они торчат из самого пекла...

—Все равно, -капризно сказал Суслопаров, как будто Андрей умолял его тут же полюбить этот самый сирийский север, о котором наплел Муликов.- По пустыне тащиться... не люблю я эту вселенскую пудреницу...

Так или примерно так протекал, как вспоминалось впоследствии, этот полумифический разговор, полумифический не только потому, что весь вселенский космос, начиная от самых глаз, уже заливало нереальным туманом, но, главным образом, может быть, оттого, что в не доступной никому параллельной жизни, в этой раковине, куда сам Замурцев заглядывал с опасением, вдруг непонятно как, хозяйски расположился Петруня, пытающийся даже и сюда распространить свои философские изыски. Хотя, кажется, разговор очень скоро съехал в какие-то невыносимые джунгли, от чего в памяти зацепились только несколько невнятных обрывков, почему-то о гражданской войне, которая, в общем-то, понятное стремление народа внести разнообразие в унылый идиотизм существования, и что, если петуха в воду бросить, ему, в принципе, раз плюнуть поплыть - между перьями-то и в костях воздух - а он начнет безрассудно барахтаться и все равно захлебнется, и что все мы похожи скоро будем на таких вот петухов.

Помнилось еще, что потом (уже на улице) какой-то мальчишка целовал себе грязные пальцы, показывая, какой Андрей сладкий, и говорил весело хриплым голосом:

—Мистер, дай двадцать пять!

И еще - сопливый от грязи тротуар и Петруня, делающий время от времени такие плавные па, что казалось: вот-вот заиграет нежная музыка "Лебединого озера", и крик его души, когда он наконец добился своего: "Думаешь, легко представителю великой державы в картонных ботиночках за 150 лир??"

Как ехали опять в "Вольво", Замурцев помнил уже лучше, все-таки приходилось напрягать центральную нервную и вегетативную. Машины проносились мимо так быстро, что казались очень длинными. Петруня вертелся на сиденье (ничего нет хуже пьяного философа) и кричал:

—Куда лезешь, гад! Слушай, Андрюш, ну когда наконец все эти кретины за рулем переколошматятся и ездить станет приятно?.. -и тут же: - О-о!.. Глянь: вот это "Мазда"! Какая форма - просто гениальный обсос!- и вдруг вспыхивала еще одна жгучая мысль, и он опять принимался орать: -Ты видишь? Видишь, какая зайка поехала?.. Вон, в "Бьюик Сенчури"... одной кожи на ней на двадцать тыщ. А номерочек-то государственный! Зарываются они, не кончится это добром, точно тебе говорю. Как у нас...

Слава богу, все лучшие места в Дамаске собраны тесно, и вот уже - темные задворки посольства с рядами машин под навесом и без, и сыроватый ветер, гасящий пронзительный Петрунин голос:

—Знаешь, ч... чем человек отличается от пч... пчелы?

—Кончай со своей пчелой. Надоел. Скажи лучше, чем не отличается.

—А ты разве сам не просекаешь? Вроде неглупый парень...

—Тем, что тоже живет в ульях?

—Ты умница. И тоже любит нектар! Ха-ха!..

Что-то будто толкнуло Андрея, он поднял глаза и угадал в темном небе глыбу горы Касьюн, в этом месте меньше усеянную огнями, чем где-нибудь напротив Абу Румани. И нужно было конечно еще раз попытаться разгадать неясное беспокойство, немое послание, звездный язык, но сил уже не было, и он только сказал Суслопарову на всякий случай:

—Ты там... поосторожней.

Но этот пижон не понимал неслышного голоса судьбы, проговаривающегося шелестом ветра и кружением облаков, и в ответ на дружеский совет продолжал гаерствовать:

—Ты что, Андрюш, забыл, как пишет центральная партийная печать? "Мы не боимся разоблачений. Мы такие, как есть, и гордимся этим!"...

—Ну всё-таки. Постарайся там... без эксцессов.

—Конечно, конечно, друг мой... не волнуйся, я и сам понимаю. Будет очень неприятно, если после нашего милого вечера... Это ведь такая же будет гадость, как испортить воздух в сауне.

Андрей вздрогнул. В сауне? Ах да, просто очередная Петрунина шутка.

Но вот Сулопаров пошел к воротам, растворяясь в ночных бликах, а Андрей залез обратно в теплое автонутро к интимным огням (жалко, не зеленые, а то было бы похоже на кабину самолета). Часы показывали девять, в это время он всегда слушал "Радио Монте-Карло", уже почти выработался условный рефлекс. Да и в самом деле интересно, что там случилось в остальном мире, пока они с Петруней заседали в бане и в "Пингвине", время сейчас богатое.

"...госсекретарь США заявил, что Буш и Горбачев назначат новую дату встречи в верхах, как только это станет возможным. Нельзя быть уверенным, подчеркнул он, что конфликт в Заливе завершится к середине года".

Женский голос сменяется мужским.

"С начала военных действий союзная авиация совершила 25 тысяч вылетов против Ирака. Сегодня утром дождь из бомб обрушился на города Зурбатия и Бадра, сообщило агентство ИРНА; американское командование подтвердило, что была проведена воздушная атака на военно-морскую базу Умм Каср".

"Двенадцатый день войны привлек внимание двумя главными проблемами: массовым перелетом иракских самолетов в Иран и разрастанием нефтяного пятна, которое угрожает саудовскому побережью..."

Еще полторы минуты такого же ровного, даже чуть занудного, рассказа об армагеддоне:

"Саддам Хусейн подтвердил журналисту Си-эн-эн Питеру Арнетту, что иракские ракеты СКАД могут нести ядерные, биологические и химические заряды. По словам советского генерала Петрова, в распоряжении Багдада имеется от 2 до 4 тысяч тонн химических средств, в основном горчичного газа, табуна и зарина".

Нежные голоса: "Радио Монте-Карло-о-о!..". +Реклама стирального порошка. Как любят писать в плохих романах, жизнь продолжается.

Мисюсь тоже провела то время, пока они не виделись, культурно: сходила на угол за пиццей и сидела с тарелкой перед телевизором. Андрей встал в дверях, для начала - подальше.

—Как баня?

—Ничего. Петруня только, по-моему, немного перестарался.

—Это я чувствую. По амбрэ.

Нюх у Вероники был поразительный. Он всегда просил *ту* не использовать крепкие духи, а еще лучше - не использовать никакие.

—Не надоело тебе якшаться с разной пьянью?

—Я как Фрэнк Каупервуд¹, -сказал Замурцев, спотыкаясь на чересчур длинном имени. -Я независим и встречаюсь с людьми интересными, а не полезными.

—Фрэнк Каупервуд...-повторила она с сомнением, граничащим с насмешкой. -Фрэнк Каупервуд был миллионер.

—А я что? Я тоже не последний человек по советским меркам!

Постукивание вилки, вопли телевизора. Мисюсь иногда умела так промолчать, что получалось впечатлительней любых слов.

Потом ровный голос:

—Хочешь пиццу?

Может, надо ожесточиться?-подумал Андрей. Но ожесточиться не получилось, и он в конце концов сказал:

—Ладно, давай.

Потом он вспомнил, что все-таки главарь семьи, как сказал бы Петруня.

—А ребенок где?

—Занимается.

—Это хорошо.

Андрей тоже сел перед ящиком для идиотов и откусил кусок пиццы.

—Про Залив показывали?

—Показывали и говорили что-то, но я не разобрала, по-арабски ведь.

—Ничего, в десять снова будут новости, я тебе переведу.

—Маслом пиццу помажь, полезно, чтобы ногти не слоились.

—Пап! Па-ап!

—Слышишь? Юлька кричит - тебя к телефону.

—Да ну их всех... (скаламбурил сам для себя) в баню!

—Ты что! Вдруг что-нибудь важное.

—Па-ап!

Как у них всё основательно и правильно, прямо секретариат, а не семья.

—Не ори, иду!

Юлька преданно протягивала трубку, зажав ладонью микрофон.

—Из посольства, говорят...

—Разберемся, иди... Алло! У аппарата.

В телефоне был Леша Жандарев, молодой посольский парнишка, почему-то с большим подбострастием относящийся к Андрею, кажется после разговора то ли о Максимилиане Волошине, то ли о преимуществах блютерьеров.

¹ главный герой романа Т. Драйзера "Стоик"

—Андрей Сергеевич, добрый вечер, извините, пожалуйста, за беспокойство, но я решил позвонить... получилась такая история с Суслопаровым Петром Яковлевичем...

Испортил всё-таки Петруня воздух в сауне!-выскочила самая первая мысль, и как-то сразу не связалось: зачем же ему-то звонит Леша, если история получилась с Петром Яковлевичем? Но тут же нужная догадка пришла вместе с гаденьким сквознячком в животе, хотя он и сказал деланно ровным голосом:

—Какая именно... м-м, история?

Леша не успел ответить; в трубке было слышно, как на его голос стал наезжать чей-то более сильный, и вдруг в ухо громко зазвучал Войцыцкий, старый приятель, помощник военного атташе:

—Старик, тебе уже рассказали? Тут Петруню взяли под изрядным баллоном. Что же ты ему мозги не вправил? Он поперся сдуру в клуб и нарвался на Непейного, само собой. А у того, сам знаешь, какое губернаторское положение, ему хоть бы как-нибудь обозначиться, напомнить, что он ум, честь и совесть. Виквас тоже на Петруню взелся, время ведь режимное...

Андрей ощутил, что в двери возникла Мисюсь. Так и есть: Мисюсь, да еще с выражением "что стряслось?" на лице. Он махнул ей рукой: иди, иди! и снова прижал к уху войцыцкий голос.

—...закладчиков хватает, видели, как вы у посольства расстаться не могли. Так что готовься завтра штаны снимать.

—А я-то здесь при чем? -сказал Замурцев почти оскорбленно.- Подумаешь, видели у посольства!

—Ну, как знаешь. Петруня тоже не герой-партизан, возьмут его за хипок - неизвестно чего нарасказывает. А я тебе говорю: Непейному ваш кульбит прямо подарок ко дню рождения. Он как раз метит из освобожденных в советники по кадрам. Так что думай, напрягайся.

—Спасибо, -сказал Андрей, и от беспомощной ненависти к ситуации, и к Непейному, и к Петруне получилось как-то слишком униженно-подобострастно. Но хуже всего, что Мисюсь еще была здесь и всё поняла, да и что тут было понимать!

—Догулялись, мистер Каупервуд?

—Что-ты-имеешь-в-виду? -спросил он почти по слогам, пытаясь выиграть время, чтобы справиться с растерянностью. Он терпеть не мог, когда его видели растерянным, тем более, знал, что через секунду это пройдет и мозг начнет изворачиваться, бороться, даже, может быть, впадать в нездоровый азарт, поскольку характер у него, в общем-то, был в деда: внешне мягкий, но с пружиной, а то бы его давно втоптала в домашний коврик такая волевая и умная женщина, как Мисюсь.

—Ты сам прекрасно знаешь, что я имею в виду. Кто это звонил?

—Войцыцкий, из посольства.

—И что там? Дружка твоего высылают?

—Пока только поймали.

—Ну, значит, завтра вышлют. И тебя, дурака, следом. Только мы вот чем виноваты?..

На последнем слове голос Вероники дрогнул чисто по-женски. Конечно, обидно и позорно уехать из страны из-за какой-то глупой пьянки.

—И что мы теперь будем делать?

—Только спокойно! -Андрей знал, что главное - не дать камню покатиться с горы.- Ты должна мне помочь быстро исчезнуть.

—Как - исчезнуть? Куда исчезнуть? -Мисюсь, разумеется, своим чересчур конкретным и обстоятельным умом уже крепко увязла в горестной ситуации, и пока все закоулки ее воображения не заполнились ужасающими подробностями гибели Помпеи, нужно было оторвать внимание от вулкана, тем более, что в ближайшие полчаса ее помощь действительно была нужна.

—Я думаю, Виквас меня не будет топить...

—Кто это - Виквас?

—Ты что! Я же тебе рассказывал. Виктор Васильевич, офицер по безопасности. Он мужик ничего, но сейчас одна сволочь шум подняла. Петруню, может, и утопят, но если у меня будет что-то вроде алиби, никто раскапывать не станет, нужно им! Одним дураком насытятся!.. Стой здесь.

Он схватил трубку и набрал номер, а Вероника, обессиленная сумасшедшим ветром, вдруг ворвавшимся в надежное, просчитанное существование, обреченно опустилась на диван.

—Алло! Дилором? Мирсаид дома?.. ("Дома!" -шепнул он расстроенной Мисюсь и подмигнул, будто готовился обрадовать всех потрясающей шуткой) Мир, привет! Узнал? Как сам?.. Ну и прекрасно. Ты мне круто нужен, есть одно важное дельце... Еще важнее, чем на миллион... Конечно, за мной не заржавеет (жене - скорчив обезьянью рожу, жестами: сейчас мы ему врубим, вот обалдеет! умора!). Я, видишь ли, уезжаю срочно в командировку... да-да, именно в это самое замечательное время, на ночь глядя. Но это еще не самое интересное. На самом деле я уехал вчера утром, ты понял? Так что подтверди, если кто спросит. Да, мне надо. Очень... Завтра в посольстве узнаешь... Почему секрет? Были с Суслопаровым в бане, а он нарезался и влип. Может, кто-то нас видел вместе. Как он садился ко мне в машину... Наверняка болтать языками начнут, не мне тебе рассказывать. Но я-то - ты ведь чувствуешь? - в полном ажуре! Хочешь - дыхну? (поскрипывающий смех) Да, вот еще: справочку, как консул, напиши после возвращения, ладно?..

Прошла примерно половина вечности, после чего наконец из электрического молчания послышалось:

—Н-ну ладно... В память, учти, о нашей дружбе в институте.

—Спасибо, старик, -проникновенно сказал Замурцев уже своим, натуральным голосом, без нервических рож и припадочного смеха.-Я, знаешь, не сомневался, что ты поймешь.

—Больше так не делай, -посоветовала трубка с легким южным акцентом, вместив в эту фразу всё: бескрайнее море благородства и смертельную усталость от людской нечистоплотности. Но пришлось выпить смесь, не морщась.

—Всё. Нормально, -сказал он, положив трубку.- Пусть теперь разбираются, с кем Петруня в темноте приезжал.

—И куда же ты отправишься? -спросила Мисюсь.

—Куда-нибудь подальше...-тут его осенило: бирюзовая река, лиловые горы...- Туда... на север, к Дейру.

—В Дейр эз-Зор! Это же у черта на рогах!

—Правильно. У черта! У дьявола! Тем лучше.

—А почему не в Хомс какой-нибудь или не в Тартус? Ближе всё-таки. И от войны подальше.

—Это уж позволь решать мне.

Последние слова получились громко и внушительно, даже строго. Услышав этот рык взволнованного льва, Вероника не стала спорить, чем еще раз доказала, что умная женщина.

—Па-ап! -прилетело от Юльки.- Что это вы там?

—А ты не лезь в родительский базар, занимайся своими делами! -и вдруг его прошило электричеством.-Ах, черт! Черт! Я же ему не сказал!..

Он опять стал давить на белые зубы кнопочного телефона.

—Алло! Мирсаид? Слушай, я же тебе не сказал, куда поеду (с подозрением обманутого мужа). А почему ты не спросил?.. Не догадался!.. Ах, как у тебя просто всё! А у меня, сам понимаешь, всё довольно серьезно... В общем, я уехал в Дейр эз-Зор... а потом может дальше куда-нибудь... да хоть в Хасаке... не знаю, как сложится... К чёрту. Спасибо. Спокойной ночи.

—А в Хасаке зачем? -спросила Мисюсь.- Это уже совсем на край света. Почти Ирак. Еще какую-то глупость задумал?

Чтобы подразнить ее, он сказал почти что с небрежностью путешественного аристократа:

—Может проеду чуть подальше. Там потрясающие есть места, Муликов рассказывал. Посмотрю реку серную... римский мост на Тигре...

Он чуть не прибавил: "А то вышлют, так ничего и не увижу", но всё-таки пожалел Мисюсь и ее слишком конкретный ум.

Он повторил ей, как Мирсаиду:

—В общем, не знаю. Как сложится.

Хотя на самом деле всё у него уже сложилось, и он знал.

—Андрюша, о чем ты! Это ведь уже турецкая граница. Тебя и близко не подпустят!

—Видишь ли, там границу никто особенно не охраняет. За ней больше турки смотрят, чем сирийцы.

—Почему?

—Значит, туркам нужней.

—Странно как-то...

—Восток, милая.

Тут он спохватился.

—Давай собираться. Алиби всё-таки надо поддерживать.

—Ага, -испуганно согласилась Мисюсь, как будто к дому вот-вот должны были подъехать черные "эмки" с нелюдимыми чекистами.

—Сейчас я Юльку привлеку для быстроты.

Но хоть бы и впрямь само НКВД грозило приехать, Мисюсь все равно была не в силах совладать со своим педантичным механизмом внутри.

—Ты выкладывай обувь, Андрюша, а я буду отбирать одежду.

—Какая обувь, ты что! На два-три дня! Время, Вероника, время!

Вот так, подхлестами, удалось ввергнуть Мисюсь в суету, что было для нее худшим мучением, поскольку, когда хватаешь первую попавшуюся пижаму, отказывая себе всего лишь в двух минутах, чтобы рассудить, какая именно больше пригодна для данного случая, жизнь становится опасно легкомысленной и ненадежной.

От суеты проснулся в клетке попугай и полужадушенно бормотал спросонья.

Юлькин голос кричал из ванной:

—Па-ап, тебе двух сменных лезвий хватит? и - странное дело - Андрей был даже доволен, ощущая, как весь этот шум вращается вокруг него, видя, как растет скарб романтического путешествия, как заливается чай в термос, заворачиваются в фольгу бутерброды и Мисюсь то и дело спрашивает:

—А, может, еще одни теплые носки возьмешь?.. Помидоров тебе не мало положила?..

Давно уже не удавалось ему ощутить себя центром семьи в такой мере.

А, может, это в крови у любого мужчины, даже одурманенного высшим образованием: ночь, папаха, шашка; закутанная в черное женщина на крыше сакли... и достаточно тревожному ветру с гор дунуть случайно, как сразу чудятся храп коня и дорога, уходящая в бездну ночи...

Из книг он взял с собой "Комедиантов" Грэма Грина. Это было удобное для путешествий дешевое карманное издание, и, как ни странно, всего с одной опечаткой, да и то во французском слове: "assevez-vous".¹

Кроме этого предмета, бегство на север оказалось невысказанным без большой серой сумки, пакета с постельным бельем (на всякий случай), красного сундука-холодильника и термоса. В два приема Андрей отнес всё в машину. Потом надо было вдумчиво разложить по карманам деньги, документы, ручку, ключи, записную книжку, запасные ключи от авто - чтобы ничего не мешалось и в то же время было под рукой.

—Может не ехать, обойдется?-под занавес робко предположила Вероника.

—Да нет, лучше уж - как Петруня говорит: «На бога не надейся и сам не плошай...». А Виквас даже благодарен будет, ему же меньше забот.

Жестом он поманил ее за собой следом на лестничную площадку.

—Юльку к телефону не допускай, чтобы не брякнула чего-нибудь.

—Я его выключу.

—Ну... это уж лишнее. А в общем... как хочешь,-Андрей поцеловал Мисюсь и от чистого сердца сказал:-Ты у меня умница.

Только в лифтовом одиночестве до него дошла брезгливая гримаска, мелькнувшая на миг на лице Вероники, когда он процитировал Суслопарова. Сделал он это случайно, просто подвернулось на язык. Ну и хорошо, а то Мисюсь подумает, что он испугался до беспамьятства. И еще хорошо, что нет душка предательства. Пусть знает, что он своих приятелей из анналов истории не вычеркивает, что бы ни случилось. Поэтому удачно вышло, очень политически правильно.

Еще не было половины одиннадцатого, когда он выехал. Дождь не мутил больше темноту, от его обильных слёз, которые они с Петруней переждали в "Пингвине", остались лишь таинственные медузы луж на асфальте и тревожащий озон в воздухе. Машин почти не было, но Андрей все равно ехал спокойно, поскольку не относился к любителям голливудской езды, когда трещат клапана и скулят покрышки. Только очутившись на алеппском шоссе, он позволил двухтонной "Вольво" разогнаться до цифры 120. После 25-го километра он свернул к Дмейру на дорогу провинциальную, узкую, но гладкую и пустынную.

До Пальмиры оставалось около двух часов бодрой езды. Трасса хорошая, надо только опасаться пучков кордной проволоки от лопнувших покрышек.

¹ вместо "asseyez-vous" — "садитесь" (франц.)

Дамаск, наверное, уже совсем заснул. Летом он успокаивается поздно. На Шааляне летом и в десять сутолока, даже гуляют девчонки (а там ничего есть девчонки); фруктовые и кондитерские лавки веселят прохожих яркими лампами; звенит миска на цепочке, прикованная к крану, устроенному в помин души шейха Нури - одного из столпов бедуинского племени шаалян, когда-то полюбившего здешние места и давшего им свое имя. И отросток ветвистого дерева правящего клана племени с надменно закрученными усами - весь в белой галабии¹ и с четками из ягод терновника - сидит на венском стуле на тротуаре перед входом в наследственный особняк, отличаясь от далеких предков, 13 веков тому назад поставивших свои палатки в здешних садах, только носками фабрики "Редуан Халляк" и ботинками со шнурками.

Иногда, впрочем, стоит только стул.

Сейчас, по случаю зимы, стул, разумеется, убран и дверь наверняка закрыта.

Уже погасли огни Хамры и Салхии, но еще светит, наверное, прожектор на вальяжной площади Омейядов и растягивает тень памятника президенту или, в советском просторечии - папе - на просторной глухой стене библиотеки его имени.

Мисюсь налила себе джину, смотрит ТВ, думает о стремительной "Вольво" своего мужа, о зловредном Петруне, о том, чем обернется вся история, и немного - о войлочных тапочках, съеденных накануне молью. Он вдруг понял, что хочет подойти к ней сзади и поцеловать в теплую шею с родинкой, отодвинув волосы. И еще он вспомнил, как любит смотреть сбоку на ее профиль, когда она над чем-то задумается, а когда она очнется, то почему-то очень противно сердится и банально ворчит, вроде: "Ну, что смотришь?" Она очень серьезная женщина и чудесная жена, Мисюсь. Она, наверное, достойна быть женой великого человека. Как же так получилось, что она вышла не за того?.. Или тот, за кого она вышла, был похож когда-то на заготовку великого?..

Провинциальный тихий Дмейр остался незамеченным где-то в темноте справа. Еще через километр Андрей миновал первый пост. Когда машина запрыгала на небрежно наляпанных асфальтовых буграх, кто-то вышел с фонариком, посмотрел на номер и махнул рукой: валяй, не останавливайся.

Дальше лежала пустыня, безжизненная мокрая земля на сотни километров вперед, и пока эта внезапная бесконечность, торжественная, как музыка, не начала выматывать душу, надо было поскорее включить успокаивающую птицу дорожного уюта. Панель озарилась цифрами "1233" - радио Монте-Карло.

¹ народная арабская одежда: длинная рубаха почти до пят

"...С начала операции "Буря в пустыне", по данным союзников, они потеряли 24 самолета. Два американских истребителя-бомбардировщика F-15 "Игл" и один бомбардировщик А-6 считаются пропавшими без вести вместе с четырьмя членами их экипажей. Ничего не известно еще о двух "Торнадо" британских ВВС и об их пилотах".

"Саудовский военный представитель подтвердил, что иракская ракета "земля-земля" типа СКАД была перехвачена и уничтожена сегодня вечером над Эр-Риядом примерно в 21.00 по местному времени. Жители саудовской столицы могли наблюдать пуск четырех ракет "Пэтриот" противоракетной обороны, после чего в 21.03 была объявлена ракетная тревога. С начала операции "Буря в пустыне" Ирак осуществил уже 26 пусков ракет по Саудовской Аравии".

"Испанец Карлос Сайнс на "Тойоте Селика" продолжает лидировать в ралли Монте-Карло, не уменьшая разрыва с неистовым Франсуа Делекурром и его "Фордом Сьерра"..."

Всё ясно, дальше будет про победы Бориса Беккера и про наводнение где-нибудь в Бангладеш, без этого набора новости - не новости. Во всяком случае, в данном историческом промежутке.

"720" - частота Би-би-си:

"...высшего совета исламской революции аятолла Мухаммад Хаким подтвердил в Тегеране, что священные города шиитов Неджеф и Кербела подверглись бомбардировке авиацией союзников."

"В Ливане доллар продолжал подниматься в течение последней недели, достигнув в пятницу 1050 лир против 1013 лир в прошлую пятницу..."

В общем, ничего сверхъестественного в мире не происходило. Кто-то стрелял, кто-то отстреливался, кто-то качал права, кто-то наживался, кто-то утверждал себя. Ничего такого, что затмило бы последние события в жизни самого Андрея.

Кое-где на холмах полосами смутно белел снег - на холмах, которые, как стадо ночных зверей, подкрадывались к дороге. А когда снег не мешал тьме, начинало казаться, что по обеим сторонам стеной стоят высокие ели, а когда асфальт бежал вниз, легко можно было вообразить, что дорога уходит в гигантский черный зев - под землю.

Что поможет муравью, забежавшему ночью в собор, справиться с этой огромной черной отстраненностью? Удары покрышек по выбоинам? Деловитый голос из Лондона, рассказывающий о быте третьего американского бронедивизиона в песках Аравии? И понемногу начинает казаться, что от всей жизни остался лишь неудобный кусок воспоминаний, застрявший где-то в горле. И единственное слабое спасение - начать что-то петь самому вместо радио.

Ах, как не хватает сейчас Петруни с его умом мытищинского философа!..

"Мы никогда не говорили о любви..."

Получилось хрипло и отвратительно нетвердо.

"...И нежных слов
мы избегали, как могли:
В них был опасный смысл –
Огонь горячих искр..."

Уже давно он не сочинял. Потерялась связь с какой-то таинственной сферой, где дремлют звуки и живут слова. Сколько там осталось слов! Но отчего-то ни полная луна, ни бьющиеся под ветром акации, ни "Чинзано росо" не помогают больше расслышать голос из того мира. Дверь закрыта.

"...Мы не умели
вместе ни о чем мечтать,
И даже если
Мы, обнявшись, шли вдвоем,
То каждый думал
потихоньку о своем..."

...Но нет! Неправда! Он о Мисюсь сочинял больше, чем о других! Умопомрачительно много умопомрачительно славных песен. Потому что он действительно ее любит. Просто он страшно откровенен в песнях. Если бы Мисюсь это знала, она бы знала все... А может, она знает, но делает вид, что не догадывается? Милый, бесконечно милый Мисюсь...

Он спел восемь или десять песен и еще два раза послушал новости до того, как на горизонте показались желтые и голубые черточки огней Пальмиры. Отсюда до Дейр эз-Зора было еще двести кэмэ с небольшим. Андрей понял, что надо хотя бы немного поспать. Петь уже не было сил, и он, чтобы веки не слиплись раньше, чем надо, последние двадцать километров бубнил какой-то дурацкий припев, пришедший случайно на ум, вроде "чибадурилла", так и бубнил его до изнеможения, пока не подъехал к когда-то пышной столице гордой царицы Зенобии.

Снег штриховал складки холма Джебель Мунтар. "Вольво" проскочила между его надменной глыбой и пятном света, ложащимся на буквы на бетонной стене: "Пальмира Шам Палас отель". Потом снова омут тьмы, свет фар побежал по камням, круто заворачивая туда, где прожекторы обнаруживали среди ночи

стену храма Бела и силуэт Триумфальной арки и превращали Историю в театральную декорацию.

Слева от дороги, где-то в паху у холма Умм аль-Кейс (уж что-что, а Пальмиру он знал неплохо), невидимые, стояли несколько погребальных башен, туристские автобусы накатали к ним довольно безопасную колею. Подходящее место, чтобы съехать с трассы, где слишком много огней и шума. Андрей притормозил, пропуская раздражающе огромный, бьющий фарами в глаза встречный грузовик, съехал с дороги налево и заставил "Вольво" ползти вверх по склону, переваливаясь на камнях. Он остановил машину, выключил фары и понял, что небо совсем иной черноты, чем холм и башни, проявившиеся перед ним на фоне ночи. И еще он понял, что, скорее всего, не выдержит и залезет внутрь одной из них – ведь, может быть, в последний раз посылается такой случай.

Андрей застегнул куртку, надел теплую - московскую - кепку. Снаружи дул небольшой ветер - бриз из пустыни, ровный и угнетающий, как вечность. Башня стояла шагах в двадцати выше по склону, у ее подножия зияла, как разинутый рот, низенькая дверь, а окошко наверху делало фасад похожим на одноглазое лицо. Андрею вдруг показалось, что в окне мелькнуло что-то светлое, ноги и сердце у него стал наполнять тяжелый ил, но уже через миг эта игра мнительного воображения лишь позабавила, а взбодривший кровь адреналин даже был кстати, поскольку отогнал сон. К сожалению, к счастью ли, ушли времена таинственных всемогущих сил и рациональный человеческий ум предпочитает теперь полагаться исключительно на самого себя.

Он включил фонарь и, пригнувшись, пролез внутрь. "Ведь, может быть, и впрямь в последний раз..."

Стоять ночью в круге желтого света от фонаря в построенном две тысячи лет назад погребальном сооружении было довольно романтично. Башня сохранилась неплохо, хотя это был лишь ее каменный скелет, облицовка же, финтифлюшечки обвалились, содраны, разграблены... Вот сюда задвигался каменный или глиняный гроб с усопшим, скользил по этим выступам, а затем веками сухой ветерок из пустыни подсушивал плоть, превращая тело в мумию... над этим гробом двигался другой... и еще... и еще... прямо как складские стеллажи. Непонятно: то ли *тем* так не хотелось далеко уходить от живых, то ли оставшимся трудно было отпустить ушедших. Или просто связь между душами тех, кто был близок в этой жизни, отчего-то была прочней две тысячи лет назад.

Андрей посветил на лестницу, заваленную обрушившимися камнями. Если бы ночь была ясная, в окно наверху были бы видны звезды. Когда он впервые лазил ночью по пальмирским башням, его почему-то страшно

поразили эти наполненные звездами ковши в мертвых домах. Жаль, что сейчас зима, что облака.

Андрей погасил фонарь и вылез наружу. Фары редких машин на дороге внизу скользили по боку холма напротив "Шам Палас отеля". Далеко вдали мерцали голубоватые огни поселка, а перед ними стояла ровная желтая электрическая заря, подсвечивающая колоннаду. Там лежали остатки города, где все так антично, так музыкально-стройно... завитые капители, венерины идеальные груди - как две половинки лимона... холодно, бр-р-р... холодно от мыслей о холодном мраморе, а может быть, от ночного ветра из пустыни. Слишком хрестоматийным был бы этот город, если бы на него не смотрели с этого неба выпученные глаза страшного бога Ваала-Бела...

Андрей зевнул - почти три часа он уже был в пути. Заползая обратно в "Вольво", он достал термос, бутерброды, бутылку с коньяком и, наливая чай, с благодарностью подумал о Мисюсь - словно вознес молитву охраняющему божеству. Потом, жуя, напоследок включил радио. Очевидно, ничего ужасного больше пока не произошло. "Монте-Карло" долго и нудно приставало с расспросами к высадившимся в Дохуке французам, и те с готовностью делились впечатлениями: "...Мы уже пять дней как прибыли, а снабжение до сих пор ни в дугу; душа - подумайте только! - не было все пять дней, вчера только наконец помылись, как славно... Каждый день один и тот же рацион: баранина, фасоль, похлебка. Выходим из положения тем, что меняемся с американцами. У них еда тоже дерьмовая, но хоть какое-то разнообразие, parbleu¹!.."

Андрей проснулся от болезненно-бледного утреннего света и от безжалостного холода, жгущего лицо и ноги. Показалось, что даже во рту был жестяной привкус этого безрадостного слепого утра, жестяной, как это небо. Он понял со вздохом, что поспать больше не удастся. Часы показывали 7.20, это значит, что он спал пять часов. Но все равно лучше ехать, а уже в Дейр эз-Зоре взять номер и отдыхать на настоящей кровати, в надежном комфорте гостиничной фирмы "Шам". Не может же он оформить себе командировку в Пальмиру, это звучит почти как командировка в Сен Троpez, а в Дейр поездка оправдана, там даже есть партнер объединения, Андрей, правда, не помнил толком, как его зовут, что-то вроде Налим ад-Дин, хотя, конечно, не Налим, и где-то в книжке записано, Налим или не Налим.

¹ черт побери! (франц.)

"Вольво" медленно съехала с каменистого холма. Руины потеряли ночное очарование и снова стали просто руинами, униженно глотающими дым от проползающего сквозь них по асфальтовой петле 40-тонника. Андрей постарался поскорее оставить позади его отвратительный дизельный рев, и через несколько минут перед глазами снова была зимняя пустыня, где бледный горизонт сливался с белесым небом. Только слева вдали виднелись мускулистые спины плоских холмов, похожих на прилегших быков, и дальше - совсем далеко - тоже холмы, но уже - сизоватым туманом. Хоть двести в час выжимай, все равно пейзаж меланхоличен и нетороплив, не пейзаж, а адажио в концерте Баха, и охватывает ужас при мысли, как же было бы отвратительно, если бы Земля в самом деле была плоской! Как всё-таки прекрасно быть уверенным, что Земля - шар, пусть даже приплюснутый.

За Сухной пропали иголки телеграфных столбов вдоль дороги, теперь ни одной большой деревни не будет до самого Дейр эз-Зора. На краю Сухны бедуин побежал, чтобы отогнать собаку от шоссе. Бойтся, что его парусом раскинувшего рыжий хвост Гетташку, Абгашку или Ыфарку¹ собьет бешено несущаяся Андреева "Вольво". Чем-то Андрею были симпатичны эти деды, от холода и песка кутающие головы в платки-куфии так, что оставались только глаза и усы. Станным образом они напоминали ему о родной российской безысходной глубинке.

«Наконец-то я понял, где скрывается
время:
Оно дремлет в провинции где-то под
боком,
Оно бродит, скучая, потерянной тенью
По мокрым дорогам...»

Он снова начал петь, постукивая по рулю. Эту песню он придумал как-то, когда попал в командировку в Курган, лежал в мутном рассвете в номере обкомовской гостиницы, уютно смахивавшей на красный уголок, и слушал доносящуюся со двора ругань грузчиков, бросающих с грузовика ящики со сметаной и боржомом для начальнического буфета. Что может быть безрадостнее для поэта, чем обкомовская гостиница в Кургане?..

"...И под насыпью скорченный остов
вагона -
Позабывтых мифических чудищ вроде,
Чудищ судного дня, армагеддона,

¹ клички собак: Гетташ - рвущий в куски; Абгаа - пятнистый, пестрый; Ыфр - дикий кабан

Что грядет, грядет, и все не
приходит . . . "

Вообще-то здесь должен был быть другой образ: не вагон упал на душу несмываемой кляксой, а брошенная под откосом дрезина, ее красная кабина с вытянутым носом и выбитыми глазами. Вот это на самом деле смотрелось потрясающе, как настоящая голова чудовищного зверя из последней земной драмы. Красная кабина на черных железнодорожных задворках... Но как Андрей ни старался, дрезина не влезала в размер, и никакая путная рифма к ней не шла: "дрезина - резина - Зина". Поэтому превосходный зловещий красный зверь превратился в конце концов в бесформенный вагон. Так и в жизни, черт возьми, все эти милые сюжеты, которые мы напридумываем себе, рискуют остаться только в нашем страдающем от запора воображении: то мелодия другая, то рифма не подходит, то оркестр играет не в такт...

Пологие холмы - словно подушки, накрытые одним бесконечным покрывалом. "Вольво" неслась по их плавным взмахам мимо брошенных покрышек, прыгая "с духом" на мостках над ленивыми, ожившими от дождей змеями вади¹,

влетая временами в декорации для голливудского вестерна,
где справа - гряда, как берег пересохшего моря,
а слева - далеко-далеко -
огромный бисквит,
и крепостная стена,
и голубоватая крыша подземного дворца...

И снова холм обтекает щупальцами дорогу, как отдыхающий осьминог. И за ним опять бурый плоский бескрайний молчаливый сфинкс пространства с полосами снега кое-где меж пучками грустной сухой травы агуль.

Облако лежит, задрав хвост и высунув язык... Овцы...

И что здесь только овцы едят???

Надо же - так далеко видно - и ни хрена ни видать, сказал бы Петруня...

Внезапно возникший среди пустыни щит с рекламой холодильников подсказал, что скоро город. Это было вовремя, поскольку Андрей уже начинал засыпать. Еще через пару километров пошли рекламы покрышек и газировки "Мандарин", сутулящиеся деревья, пылящий и дымящий заводик, фонари, фонари - и отвратительные задворки, присущие каждому месту, где селятся люди. Потом - внезапно - улица с уютными трехэтажными домами, где за

¹ вади — речные русла, пересыхающие летом и наполняющиеся водой в периоды дождей

заборами непростые кустарники, а над ними - снисходительно раскинувшие ветки платаны; народ ходит по проезжей части, не понимая, зачем так много места отведено машинам, если машин так мало. Овцы, разумеется, подражают людям.

Женщины, женщины - цветастые, как международные флаги, идут, не спеша, как утки.

Дейр эз-Зор, в просторечии Дейр или Зор.

Провинция, короче.

Стоило на секунду замешкаться на перекрестке, как тут же парень - подпольный торговец пронзительно свистнул и подался вперед буквой Г, показывая "месью" контрабандные сигареты: "Мальборо... Боромаль!.." Андрей поднял брови, ответив местным знаком: не надо - парень откозырял.

Замурцев улыбнулся. Как хорошо ему было, видит бог, в этом городе, где он когда-то провел год военным переводчиком... в тумане памяти тонущий уже год юности.

Гостиница "Фурат Шам" была налево, а направо был кусочек той далекой жизни, оставшийся между улицами Синема Фуад и Хасан Таха. И опять, как в Пальмире, он не смог себя пересилить, хотя мир перед глазами всё норовил расплыться, словно завернутый в полиэтилен. "Вольво" в задумчивости повернула направо и становилась всё более непомерно громоздкой по мере того, как Замурцев углублялся туда, где суживались улицы и теряли гордую осанку дома. Вот и Синема Фуад, переходящая в торговые ряды, удивительно такая же, как тогда, и, похоже, до сих пор по-настоящему главная в городе, хотя, по существу, это всего лишь грязноватый базарчик с курятниками отелей, соревнующимися, кто больше позабавит прохожего пышным названием: "Арабский Гранд отель", "Флорида" и даже: "Лига арабских стран". Андрей загляделся и еле успел отвернуть от старьевщика, лениво крутившего педали, точнее, от его мешков, свисающих с боков велосипеда. Но всё равно он не мог заставить себя оторваться от прошлого и медленно ехал и ехал дальше среди любопытствующих глаз, весь в той, другой, эпохе.

Вывеска фотографа Бахри... надо же! Гляди-ка, до сих пор здравствует. Вот бы зайти!.. Зайти?.. Нет-нет! Не нужно заходить в прошлое... А там, за углом, недалеко от старой французской церкви - дом, где жили русские летчики-инструкторы. "Береvodчик блохо, бребадавателъ не банимай!..", и еще - квартира того молоденького лейтенанта-сирийца, у которого он был в гостях, и лейтенант сделал вид, что вышел похлопотать насчет чая, а его жена села рядом: "Хотите посмотреть журнал?" Журнал был не очень скромный, но она листала, не смущаясь. "Вам нравится?" Она была такая пампушечка, очень решительная для арабки... впрочем, арабки, говорят, решительнее, чем о них думают... И так жарко и настойчиво она льнула своим бедром к Андреевому,

что он растерялся, и уж совсем окаменел, когда заметил, что офицерик подглядывает за ними с балкона. Это уже много позже, оживляя в памяти и бедро, и журнал, и нетерпеливые глаза лейтенанта, Андрей догадался, что парочка просто любила заниматься любовью втроем, и чистенький европеец им очень нравился, но в тот момент этот европеец не знал, что и думать, и сбежал, промямлив пластилиновым языком какие-то бесцветные слова.

Ах, юность, юность, почему твоя наивность и невинность вспоминается теперь, как стыдный грешок?..

Купив у уличного шампурщика вчерашнюю жареную курицу, За-мурцев повернул к "Фурат Шам".

В 9 часов 46 минут запыленная как революционный броневик "Вольво" вкатила в ворота отеля. На стоянке, где машин было негусто, сразу бросались в глаза два жутко длинных "Вольво"-универсала - белых с голубыми номерами, в таких здесь обычно возят делегации среднего уровня: профсоюзных бездельников или журналистскую шантрапу. Были, кроме того, несколько желтых номеров, какие дают иностранцам, и даже три-четыре - с красными дипломатическими полосками. Андрей почувствовал, как в животе что-то неприятно повернулось, когда он увидел цифру 135, принадлежащую родному посольству. Точно: две машины, по крайней мере, были оттуда. Несколько мгновений Замурцев колебался: не слинять ли втихую, пока никто не видел? Но потом сказал сам себе: дурак, это же к лучшему, что кто-то видел, что между тобой и Петруней полтысячи километров.

Помахивая пластиковой авоськой с курицей, Андрей вошел в шикарный холл и сразу увидел Худомлинского. Пижона Лешу Худомлинского, представляющего всего-навсего ТАСС, но изображающего из себя одного из олимпийских богов, принявшего обличье Алена Делона. Это его, Делона, авто пыльно-синего цвета стояло у отеля.

Худомлинский тоже, разумеется, увидел Андрея, протиснувшегося в вертящуюся дверь с курицей и дорожной сумкой, с теплой московской кепкой на голове, и голос с Олимпа произнес с бесстрастной насмешкой, заглушив тихое журчание мраморного фонтана и клавиш Клейдермана:

—Ба, родная командировочная картина.

Сам Леша сидел среди мрамора и кактусов с делоновским шарфиком на шее, в безупречно белой рубашке, в брюках, безупречно заправленных в потрясающие сапоги. Он полузадумчиво отпивал кофе из мизерной чашечки, и позой был так непринужденно-вальяжен, что собственная кепка показалась Андрею нахлобученной на уши навозной лепешкой. Одновременно Замурцев

увидел в глубине холла телекорреспондента Непеева с оператором Сашей (фамилия провалилась в памяти, а может ему и не положено фамилии, оператору-то) и желчно откликнулся:

—А-а! Вот кто здесь: работники империи правды!

Не то чтобы он не любил эту публику - журналистов, но такой уж пошел тон из-за пижона Леша Худомлинского, а пижоны бывают вредней кретинов, это широко известно.

Вдруг он подумал: интересно, а что они здесь делают всей кучей? может будет какая-нибудь польза для его бегства? - и на всякий случай продолжил диалог дальше:

—Слава богу, я вашей лапши себе на уши не вешаю, полезней "Справочник озеленителя" читать. Ты мне скажи - как журналист остолопу - это и есть секрет вашей профессии: в программе "Вести" убеждают, что 90% населения одобряет указ Ельцина, а в программе "Время" - что 90% не одобряет?

Худомлинский с безупречным наслаждением втянул кофейную гущу со дня чашки и жестом, который Андрею пришлось бы репетировать неделю, показал служителю, что намерен расплатиться.

—Да, это и есть секрет нашей профессии, - прозвучал голос с Олимпа.

Между тем в холле появилось еще одно знакомое Андрею лицо - корреспондент "Известий" Коровников.

—У вас что, большой пионерский сбор?

—Очень большой, - подтвердил Худомлинский, поднимаясь и натягивая куртку.

—Привет, Андрюша, куда путь держишь? -это подошел Коровников; одновременно можно было кивнуть и Непееву с Сашей, уже заметившим Замурцева, что Андрей и сделал.

—Да вот, Женя, еду туда, куда не ступала нога журналиста.

Вышло немного так, будто, если нога ступала, то это было для тех мест чуть ли не оскорблением. Но душка-Коровников только захмыкал.

—Ну-ну... А я хотел, грешным делом, пригласить тебя с нами, старик.

—Я, видишь ли, дальше на север.

—Да и мы на север.

—Что-то по поводу соседней войны?

—А ты догадлив, старичок. Едем вот, понимаешь, обозреть лагерь иракских беженцев возле Хасаке. Путешествуем, так сказать... Правда, с некоторым комфортом, ты уж извини...

А ведь прав Коровников, завертелось у Замурцева в голове, почему бы не прицепиться к их компании и не рвануть сразу до Хасаке? Одному, конечно,

славней, да и выспаться не мешало бы, но если что случится в дороге?.. Или если вдруг прицепятся какие-нибудь дурацкие посты?

—Ладно, не мучайся, это я так, пошутил, -сказал Коровников.

—Ты хорошо пошутил. Женя, а я еще лучше пошучу: возьму и поеду с вами.

—Валяй. Только спроси для порядка у Стурдова.

Стурдов... посольский пресс-атташе, вспомнил Андрей.

—Вот он идет, старик. Давай действуй, мы скоро рванём уже.

Пресс-атташе был немного и красиво поддат. Ходили слухи, что он "из тех", и он действительно был похож, особенно глазами, но Андрей точно знал, что не "из тех". Рядом со Стурдовым важно шел кругленький сириец казенного вида, от которого так и разило министерством информации.

—Здравствуйте, товарищ Стурдов,-сказал Андрей. Кепку он снял и держал в руке - точь в точь какой-нибудь репинский крестьянин.

У пресс-атташе переломилась от удивления бровь, а лицо изобразило официальное отчуждение.

—Андрей Замурцев, из торгпредства. Я представляю объединение...

—Да знаю я вас и вашу контору, -сказал Стурдов.- Вы здесь в командировке?

—Да. То есть не здесь, а как раз еду в Хасаке и хотел бы к вам присоединиться.

—Боюсь, что это невозможно.

—Почему?

—Прошу вас, позвольте это решать мне.

Андрею вдруг стало весело.

—Знаете, один мой знакомый начальник умел подчеркнуть себя еще тоньше и подчиненным говорил: "Я, с вашего разрешения, пойду пообедаю".

Пресс-атташе напряженно замолчал. Он ведь не знал, что Андрей был на грани и мог уже почти всё, и, очевидно, раздумывал о генеалогии необычной наглости простого работника торгпредства В этот момент рядом опять оказался Коровников, который куда-то отлучался. Он тут же втиснулся в разговор:

—Валя, ты что задумался? Пусть Андрюша едет.

—Я не уполномочен такие вопросы решать.

—А чего тут уполномачиваться? Наливай да пей.

Стурдов нехорошо гонял носом воздух, но тут круглый сириец брякнул на сносом русском языке:

—Ничево. Дахаваримся.

—Ну вот, -сказал Коровников,- Юнис тоже не против.

—У меня только просьба, -сказал Юнис, переходя на арабский.-В машинах у нас получилось тесновато. Не могли бы вы взять к себе одного журналиста?

—С удовольствием, -соврал Андрей, не почувствовав, как в тот же момент где-то снова бесшумно сработал секретный механизм судьбы.

"Довезу до Хасаке, а там сдам обратно".

—Какой национальный хотите? -опять щегольнул русским Юнис.- Японски или англичански?

—Англичански, -не колеблясь, выбрал Андрей.

Когда Юнис отошел, Замурцева интимно взял под руку Коровников.

—Что это тебя Валя так... в упор не видит?

Андрей понял: скажешь "понятия не имею" - обидится.

—Видишь ли, старичок, тут есть один секрет: он терпеть не может тех, кому не нравится Сартр.

—Ну и что?

—А я ему как-то брякнул, что Сартра ненавижу.

Заметно было, что Женя некоторое время переваривал сказанное, а может быть, просто вспоминал, что такое "Сартр"- марка виски? Но затем он освоился с информацией и предложил:

—Пойдем - на дорожку чуть-чуть... для настроения.

—Мне бы лучше кофейку, в сон тянет.

—Это от погоды, старичок. Видал, как небо затянуло? Как газетами заклеило, прости Господи. А от погоды у меня как раз есть.

Вместе с Коровниковым и с невостребованной курицей в руках Андрей вышел обратно в крутящуюся дверь. Следом из отеля понемногу появлялись и другие журналисты, поживаясь от неприятного зимнего ветерка, вольно кочующего над этими пыльными просторами, разрезанными свинцовой лентой Евфрата. Народу, как Юнис и утверждал, было впрямь порядочно, из общего фона выделялись обещанные японцы.

—Давай, давай, а то не успеем, -весело подбадривал Коровников.

Из багажника своего "Пежо" он достал термос и налил в крышку.

—Это что?

—Это, старик, моё изобретение. Позволяет иметь подогретый коньячок в любых погодных условиях. Езжай с богом... Ну как, помогает?

—"Мы выпили рому, и я почувствовал себя среди друзей".

—Ты о чем?

—Это Хемингуэй. "Прощай, оружие".

—А!.. Ну да...

Уже дымились выхлопные трубы и хлопали дверцы. У Андрея было совсем другое представление о журналистской публике, он почему-то ожидал

много болтовни и умных шуток, а было похоже, будто мафия выезжает на "дело". Среди исключительно мужчин имелась одна женщина, Андрей поймал её взгляд - тускло-деловой. Он попытался убедить себя, что должны быть, наверное, и такие вот... серьезные. Хотя все-таки лучше, когда женщина восторгается, хохочет, пугается - вообще... эмоционирует.

Юнис с приветливой миной подошел к андреевой "Вольво" в сопровождении волосатого очкарика в синей куртке.

—Андрей! Это Питер.

Англичанин угостил безвкусным рукопожатием.

—Хэлло, Эндрю.

—Хэлло.

Перестроечного восторга не получилось.

—Вперед - и с песнями! -прокричал сбоку Коровников, нежно закрывая багажник.

Андрей благоразумно пропустил вперед себя все машины министерства информации. У местных госводителей, как и повсюду, наверное, в мире, руки косые. Вон, глушитель болтается сзади, как вымя... или как кое-что у кота. За милую душу впаяет такой профессионал сзади в шахматные огни "Вольво", безумно красивые огни... Коровникова он, впрочем, тоже на всякий случай пропустил.

Машины одна за одной выскальзывали на дорогу, идущую вдоль реки, и передние тут же резко рванули, задавая темп всей кавалькаде. Начался захватывающий бег в стае, когда глаза загипнотизированы хвостиком дыма, вьющимся за квадратным задом идущей впереди машины; когда перекресточный азарт заставляет с гудением и руганью проскакивать перед тупым носом остолбеневшего панелевоза, привыкшего быть королем на пустынных улицах Дейра.

Через десять минут все машины уже перелетели через мост над Евфратом, оставив позади город.

Дорога за Дейром - такая же унылая, как и до него, и езда такая же монотонная, напоминающая бег таракана по перрону. Только столбов больше, чем при выезде из Пальмиры, и стоят они с двух сторон сразу.

"Англичански Питер" всё время молчал. Чтобы вовлечь пассажира в разговор, Андрей придумал афоризм и сообщил тому на присущем ему языке:

—По существу, Питер, пустыня – тот же лабиринт, только непривычный лабиринт без стенок, don't you think so?¹

Питер в ответ невнятно промычал.

¹ Вы не находите? (англ.)

Что ж, Петруня в таких случаях говорил: «У каждого психа своя психология».

Потом кусты дыма исчезли. Теперь пейзаж время от времени разнообразили какие-то траншеи и однообразные глиняные деревеньки с толстоногими водокачками, похожими на грибы или на разжиревших марсиан из "Войны миров". Изредка попадались странные издали для неискушенного глаза предметы у обочины: отдыхающие на корточках бедуины. И то, и другое, и третье, впрочем, не придавало местности дополнительного очарования.

Движения на дороге почти не было - только автобусы и цистерны. И никаких военных примет, лишь иногда попадался навстречу родной зеленый ГАЗ-66 на ребристых шинах, и опять - глиняные дома, и кучи хвороста, и мудро-печальный осел рядом - будто всё увиденное пятнадцать минут назад джинны, чтобы позабавиться, перенесли вперед.

—А ведь по этим местам когда-то шли римские легионы, -опять не выдержал Андрей. -А до них - Александр Македонский, представить только, да?

—М-м...

Только один раз этот дохляк оживился и спросил:

—Эндрю, зачем водители здесь днем моргают друг другу фарами?

—Чтобы проверить: не заснул ли встречный за рулем.

—I see...¹

Где-то через полсотни километров Андрей спохватился, что давно не слушал радио.

"...настоящей "бомбой" стала отставка французского министра обороны Жана-Пьера Шевенемана, занимавшего этот пост с 1986 года. Он заявил, что, следуя и дальше "логике войны", его страна рискует отойти от задач, намеченных ООН в отношении урегулирования кризиса в Заливе. Президент Миттеран назначил министром обороны республики Пьера Жокса".

"Союзническая авиация совершила за последние 24 часа две тысячи шестьсот вылетов, уничтожив в том числе иракский конвой, состоящий из двадцати танков и бронемашин. Военный представитель в Эр-Рияде опроверг сообщения о том, что несколько марокканских солдат по ошибке были убиты огнем с американских самолетов; он заявил, что координация между войсками коалиции является превосходной. В то же время иракские власти сообщили, что во время одной из бомбардировок союзников в Багдаде погиб попавший в плен сбитый американский летчик".

"Скорость дрейфа огромного нефтяного пятна замедлилась, что вызвало облегчение у жителей государств Персидского залива, расположенных к югу

¹ Понимаю. (англ.)

от Кувейта. Вместе с тем, здесь высказывают опасение, что Ирак может прибегнуть к дополнительному сбросу в море большого количества сырой нефти. Нынешнее пятно - площадью около тысячи квадратных километров - вчера вечером находилось в 15 километрах от побережья Саудовской Аравии..."

"Проблемы ливанской авиакомпании "Мидл Ист эйрлайнз", которая..."

Андрей выключил приемник. 67-й километр. Посреди унылого ландшафта возникла очередная деревушка с потрясающим названием: "Счастье". Но как-то уже не тянуло поведать об этом Питеру, как не тянуло рассказать ему и о том, что кучки глиняных домиков возле дороги - это и есть живой образец тех самых аккадских, шумерских, ассирийских городов, за которые тот в своей английской школе хватал неуды. Недостает только еще одной такой же мазанки, но огромного размера - дворца сатрапа, и страдающей ожирением крепостной стены вокруг...

На 110-м километре справа появился огромный холм, лежащий на равнине, как забытая шляпа.

На 120-м километре с обеих сторон побежал веселенький лесочек с деревьями в пояс и повыше; потом кавалькада пролетела мимо нескончаемых заборов и каких-то строений, от которых все равно осталось впечатление заборов; проскочили два моста над протоками с водой болотного цвета - и слева вдруг возник особняк почти английского стиля, стоящий за купой деревьев. Бог мой, в такой глуши - и какой вход, какая лестница! Только здесь может обитать лицо, от которого зависит судьба будущих репортажей, и много, ой как много всего еще зависит! - губернатор провинции Хасаке.

Машины заполнили площадку перед зданием, журналисты выползали из них, разминая ноги, а на верху шикарной лестницы уже появился какой-то важный швейк, посланный встречать мировую прессу. Питер, обронив невыразительное "Thank you"¹, тоже вылез.

"А мне-то что там делать?" - подумал Андрей. Но один из служек, показывая в счастливой улыбке все зубы, какие у него были, уже махал перед капотом руками, приглашая заходить, а потом и вовсе полез открывать дверцу у "Вольво".

—Тафаддаль!..²

Так и неслось со всех сторон это "тафаддаль". Конечно, для здешних мест подобное событие бывает в самом счастливом случае раз в сто лет. Многие ли до сих пор подозревали, что существует на свете такой город - Хасаке? А завтра все газеты мира напишут (пусть не самым крупным шрифтом и на третьей

¹ Спасибо.(англ.)

² Пожалуйста. (араб.)

странице), что неподалеку отсюда построили лагерь для беженцев из Ирака, и на разных языках один день будет повторять радио всего мира: Хасаке, Хасаке...

На третьем этаже иностранную толпу завели в приемную с огромными потолками, и местные чины тут же принялись входить и выходить, куда-то озабоченно звонить и отвечать на все вопросы: "Иншалла"¹.

Какой-то человек в военизированного покроя костюме и с подстриженными усиками - секретарского явно вида - обнаружил довольно сносный английский и пытался ухаживать за гостями. К Леше Худомлинскому он проявил внимание прежде всего - так сильно впечатлили, очевидно, секретарскую душу лешины эмирские замашки.

—Пожалуйста, мистер, можете раздеться, вот здесь есть где повесить вашу одежду.

Польщенный Леша снял куртку. Но тот, с усиками, оказался чересчур угодлив и не отставал:

—Кашне тоже можете снять, у нас здесь тепло.

"А с шарфиком-то Делону придется расстаться!"-гаденько порадовался Андрей.

Леша секунду колебался, а потом действительно шарфик снял. Андрей почувствовал, что убит: под шарфиком у Худомлинского в широком вырезе рубахи болтался порядочных размеров серебряный крест.

Через пару минут все народы разделились на своих и чужих: западники толпились в одном углу, советские в другом, и отдельной кучкой роились японцы. Мымра-журналистка оказалась в центре внимания. Все старались блеснуть перед ней прибаутками, и даже с советской стороны бросались быстрые взгляды и бормотались пошловатые замечаньица. Андрея это злило. Они ведь потому вылупились, что мымра - американка, а это для снобов уже пятьдесят процентов очарования. Хотя женщиной от этой особы и не пахнет. Взглянуть на мужчину так, как девочки в Дамаске на Таджхизе, она и за деньги не сможет. Там библейской силы взгляды, на Таджхизе, взгляды - как кинжалы, окропленные кровью легенд...

Опять входили и выходили какие-то люди, в том числе огромного роста бедуин в куфие², съехавшей на затылок, в коричневом пиджаке поверх серой галабии³ до пола, в тяжелых ботинках и с татуировкой на висках в виде трех точек, которого прилизанный с усиками почему-то спросил: "Пистолет сдал?" - и тот так же деловито ответил: "А как же! Внизу сдал".

¹ Возможно. (дословно: Если будет угодно Аллаху) (араб.)

² головной платок

³ длинная рубаха прямого покроя, традиционная верхняя одежда в сельской местности

Среди всей этой кутерьмы как-то не сразу заметили, что высокие двери в кабинет открыты, и что сам губернатор уже вышел из них и находится здесь, среди публики. Но когда происшедшее осозналось, то разговоры стихли и присутствующие как бы замерли, лишь запоздало суетилась челядь.

Губернатор был в длинном черном элегантно пальто. Он поздоровался приветливо, даже весело, потом спросил кого-то сбоку из своей свиты: "Все готовы?" и, услышав спешное заверение, что готовы, стремительно вышел в коридор, ведущий к лестнице. Сопровождающие лица хлынули следом, а иностранные гости, захваченные врасплох скоростью событий, заметались, хватая одежду и пристраиваясь в хвост процессии.

Специально задержавшийся позади всей массы, скатывающейся по лестнице, Андрей надеялся избавиться таким образом от Питера, ведь очкарик, несомненно, скорее предпочтет снова залезть к своим в тесное чрево, чем униженно торчать у чужого "Вольво". Но он пережил сильное разочарование в своем умении понимать иностранцев, когда обнаружил, что чертов Питер все еще здесь, топчется и озирается среди отъезжающих машин, как брошенный ребенок.

—Я думаю, Питер, -сказал Замурцев, подойдя и глядя на англичанина поверх запыленной оливковой крыши "Вольво", - думаю, что мне незачем ехать в лагерь.

Флегматичный Питер ожил. Оказалось, что он может говорить быстро и много. Сначала он стал спрашивать какого-то невидимого собеседника, зачем было верить "этому сирийскому министерству", а затем - зачем было верить "этим русским". Андрей попытался объяснить англичанину, что лучше не терять время на слова, а остановить какую-нибудь машину и снова влиться в родную журналистскую среду. Напрасно. Англо-русский диалог продолжался, пока надежда на подобный вариант не была окончательно потеряна. Скоро поблизости остался только последний "Лендровер" охраны, набитый усатыми головами. Все головы смотрели с чугунным любопытством, а одна время от времени кричала в окно: "Месью!", и вместе с этим криком высывалась рука, показывающая жестами: валяй, поехали! Замурцев понял, что фишки легли плохо и что в лагерь придется ехать. Он мрачно повернул ключ в двери, подняв блокирующие шишки, залез с таким же мрачным Питером внутрь, и "Вольво" пустилась догонять хвост каравана, а следом запрыгал похожий на зеленый шкаф "Лендровер".

Оказалось, ехать было недалеко. Всего сорок километров по усеянной валунами пустынной степи, где слева торчал давно умерший черный вулкан, и

Андрея очень интересовало, та ли это "шляпа", что была так здорово видна на подъезде к Хасаке, или уже другая. Наконец, потревожив белесую пыль, кавалькада пролетела деревню, поднимая в воздух старые целлофановые пакеты и будоража мальчишек, а дальше асфальт пошел уже свежий, лоснящийся, как аккуратно намазанная черная икра, и по нему ехали еще некоторое время, пока не увидели впереди зеленые ряды палаток лагеря. Автомшины стали останавливаться, мешая друг другу и съезжая в обе стороны на накатанный песок. Андрей, который подъехал последним, поставил "Вольво" с краю, где она не была видна, закрытая другими машинами, но откуда в то же время легко можно было снова выбраться на асфальт.

Черное пальто губернатора находилось уже на бугорке, и ветер импозантно распахивал его полу. Там же, рядом, пара грузных военных, несколько штатских и переводчик терпеливо ждали, пока подойдут те, ради которых и была затеяна вся эта суета.

Толпа журналистов, не спеша, тянулась от машин к пригорку; операторы, тащившие на плечах громоздкие видеокамеры, напоминали почему-то то ли роботов, то ли каких-то марсианских слонов. Рыхлая людская масса понемногу спрессовалась вокруг губернатора и его свиты. Надо отдать губернатору должное - все это время у него с лица не сходило самое благожелательное выражение, как будто он находил весьма приятным стоять на ветру в этом заброшенном месте перед скопищем довольно неряшливо одетых людей, сующих ему в самое лицо диктофоны.

—Приветствую мировую прессу, -наконец сказал губернатор, и следом за арабской речью поплыл бесцветный голос переводчика.- Добро пожаловать на землю провинции Хасаке!

Щелканье и свист фотокамер; телевизионщики со своими громоздкими ящиками медленно поворачивались в разные стороны, как портовые краны... нет, все-таки как озирающиеся слоны.

—...Лагерь создан в благоприятном месте... обеспечена подводка электричества и воды... пятьсот палаток... сейчас здесь находится 31 беженец: 24 ребенка, 6 женщин и один мужчина (гул оживления в толпе журналистов), они перешли иракскую границу позавчера...

Губернатор говорил, а ветер относил. Когда он закончил, начал говорить один из сопровождающей свиты, оказавшийся комиссаром-французом из Комитета ООН по делам беженцев, сокращенно UNRWA, мсье Жак Дебель, который сообщил, что вообще-то из Ирака ожидалась большая группа работавших там по контракту вьетнамцев, но те отчего-то не прибыли, поэтому прессе и телевидению придется ограничиться теми, кто есть. Все они живы-здоровы, а что касается наступивших холодов, то UNRWA раздал

дополнительные одеяла и потребовал от сирийских властей обеспечить каждую палатку мазутной печкой.

Затем из толпы губернатору задали несколько в меру дурацких вопросов.

Скоро сирийцу надоели вопросы, он стал отвечать двумя словами на десять - и вся толпа как бы сама собой двинулась к лагерю, слегка увязая в местами рыхловатом грунте.

Лагерь был пуст, только в дальнем конце у крайних палаток, поджидая слегка подмерзшую прессу, стояли несколько фигур, и ветер трепал их длинные одежды. Все фигуры были цветные, лишь одна - белая, оказавшаяся тем самым обещанным "одним мужчиной".

Телевизионщики увлеклись видами постиранного белья, развешанного меж палаток, цветастыми женщинами, которые с кокетливой уступкой обычаям прикрывали лицо, и их туповатыми ребятишками, нисколько не робеющими перед камерами. Те же, кого кормили блокнот и диктофон, быстро обнаружили, что экзотические дамы на все языки, включая арабский, отвечают хихиканьем. Поэтому пишущая пресса покорно пошла к белой галабии, куда приглашал переводчик.

Когда посыпались вопросы, беженец, воодушевленный собравшейся вокруг него толпой из белых людей и японцев, заговорил с сильным акцентом иракской глубинки, так что Замурцев понимал не всё, и даже переводчик, похоже, временами смотрел на своего подопечного с напряжением.

—Мы из Мосула... район Торбука, округ Синджар. Мы из племени сомога, хотим избавиться от диктатора Саддама, для которого нет ничего святого... Мое имя Халиль Хасан Али, из Торбука мы, из Торбука, племя сомога...

—Узнайте у него, много ли разрушений в Ираке?.. Видел ли он вообще бомбежки?.. Страшно ли было во время налетов? -спрашивали из толпы.

—Много разрушений... всё разрушено! Много постов на дорогах, не дают идти к границе и нас убивают. Мы ночью перешли на ослах. Если бы дороги были открыты, все бы убежали!..

—А сам-то он, сам видел, как бомбили? -настаивал кто-то настырный.

—Слава богу, не видел, и дом цел, но всё бросил, и стадо тоже... Дети со мной пришли и жена. Четыре одеяла только вот взяли... Ночью убежали, потому что Саддам убивает народ...

—Так вы бежали от войны или от Саддама? -не выдержав, рявкнул Коровников, и Халиль из племени сомога зачастил еще быстрее, согласно кивая:

—Много, много разрушено, кругом всё было разрушено. В Ираке всё от Саддама. Все хотели уйти, зачем в Ираке умирать? Иракцы нас убивают, а здесь нам хорошо...

—Дурдом какой-то, -пробурчал Коровников,- не поймешь толком, чего говорит, -и, подвинувшись поближе к пресс-атташе, многозначительно добавил: —Обстановочка, как у Сартра, а?

Стурдов ничего не ответил, только с непроницаемым лицом молча покосился на острый коровниковский нос, горевший на ветру морковкой.

—М-да... чистый Сартр! -на всякий случай еще раз сказал тот.

Разочарованные журналисты стали разбредаться по почти пустому лагерю в тщетной надежде всё же чем-то поживиться. Мимо Андрея прошел Худомлинский, несколько небрежно объясняя Непееву и оператору Саше:

—...Это же курды, старичок, а раз из Синджара, значит еще и езиды - такая секта, которая себя считает отдельным народом. Хотя это всё равно что сказать: национальность - коммунист...

Андрей медленно пошел вдоль палаток. Несколько женщин всё еще стояли снаружи - то ли из любопытства, то ли им так велели; дети, продрогнув, уже позалезали внутрь брезентовых утроб и выглядывали из-за пологов.

—Эндрю!

С этим возгласом приближался ненавистный Питер, сделав дружелюбное лицо.

—Эндрю, ты ведь говоришь по-арабски?

—Говорю.

—О! Великолепно! Ты не окажешь мне любезность? Я хочу тут поговорить в одной палатке. Какой-то тип предложил мне свои услуги, но я ему не доверяю.

—Такой - с лицом, похожим на джип? Я его тоже заметил.

—Похожий на... что?

—На джип.

—А... ну да. Ха-ха. В общем, ты согласен?

—Боюсь, что они не понимают по-арабски, это ведь курды.

—Да-да, я догадался, что что-то не так. Но с одной девушкой мне удалось кое-как объясниться, она вроде говорит по-арабски.

—Ну, только если так, то, может, что-нибудь получится.

—Они вон там, в крайней палатке... Я ничего не понял, Эндрю, у того человека в белом: сначала он сказал, что бежали потому, что бомбили американцы, потом - что бежали потому, что боялись иракцев...

—У нас говорят, Питер: Восток - дело... -как там будет по-английски "тонкое"? - такое... как бы тебе объяснить... специфическое.

—Да, теперь я вижу, Эндрю... Вот мы и там, где нас ждут. Нырять.

В палатке было сумрачно, и Андрей не сразу увидел, что здесь находится целая семья - пять или шесть человек. В глубине сидела пожилая полная курдка, похожая на ватную бабу, которыми в России накрывают заварные

чайники. Перед ней безмолвно таращились на гостей несколько детишек. Еще ближе сидели мальчик и девочка постарше.

—Мархаба¹, -сказал Замурцев, опускаясь на корточки, -Кто из них твой переводчик, Питер?

—Она, -сказал англичанин.

—Ага. И как тебя зовут? (это уже по-арабски)

—Джарус.

Голос был виолончельный, немного с надломом, и Андрей вдруг увидел, что перед ним не девочка, а девушка лет 16-ти, а может 18-ти, в этих южных странах у возраста другие приметы. У нее было правильное, почти европейское лицо, куда Азия все-таки бросила свою горсть: впечатление чуть портили слишком близко сошедшиеся брови. Но зато волосы были как у кинозвезды, правда, в меру растрепанные, вьющиеся на концах крупным зигзагом. В палатке они казались табачного цвета, но на самом деле были, вероятно, светлее.

Андрей опять вопросительно повернулся к Питеру.

—Что теперь?

—Спроси, Эндрю: они одна семья?

Замурцев позвал:

—Джарус.

Хотя, может быть, он не расслышал точно, и ее имя звучало не совсем так, но она отозвалась:

—Что?

—Это твоя мать?

—Да, и сестры. А это брат, Али.

—Как зовут мать? -спросил Питер, что-то записывая в блокнот, хотя записывать было вроде бы совершенно нечего.

—Хаззу. А сестры - Захра и Нура.

—Пусть спросит мать, почему они все бежали из Ирака, -велел Питер.

Курдка коротко ответила, и Джарус перевела:

—Не знаю.

—Как? -растерялся Андрей.

—Она говорит: не знаю, -повторила девушка бесстрастным голосом.

—Глупость какая, как она может не знать! -раздраженно сказал Питер.

Андрей пожал плечами. Он всё-таки провел на Востоке уже несколько лет и в этой палатке ощущал себя где-то посередине между её неадекватно реагирующими обитателями и навязчиво конкретным Питером. И, пока

¹ Здравствуйте. (араб.)

англичанин недоумевал, он вставил свой собственный вопрос:— Откуда ты знаешь арабский, Джарус?

—Я ходила в школу, -сказала она и стала поправлять волосы рукой, на которой болтался тонкий золотой браслет. Замурцеву показалось, что в тот же миг она вдруг совершенно забыла и про него и про Питера, сидящих на корточках в жидком сумраке палатки.

—Спроси, Эндрю: видели ли они бомбежки? -наконец пришел в себя англичанин.

Молчание. Потом Андрей услышал уже знакомое: "Нэ заним" - "Не знаю".

—Бред какой-то! Как это: не знает, видела или нет?? Ужасные люди, как с ними разговаривать!.. Я надеюсь, она хоть сможет сказать, что они теперь собираются делать?

—Слава богу, здесь всё есть, -перевела ответ Джарус.

—Где всё есть? -сказал Питер, растерянно озираясь.- Я же не об этом... В общем, ясно. Спасибо за помощь, Эндрю.

К нему снова вернулась бодрая английская самоуверенность.

—Привет! -сказал он Замурцеву и даже наградил милого русского дружеским ударом ладони по плечу.- Интервью закончено, скажи, что я их всех благодарю,- и, не дожидаясь перевода, полез из палатки, блеснув очками.

—Господин благодарит, -сказал Андрей.

Он еще несколько мгновений сидел на корточках в неудобном сумраке, ощущая, будучи человеком, отравленным Востоком, что в посещении не хватает заключительного штриха, какого-нибудь простенького, в меру лицемерного пожелания, вроде: да поможет вам Аллах! Странная всё-таки получилась встреча двух цивилизаций, невнятная и бестолковая. В конце концов Андрей решил, что ни к чему стараться за англичанина, и, буркнув "Хатркум"¹, тоже вылез наружу.

Мимо как раз шел, хищно оглядываясь, ищущий "фактурку" Непеев и вполоборота втолковывал оператору Саше:

—Ступни мои, ступни засними крупным планом, как они идут по песку вдоль палаток. Тяжесть притяжения, трудная земная поступь человека, груз бытия... Схватил? Сделай так же, как мы снимали в Дахране...

"...и в Ливане, и на Синае", -продолжил про себя Андрей. Программу "Время" он иногда заходил посмотреть в торгпредство.

Непеев, волоча груз бытия, прошел мимо, посматривая время от времени, ловит ли Саша камерой его каблук, и в пустом холодном воздухе всё всплывал его голос:

¹ До свидания. (араб.)

—А как место называется, ты запомнил?

—Не то Холь, не то Гуль, -отвечал Саша.

—А "эль" там было в начале? Я же тебя просил запомнить...

Андрей пошел наугад вдоль палаток. Журналисты разбежались по лагерю, как цыплята по грядкам, как будто пытались найти какой-то спрятанный приз, хотя даже непрофессионалу Замурцеву было ясно, что искать здесь больше нечего.

Ему попался Леша Худомлинский, небрежно открывающий секреты Востока паре иностранцев:

—Если из Синджара, то это курды-езиды. Езидам в могилу кладут деньги, хлеб, сыр и дубинку. Когда приходит ангел за расчетом, покойник предлагает ему сначала деньги, чтобы отвязаться, потом еду, а если и от еды откажется, то пускает в ход дубинку... А вот если юноша хочет полюбоваться девушкой-езидкой, то ему надо просто начертить вокруг нее круг, и она не имеет права из него уйти, пока юноша не позволит... (Явно прихватывает Леша, подумал Андрей) Вон, кстати, видна гора Синджар, из тех мест эти езиды и пришли...

Замурцев тоже посмотрел. День был туманный, небо низкое, но показалось, что далеко на востоке, на иракской территории, действительно виднелась большая гора, до которой было километров сорок, не меньше. Если бы светило солнце... Он посмотрел: где сейчас солнце? - и вдруг что-то ударило неприятно изнутри: а час-то? какой сейчас час?

Набежала уже половина четвертого. Это значит, что если тут же, не мешкая - черт с ним, с обедом, тем более, в этой пыльной Хасаке не получится ничего лучше, чем подозрительный шашлык в грязноватой харчевне - если, не вода больше хоботом по сторонам и не развешивая уши, броситься к авто, то всё равно в Румейлан, на крайний северо-восток, где он надеялся переночевать на контракте у советских нефтяников, придется ехать полпути в темноте: зимой в эту пору уже в полшестого наползает ночь.

Андрей разыскал Коровникова.

—Ну, Женя, не поминай ни лихом, ни матом.

—Что-то ты, старичок, говоришь сегодня загадками. Или это опять из Хемингуэя?

—Просто хочу тихо-тихо убежать. Пора ехать дальше.

—Куда уж дальше! -удивился Женя.

—Есть места, Женя, -сказал Андрей и опять услышал, как где-то внутри него холодные пальцы нажали на клавиши, и зазвучал улетающий в небо тревожащий аккорд. Но Жене ли с его острым носом и быстрыми глазами было об этом рассказывать? Поэтому он только повторил:—Есть места...-и через силу плоско пошутил:—Но это не для прессы.

—И хорошо, что есть места, -одобрил Коровников.- Езжай с богом. Если тебя хватятся, я успокою.

Собственно говоря, для этого Андрей его и разыскивал.

Потом случайно встретился толстый Юнис, который, очевидно, не узнал Замурцева, потому что спросил по-английски:

—Всё в порядке? Есть, о чем написать?

—Превосходно, -польстил ему Андрей.

Очутившись за спиной у Юниса, он свернул в боковой проход между палатками и быстро пошел к ожидающему автомобильному стаду. Подойдя к "Вольво", Андрей невольно вздрогнул: сквозь дымчатые стекла он увидел контуры человеческой фигуры на переднем сиденье.

"Питер!" -истерически пронеслось в голове, но в тот же миг он понял, что тот, кто сидит, не такой громоздкий, как Питер, и вдруг догадался, что это вообще не мужчина.

Уже давно Андрей не испытывал такого изумления, какое ощутил при этом открытии. К большому - главному - удивлению примешивалось малое: каким образом это существо сумело забраться в машину? Впрочем, загадка разъяснилась очень быстро, как только Андрей проверил ручку двери "Вольво": так и есть, забыл запереть. И тут же привычно он послал очередное мысленное проклятие Питеру, несомненному виновнику Андреевой рассеянности. Теперь, нос к носу, он узнал и пассажирку: это была Джарус. Она смотрела на Андрея совершенно спокойно всё то время, пока он соображал и не мог сообразить, что сказать, правда, отметив, тем не менее, про себя, что волосы у девушки, как он и подозревал, более светлые, чем казались в палатке - что-то вроде соломы, полежавшей на стерне.

—В чем дело, Джарус?

Взгляд ее остался таким же бесстрастным, и опять он услышал чуть хриловатую флейту:

—Это твоя машина?

—Моя. Дальше что?

—Отвези меня в город.

—В какой город? В Хасаке, что ли?

—Отец мой уехал в город, -ровно прозвучало в "Вольво".

Андрей упал на сиденье и захлопнул дверь.

—Когда твой отец уехал?

—Три дня назад.

—Он что, в лагерь не пошел?

—Он привел нас и уехал в город.

—В какой?

—В город (так же ровно).

—Зачем? (в мозгу по-русски продолжилось: "черт побери!")

—Он уехал в город.

В её голосе как бы слышалось: это его дела; значит, так надо, раз уехал.

"Ну и ситуация!" - подумал Андрей, и тут же из памяти выскочил ни к селу ни к городу голос Коровникова, мурлыкнувший: "Как у Сартра!"

"У меня, наверное, сейчас такое же напряженное выражение на лице, как у испражняющейся собаки".

Он шумно вздохнул и помолчал, тупо глядя в переднее стекло.

"Черт знает что!"

Уж, наверное, Джарус не ползла к машине по-пластунски. А впрочем, какая разница! На Востоке не подают вида, что видят и знают, что делается у соседа, но видят и знают всё.

Девушки словно не было рядом - так тихо она сидела; ни одна молекула воздуха не сотрясалась от ее присутствия. Андрей не выдержал и чуть скосил глаза. Он снова увидел край темно-зеленого платья, непохожего на тяжелые и широкие одежды бедуинок. Здесь она, здесь, никуда, разумеется, не делась.

Руки привычно лежали на руле. Он вдруг впервые увидел их словно со стороны.

"Я же еще молодой... Откуда жилы такие?.."

И вдруг эти руки будто сами включили зажигание.

"Зачем? -беспокойно подумал он тут же и даже немного испугался, но мотор не выключил.- Ситуация!.. И голова не вовремя начала болеть..."

Он никогда не хотел признаться себе, что голова начинала болеть именно тогда, когда надо было стать решительным и сильным.

Потом произошла совсем неожиданная вещь: Андрей пробормотал что-то вроде: "Ну ладно, посмотрим", и машина одновременно с этими словами тронулась с места. Он даже не очень успел подумать: а что, собственно, делать с Джарус? - а может и не подумал вовсе. Да, говоря откровенно, так ли уж странно всё это было? Начиная со вчерашнего вечера, Замурцев воспринимал свою жизнь словно какое-то кино и смотрел на происходящее с туповатым любопытством зрителя, ничему особенно не удивляясь, поскольку в кино всегда что-то должно происходить. Впрочем, разве плохо, если что-нибудь происходит? Неужели лучше всё время смотреть только чужое кино?

На самом дне сознания какой-то воробей всё же чирикнул: "И что? Что потом-то?" - но от привычного дурманящего арпеджио, в волнах которого снова начали вставать воспетые Муликовым горы, обессилели и умолкли спасительные инстинкты заграничника, и "Вольво", доползя до асфальта, стала набирать скорость.

—Ты знаешь, куда я еду? -оживившись, спросил он почти как ребенок, которому пообещали купить игрушку.- Я в такие чудесные места еду, где

горы...-тут он осекся, сообразив, что Джарус, скорее всего, глубоко безразличны все эти чудесные места, а, может, она точно в таких родилась и выросла, и ей они - как ему какой-нибудь пруд в Желябове. Но, не в силах остановиться, он закончил по-русски: —Горы лиловые, понятно? Никогда я не видел лиловых гор.

Девушка никак не отреагировала на его слова, так же безучастно она смотрела вперед.

"Что я несу!.. Тем более, она, наверное, страшно тупа!"

Дальше он вел молча, правда, время от времени невольно взглядывал на профиль, чуть подпорченный горбинкой носа. М-да, конечно, не голова Валькирии на теле Афродиты... Приз за телекрасоту, как сказал бы Петруня, она бы не получила.

В конце концов на глаза случайно попались часы, и он чуть не обругал себя вслух: а новости-то, олух, новости совсем забыл слушать??

"...наших отношений и атмосферу взаимного доверия, установившуюся между Москвой и Вашингтоном, уже ничто и никто не сможет нарушить, заявил пресс-секретарь Горбачева Виталий Игнатенко. По его словам, мир находится на пороге очень важных решений. В отношении войны в Заливе он подтвердил, что СССР приготовил на этот счет "инициативы и предложения".

"Продолжаются террористические акты против представительств стран-союзниц. Две бомбы взорваны в Стамбуле неподалеку от зданий, которые занимают учреждения США, и одна бомба - в саду итальянского консульства. В Анкаре сожжены две машины, принадлежащие американским дипломатам".

"Турецкие газеты опубликовали снимки обломков американского истребителя-бомбардировщика, разбившегося неподалеку от военно-воздушной базы Батман, находящейся в 120 км от иракской границы. Сумевший покинуть самолет пилот передан властям местными крестьянами. Багдад устами своего министра иностранных дел предупредил Анкару, что она несет полную ответственность за агрессию против его страны. Речь идет прежде всего об использовании базы в Инджирлике, откуда наносятся удары с воздуха по целям на севере Ирака".

"Чемпион мира и любимец публики испанец Карлос Сайнс накануне финального этапа ралли Монте-Карло - знаменитой "ночи Тюрини": ночной гонки на перевале Тюрини - обеспокоен успехом француза Франсуа Делекура. Кстати, президент Международной ассоциации автомобильного спорта Жан-Мари Балестр заявил, что федерация, невзирая на войну в Заливе, не изменит свой спортивный календарь. Включаем наш репортаж из Монте-Карло".

Бойкий голос тут же закричал: "Карлос здорово обеспокоен, что неистовый француз здорово наступает ему на пятки. Кроме того, тот здорово

знает последний участок гонки. Делекур, в свою очередь, здорово понимает, что..."

На этом месте Андрей выключил приемник, поскольку не выносил развязных голосов спортивных комментаторов. Но ехать молча вдвоем в одном авто показалось как-то неуютно, он снова вернул радио к жизни и нашел ненавязчивое музыкальное журчание. Ему почудилось, что Джарус сидит съезжившись.

—Замерзла? -спросил он по-арабски и, хотя она подняла брови в знак отрицания, включил отопление. Протягивая руку к рычажкам, он слегка наклонился к девушке и втянул носом воздух. Никакого неприятного запаха не было. Либо она ухитрялась как-то мыться в своем допотопном лагере, либо под этим зеленым платьем было так немного тела, что и пахнуть нечему.

"Что она смотрит и смотрит в одну точку? Ну точно - тупая... Или не понимает вполне арабский?.. А может, я для нее просто зануда и старый хрыч?"

Последняя мысль оказалась для Андрея очень неприятной и капнула желчью в его дальнейшие рассуждения.

"Раз уж посадил девушку в машину, так не будь филином", -рассердился он сам на себя. Ехидный голос тут же поправил: "А ты и не сажал, она сама села". "Все равно, это не повод, чтобы с мрачной рожей сидеть", -нервно возразил он.

—Ты не думай, Джарус, я не сержусь на тебя. У меня такой странный день сегодня... А сколько тебе лет, Джарус? -неожиданно спросил он.

Девушка на миг взглянула на Андрея, и что-то в этих карих глазах напомнило ему те, зеленоватые, так что заныло сердце. "Ах, черт, черт!.." Почти сутки, мчась по пустыне, он ухитрялся ускользать от пронзительной музыки прошлого, и вот она снова настигает его... как тот француз настигает испанца в далеком Монте-Карло...

Андрей так и не услышал ответа от Джарус. Да и не известно, знала ли она о себе такие незначительные подробности, как день рождения.

—А мне, знаешь, сколько лет? -спросил он, сам толком не понимая, зачем это говорит.- Ой, как мне много! -он не кокетничал, он действительно удивлялся, что ему уже столько, и опять продолжил по-русски: -Уже почти четыре десятка накрутило. Сколько там осталось?.. Пара гривенников от рубля. Нужно жить во всю мочь, пока не дали свисток, что уже конечная станция.

"Но уж это зачем? Зачем уж это говорить?" -стал недоумевать и морщиться кто-то незаметный и строгий у Андрея внутри.

"А пошел ты!" -мысленно ответил ему Андрей, и тот растерялся и утих.

А Замурцев почувствовал себя легко и свободно, как будто не "Вольво" никелированным носом, а он сам грудью раздвигал воздух в стремительном полете к горизонту. И уже как будто ничего необычного не было в том, что

рядом сидит курдская беженка из Синджара, предположительно зовущаяся Джарус, скорее всего не знающая, сколько ей лет, и уж совершенно точно - не имеющая представления, куда она, собственно, направляется в поисках своего сумасбродного папаша.

— Вот так, Джарус... или - не Джарус? - с веселым безумием спросил он, и "Вольво" при этом понеслась еще быстрее. - Вот так, Джарус. И Тарзан моего детства - Джонни Вайсмюллер - уже умер, и инспектор Жюв умер... а Фантомас, он же Жан Марэ, совсем постарел...

Он опять не заметил, как перешел на русский, но не придавал такому пустяку значения. Он уже начал подозревать, что это создание с запыленными волосами здорово понимает на любом языке.

Ну-ка, ну-ка, начал он с натугой припоминать, что там проходили в институте насчет езидов? Курс религий мира читал старый еврей Фильштинский. Голос у него был мягкий и тихий, глаза отчего-то жутко печальные, и смотрел он ими во время занятий исключительно на потолок, очевидно, чтобы не расстраиваться от созерцания того, как его питомцы исподтишка развлекаются вместо конспектирования. Теперь Андрей досадовал, что езиды со свистом пролетели мимо. Однако вскоре он с удивлением обнаружил, что память все же начала отыскивать бессвязные обрывки. Кто-то там ехал в лунном свете по долине... какой-то юноша, испорченный мистиками Багдада. Потом, кажется, поднялись из земли чудовища с газельими глазами... как водится, состоялся полет на небо за истиной... Ага! Вот забавный момент: тот парень, который отправился на небо, со страху опрокинул при этом кувшин, и когда вернулся обратно, вода еще не успела вытечь. Сам же он мог поклясться, что провел на небе семь лет, прошу заметить. Теория относительности, рассказанная задолго до Эйнштейна!

В лагере пижон Леша Худомлинский тоже распространялся насчет езидов, вспомнил Андрей. Но Лешины байки были совсем уж кучерявые, Леша вполне мог и обычаи эскимосов сплавить за езидские.

И тут память выудила наконец кое-что более значительное: езиды-то... - в голове будто бы невнятно забубнил тихий голос Фильштинского, и всплыло: ах да! те самые, которые поклоняются дьяволу. Только дьявол у них отчего-то не как у всех, а в виде павлина, так и зовется: Мелек Таус.¹ Павлину и молятся... Еще один милый сюрприз: посадил в машину чертовку!

Нельзя сказать, чтобы бывшего пионера и комсомольца, а ныне члена партии Замурцева это открытие ужаснуло. То, что рая и ада нет, он знал уже давно, а теперь дело шло к тому, что, глядишь, скоро даже и парткомов не будет. Так что Андрей скорее повеселел и стал смотреть на пассажирку с

¹ Владыка Павлин (араб.)

новым интересом. Ничего необычайного он, разумеется, не обнаружил, только всё тот же немигающий профиль.

"Сколько можно таращиться в одну точку! Ну точно - полоумная".

Мысль о том, что новая знакомая может вдруг оказаться обыкновенной психопаткой, была гораздо более неприятна, чем то, что она поклоняется темным силам.

—Ты езидка, Джарус?

Опять эти глаза, которые будто бы смотрят на тебя, а видят совсем другое.

И опять знакомое молчание.

Андрей разозлился.

—Ну вот и Хасаке, -мстительно сказал он.- Иншалла¹, это тот самый город, куда уехал твой отец. Как ты думаешь?

Не поворачивая головы, чертова кукла отозвалась привычными словами:

—Не знаю.

"Ну я тебе сейчас устрою! -ожесточился Андрей, и даже руки его от негодования стали нервно мять руль.- То-то ты запоешь, когда высажу тебя в этой дыре и пожелаю успехов в поисках папаши!"

Но когда "Вольво" запылила по окраинной улице, он почувствовал, что суровость увяла. В самом деле - это было возможно только в пижонских мыслишках: бросить на произвол судьбы чокнутое тонкорукое создание в зеленом платье, наверняка не имеющее даже пяти лир на хлеб. Андрею стало стыдно, что он мог об этом подумать. Что он к ней цепляется? Как сказал один философ - не Петруня в данном случае, а Софокл, кажется: женщина создана для того, чтобы на нее смотреть, а не для того, чтобы ее слушать.

—Ничего, Джарус, папаша никуда не денется, сгоняем до гор и обратно... Но сначала надо бы перекусить, а?

Мысли в голове у Замурцева, несмотря на все неординарные события, все же находили возможность время от времени возвращаться вокруг курицы, изнывающей в лиловом бумажном пакете от самого Дейр эз-Зора. А кроме того, были еще и другие съедобные дела, положенные на дорогу Мисюсь, и бутылка коньяка "Варцихе". Вокруг "Варцихе" мысли тоже вращались. Оставалось только вырваться за Хасаке на простор, чтобы никто не глазел и не мешал приему пищи.

—Мы с тобой сейчас перекусим, Джарус, -сказал Замурцев еще раз, чтобы загладить вину за свои недавние мысли.- Правильная линия, а? Вот только выберемся из этой дыры...

¹ дословно: если Аллах пожелает; здесь: может быть, возможно.

Возле башни с часами - неперменного атрибута центральной площади любого уважающего себя арабского города - он спросил дорогу у старого бедуина, отдыхающего на мотоцикле (не что иное, как "Ямаха", конечно). Поехал, как тот сказал ("От этой площади к северу возьми, сынок, потом на запад и опять чуток к северу"), через пахнущие то свежим шашлычком, то кардамоном кварталчики, по тенистым щелям улиц, свернул по наитию у плаката "Да - президенту Асаду!". Слева потянулась железная дорога, и вырвавшемуся из города шоссе некуда было деваться.

Километров через пять Замурцев съехал в приглянувшуюся ложбинку и остановился.

—Ну, -сказал он таинственно-развязным голосом, какой обычно составляет гордость лучших ведущих развлекательных телешоу,- а теперь немножечко ам-ам.

После этого он, подмигнув, полез задом из "Вольво". Такое фривольное поведение белого мужчины произвело впечатление даже на бесстрастную Джарус. Она пару раз моргнула, и в ее глазах мелькнула тень интереса к происходящему.

Снаружи дул бойкий ветер. Пробившееся ненадолго на волю закатное солнце заливало всё густым болезненно-желтым светом, делало небольшие холмы вдали неестественно сизыми, а от Андреевых рук, распахнувших багажник, на ровной бурой земле задвигались кинжалы теней.

Он достал сумку-холодильник и вернулся к Джарус.

—Экипированы, как космонавты. А вот еще и курица, правда, холодная.

На еду, приготовленную Вероникой, Джарус посмотрела настороженно, курица же, имеющая привычный местный вид, ей явно понравилась больше.

—Всё ясно, -сказал Андрей, протягивая ей картонный подносик с давно остывшей птицей, накрытой лепёшкой.- Угощайтесь, девушка.

Джарус слегка отстранилась и показала рукой: сначала ты.

—Ах, верно, я и забыл, где нахожусь. На Востоке даже принцесса угощается только после принца. Увы мне, увы! Не хотел ведь я курицу есть, но коварный Восток требует исполнить мужской долг. Впрочем, не забудем и свои, российские корни.

Он достал две пластмассовые чашки и бутылку.

—Коньячок "Варцихе"! Вам, езидам, вино ведь можно? -опять попытался он вызвать в памяти дух Фильштинского.- Шуэйя мин ан-набид?¹ (Джарус ладонью преградила бутылке путь) Ну-ну.. тогда - чай.

Девушка взяла кусок курицы и отвернулась. Он видел, как она ест со сдержанной жадностью, и ему вдруг стало её очень жалко, и вообще стало

¹ Немного вина? (араб.)

жалко, что всё так нескладно получается порой в жизни; потом стало жалко Мисюсь, и Петруню, и всех этих несчастных разбомбленных курдов, и, наконец, себя.

Но коньяк был действительно хорош.

—А вообще-то, может, твои езиды и правы, -сказал он, протягивая Джарус чай.- Может, так оно честней. Всё равно в дьявола на самом деле народ больше верит, чем в рай. А может от него и вообще больше пользы в жизни, а? Меня, например, давно пора молнией изжарить к едрене-фене, а что получается? Раз заказал разговор с Москвой, дают связь, и вдруг слышу - Мисюсь дверь ключом открывает. И в телефоне тут же загудело, заскребло и отключилось - как по заказу. В другой раз пишу письмо - Мисюсь входит: что, мол, такое пишешь? Я прямо примерз к месту. И тут на кухне что-то ка-ак зашипит - она и побежала туда. Ну не дьявол ли?

Во время этой тирады, произнесенной исключительно по-русски, Джарус сидела всё так же вполоборота, увлеченная курицей, но Андрей непостижимым образом ощущал, что езидка внимательно слушает его тарабарщину. Поглядывая на ее двигающуюся щеку, опущенные ресницы и смуглую шею, Замурцев налил себе еще коньяку и выпил.

—А в общем, древние легенды эти - о богах и чертях - мудрая штука. Не дураки их придумали, это точно. Они что-то вроде оправдания для нашего хилого разума. Люблю легенды красивые и страшные... А сейчас кто-нибудь продумает, как прилетели о-очень маленькие пришельцы и стали жить в людях, наподобие глистов - и публика в восторге: о-о! какая фантазия!..

В последние слова коньяк добавил столько драматической страсти, что Джарус перестала жевать, и он поймал пущенный исподтишка вопросительный взгляд.

"Черт! Не подумала бы она, что я ей в любви объясняюсь!"

—Слушай, Джарус, -перешел он на арабский,- может, тебе эта дорога не нравится? Может, ты не хочешь со мной дальше ехать? Туда (он показал - туда, куда безнадежно оседавшее солнце тянуло тени, как шнуры).

—Бали.¹

—Ладно. Ты ешь, ешь.

—Спасибо. Я поела.

—Чаю еще выпей.

—Спасибо. Сыта.

—Возьми тогда салфетку.

Прежде чем взять бумажный лоскут, она вдруг дотронулась худыми пальцами, похожими на птичью лапу, до Андреевой руки.

¹ здесь: Хочу. (араб.)

—Гявур...

Это было так ново для ее поведения после часа молчаливого глазения в стекло и упорно витающего где-то рядом призрака неуловимого папаши, что Андрей опять съехал на русский: —Ну да, гяур я для тебя, понятное дело. Он не знал, что по-курдски "гявур" значит "светлый", по-арабски же это звучало как "человек чужой веры", "неверный". Поэтому он добавил:

—Это еще не известно, кто больше гяур: я или ты со своим дьяволом-павлином.

Так он сказал ей в шутку (конечно, по-русски), но за ровными звуками этих слов уже корчился немой крик: эх, Джарус, Джарус! Что ты наделала, Джарус! Твое прохладное прикосновение, твои золотистые глаза, Джарус, опять напомнили *всё*. И, что ужаснее всего, Джарус - это самое *всё*, чем дальше отъезжаешь от него, тем больше оно становится и тем тяжелее наваливается, когда нагоняет. Да, Джарус, когда оно нагоняет, оно может закрыть всё небо. В нем уже не только крик улетевшей птицы, но и мучительно тихий голос Вероники и даже неуклюжая Юлькина походка. И непонятно, как со всем этим быть, куда запихнуть.

Нет, понятно. Нет-нет, конечно, понятно: скорее вперед. Спасение всегда в движении, всегда впереди, всегда за горизонтом. Помчаться дальше по плоской степи, где холмы, будто сизые нарывы. Помчаться, обгоняя чадающие автобусы и рыдваны времен Элвиса Пресли, сверкающие никелированными клыками и из-за этого так похожие на оскалившихся барбосов. И вот уже снова бормочет мотор, телу комфортно от коньяка, а мыслям комфортно от залитого закатом простора, а может, и от коньяка тоже. И не сказанные еще слова так и катаются уже в голове, как детские стеклянные шарики, играя каждый своим цветом.

—Так вот, о чем я? О Мисюсь... о Веронике то есть. То есть не о ней, а вообще, в целом... Надо же понимать, верно? Если тебе хочется, чтобы муж твой был такой вот и такой... надо самой его сделать. Например, хочешь, чтобы он был сильный, надежный... Шварцнеггер и всё такое прочее? Ну и сделай вид, будто ты его побаиваешься. "Да, дорогой. Конечно, дорогой"... А если выпил три лишних рюмки и лезет целоваться, не надо говорить: "Может, ты сходишь в душ, запах от тебя какой-то козлиный" - а то и получится козел... А наутро что тебе стоит сказать: "Вчера ты так накинулся на меня, что я даже испугалась." Ну что стоит сказать, а? Ну почему я могу себя убедить, что она самая умная и чертовски красивая, а она не может сказать хотя бы разок: "Как ты меня напугал!.." Ты-то хоть понимаешь, что такое любовь? Любовь - это труд. Верно?

Молчание. Гуд мотора. Свист воздушной пустыни над плоской землей, томительный, как какой-то там каприз Паганини.

Дороги в этих местах, очевидно, строил отставной учитель геометрии, они были словно нарисованы огромным угольником на доске: идеально прямые отрезки, а вместо поворотов - скучные углы, заставляющие вспомнить о давно похороненных в памяти градусах, синусах и тангенсах. Когда на краю простора открылись вдали лиловые горы, Андрея охватила внезапная, как приступ малярии, радость. Лиловые горы. Он увидел их! Хотя, конечно, эти горы, складки которых из последних сил похотливо обнажал закат, были уже наверняка турецкими, и не лиловыми вовсе, а просто играла светом, шутила и кривлялась природа. К тому же слева на нежные краски уже напознали, по прихоти небесного архитектора, густые сердитые облака и тащили следом за собой настоящую тучу - длинную, с плоским брюхом. Но всё равно, нечасто, черт возьми, бывают в жизни такие моменты, когда хочется слушать сплошь одни аллегро из концертов Вивальди. Потому что скрипичные аллегро Вивальди - это музыка беспечной свободы. Впрочем, если говорить честно, то Андрей никогда не чувствовал себя таким уж несвободным. Там, позади, тоже осталась свобода. Замороженная недостойными этих небес проблемами, усталая и чересчур привычная. А здесь и впереди свобода была свежая, юная, с загадочными глазами Джарус. Хотя, наверное, это несправедливо - так думать. Несправедливо и некрасиво по отношению к Веронике. Хотелось бы быть, конечно, поблагороднее. А с другой стороны, все эти блистающие и замечательные д'Артаньяны, Сирано де Бержераки, все эти многословные герои Ремарка - это же частности жизни. Потому что никто из них по-настоящему с жизнью не связан. Даже неприхотливый Шерлок Холмс. Просто наваждение какое-то: как блистательный герой - так непременно холостой и без детей. Почему бы, скажем, папаше-Дюма не женить д'Артаньяна на госпоже Буонасье? Вот получилась бы книга - обхохочешься! Нет же - он предпочел ее укокошить!..

Замурцев обогнал широкозадый автобус и шарахнулся вбок от трактора, выползающего без огней на дорогу. Солнце, еще минуту назад тлевшее где-то сзади, совсем упало за горизонт, и вокруг темнело прямо на глазах. В этих широтах нет долгих закатов, теперь ночь затопит всё за считанные минуты. Пришлось включить ближний свет и ехать помедленнее. Скоро он увидел огни идущей поперек машины и догадался, что приближается к перекрестку. Когда до пересечения оставалось метров сто, Андрей заметил типичную казенную хибару из бетонных блоков со слабо освещенным окном и догадался, что сейчас будет контрольный пост. На какое-то мгновение он растерялся, потом стал плавно притормаживать и приказал ездике:

—Лезь вниз. Вот сюда. Быстро.

Та догадалась как-то сразу, что дело серьезное, и, ни о чём не спрашивая и не удивляясь, соскользнула с сиденья на пол и притаилась, как зверек.

Замурцев прижал коленом руль, а руки завел за спину и стал неуклюже стаскивать куртку. Он благодарил в душе... впрочем, не совсем ясно, кого или что именно мог благодарить в душе получивший образцовое материалистическое образование заграничник Андрей Замурцев - бога ли, судьбу, природу, а, скорее всего, он просто радовался тому, что так вовремя наступила темнота, и тому, что включены фары, а, значит, заметить подозрительную суету в подползающем авто разомлевшим от служебной рутины постовым вряд ли придется. А там, впереди, уже возник еще один светлый прямоугольник - дверь, и в нем темной кляксой угадывался силуэт человека.

Андрей тем временем освободился от куртки и набросил ее на Джарус. Потом дотянулся до заднего сиденья, нащупал сумку, с трудом переволок её вперед, туда, где только что сидела девушка, вытащил карту, встряхнул и бросил наполовину развернувшийся лист сверху, завершив натюрморт.

Между тем вышедший из будки солдат не спеша пересек в свете фар дорогу и делал знак остановиться. Андрей, затормозив, опустил стекло; часовой наклонился так, что автомат, висящий у него подмышкой, тоже заглянул в окно.

—Из какой страны, хабиб?¹

—Из Советского Союза.

—А, садык! Куда едешь? В Камышлы?

—Нет. В Румейлан.

—Удостоверение есть?

—Есть.

—Подожди, сообщу. Может, надо записать.

—Пожалуйста.

Ушел. Вернулся.

—Офицера нет. Надо обождать.

—А без офицера нельзя?

—Нельзя. Мамнуа.²

—Мы же ваши союзники. Ты что, не знаешь, что у наших стран особые отношения?

Солдат стал мучиться.

—Мамнуа, садык.

Андрею стало немного зябко. Во-первых, от холодного воздуха, втекающего в открытое окно, а во-вторых, от мысли, что Джарус не сможет столько просидеть неподвижно и начнет шевелиться. Он распахнул бардачок,

¹ дорогой (араб.)

² нельзя, запрещено (араб.)

где среди разного барахла были сигареты - как раз для различных затруднительных случаев: "Мальборо" и "Вайсрой" для тех, кто посOLIDней: привратников в министерствах и секретарей средней руки чиновников, и местные "Хамра" для таких, как этот вот служивый. На сей раз он вытаскивал без разбора и "Мальборо" и "Хамру".

—Ты же видишь: ночь уже, а меня в Румейлане ждут, на русском контракте. Только не говори, что не знаешь, что там полно русских. Спроси у любого.

—Клянусь Аллахом, садык!

Андрей всё-таки всунул ему пару пачек и поэтому почувствовал себя уверенней.

—Откуда я знаю, куда твой офицер ушел! Может, он до утра не вернется. Думаешь, у него есть такое право - задерживать иностранных официальных представителей?..

Произнося всё это, он медленно тронул машину. Солдат шагнул следом, повторяя напряженным голосом:

—Садык, садык...

У Андрея заныло сердце. Если солдат начнет шутить с затвором автомата, то придется остановиться и тогда уже ждать до упора этого чертова офицера - скорее всего какого-нибудь вредного и настырного мухабаратчика¹. Но тот всё тянул: "Эй, садык",- и Андрей понял, что до автомата дело не дойдет. Он высунулся в окно и крикнул таким проникновенным голосом, что, пояись эта сцена в каком-нибудь египетском кинофильме, зрители бы обрыдались:

—Йисаллимак!²

Он правильно угадал в голосе солдата тремоло сочувствия и не удивился уже, когда услышал сзади повелительно-хриплое:

—Роx!³

"Вольво" свернула направо, на восток, и помчалась дальше по равнине мимо силуэтов засыпающих деревень на гаснущем горизонте.

—Вылезай, Джарус! Музыка будем слушать.

Сумка опять переехала назад, следом за ней полетели карта и куртка.

—Всё, Джарус, свобода!

Если бы не темнота, могло бы почудиться, что она улыбнулась. Хотя не только ни одна белая овечка из тридцати двух не выглянула из загона, но даже углы губ не шевельнулись. Да и умела ли она *так* улыбаться, эта азиатская

¹ сотрудник службы безопасности (от арабского "мухабарат" — служба безопасности)

² Да благословит тебя Аллах! (араб.)

³ Езжай! (араб.)

Джоконда? Просто что-то менялось в воздухе вокруг. Неслышный аккорд, дрожание невидимых струн... Ах, как не хватает иногда нашим знакомым женщинам чего-то вот такого... джокондовского... Разумеется, последние рассуждения были уже мыслями Андрея, неожиданными, полубезумными, как и все прочие мысли этих полутора дней.

—Свобода, Джарус! -повторил он.- Хотя что такое, в сущности, свобода? Это, в сущности, одиночество. А вот, скажем, брак - какое же одиночество? Это, смешно сказать, совсем не одиночество... Хотя, с другой стороны, порой вовсе даже... В общем, я совсем запутался, не слушай.

Вспухшие вдруг на лобовом стекле крупные слезы прервали Андреев монолог. Замеченная ранее слева туча всё-таки дотянулась до них.

—Смотри-ка, дождь. Это нехорошо. Самое опасное, знаешь ли - первые капли, -сказал он езидке по-арабски и немного снизил скорость.- Когда вся эта пылевая пудра из пустыни еще с дороги не смыта, а только подмокла - асфальт превращается в бутерброд, намазанный маслом...

Дождь бил и гремел по крыше. Казалось, что сильнее не может быть, но он вдруг ударил еще сильнее.

—Ну и дела, Джарус! В такую погоду только со смелой девушкой можно путешествовать.

И опять Андрей угадал ее безмолвную улыбку. После происшествия у будки чувствовать ее настроение ему стало как-то проще. Наверное, так и должно быть: заговорщики должны понимать друг друга без слов.

"Вольво" ползла сквозь дождь, и время теряло привычные приметы. Только оранжевые стрелки циферблата помогали держать его в повиновении. Но если забыть о похожем на астролябию педантично расчерченном светящемся круге, то бесконечный поток начинал перетекать через придуманные людьми плотины, пытающиеся разделить его на мелкие заводи минут и часов, затоплял пространство вокруг, и мысли, и душу, и глаза, и тогда оранжевые стрелки теряли свой строгий смысл. Да и так ли нужна астролябия двум заблудившимся в океане обломкам?

—Чувствуешь запах, Джарус? Это сера. Серой пахнет из земли.

Андрей, разумеется, не знал, как будет по-арабски "сероводород". Но Муликов-то снова оказался прав, запахи здесь сочатся из самого ада...

Мчалась навстречу пустота; дворники ровно шуршали по стеклу, словно билось чье-то сердце.

Румейлан был уже где-то совсем близко, и Андрей думал о том, что с езидкой путь на нефтяной контракт, где еще не все боги умерли, где наверняка есть чопорная ленинская комната с пыльным Полным собранием сочинений - туда путь ему заказан. Но еще он думал, что, может быть, это и неплохо, поскольку не придется мешать уксус с маслом, а ехать сразу к Тигру и

тихонько подобраться к самой границе, которая и есть река, и встретить там рассвет, а потом проверить муликовский римский мост и муликовские же рассказы о безумном, захватывающем пейзаже на стыке трех государств. И еще - как хорошо, что он не позвонил заранее нефтяникам, хотя не позвонил он, поскольку знал, что бедуины в этих местах имеют обычай срезать телефонные провода, из которых делают медные сережки и колечки своим бедуинкам, и, стало быть, спасибо бедуинам за их привычки.

Так примерно он думал, когда из недр тьмы навстречу "Вольво" вдруг всплыла огромная голова чудовища. Андрей вздрогнул, но тут же рассмеялся, поскольку понял: да это же просто здоровенная нефтяная качалка. Треугольная голова поднялась сквозь дождь еще выше, куда не достигал свет фар, а потом плавно опустилась обратно.

—Испугалась, а? -сказал он езидке. Но тут же почувствовал полный кретинизм вопроса, в который раз увидев ее спокойный взгляд. Может, она такие ужасы видела, каких и в кино не показывают, мысленно уел он себя и поторопился исправить ситуацию, объяснив:

—Знаешь, что это? Аппарат, чтобы качать нефть из земли. Вверх-вниз. Насос. Понятно?

Треножник качалки проплыл мимо, дальше справа показались огни. Хотя дождь лупил всё так же остервенело, можно было догадаться, что эти белые и желтые пятна обозначают многоквартирные дома вроде родных пятиэтажек. По рассказам, так и должен был выглядеть городок Румейлан, рожденный нефтью и советско-сирийской дружбой. И качалка, и дома, и сероводород были верными приметам. Румейлан - это был Рубикон. До Румейлана он мог спокойно ехать, дальше уже начиналась граница, начинались вопросы. Один парень, вспомнил Замурцев рассказы Коровникова, какой-то из их, газетной, братии... и даже не какой-то, а с очень простой фамилией, отчего она и застряла в памяти: Фиск, то ли англичанин, то ли немец, изобрел железный способ проезжать куда угодно: сажал к себе в авто голосующих на дороге военных и такой пассажир заменял пропуск. Ни на одном КПП ни одного вопроса не задавали: раз с военным, значит, порядок. Он так по всему Ливану ездил в гражданскую войну. Андрею, разумеется, данный вариант не светил. Пассажира он уже получил - сомнительной полезности, да и голосующих военных под дождем не наблюдалось. Если его остановят, он, конечно, соврет, что заблудился, но это все равно будет означать конец путешествию.

А он хотел увидеть реку, и мост, и еще раз лиловые горы. Иначе зачем было ехать?

Возможно, все эти рассуждения и опасения заставили Замурцева свернуть сразу за Румейланом с главной дороги на другую, отходящую вбок, хотя он толком не смог бы объяснить, почему так сделал. А, может быть, его испугал

клин света от выползающей откуда-то сбоку другой машины. Скоро проехали еще одну качалку. Потом из дождя возникла лежащая поперек асфальтовая лента, и Андрей снова свернул, уже не представляя ясно, куда едет. Световые пузыри от фар успокаивающе бежали впереди, время от времени упираясь в повороты. После одного из кренделей, похожего на латинскую S, из хаоса тьмы и дождя - не успел Андрей неприятно удивиться - вылепились бочки на обочине и будка, предназначение которой не оставляло сомнений. Пост дремал под густо падающей водой, как добрая сказочная избушка. Андрей выключил огни, и некоторое время "Вольво", ослепнув, еле ползла под грохот капель по крыше. Когда желтый огонек оконца остался позади, Замурцев снова отважился включить ближний свет.

Вскоре после этого дорога пошла вверх, будто бы в гору.

—В гору - такого не должно быть, мы же едем к реке,- сказал он ездике, долго разворачивался на узкой полосе, кося фарами сверкающую мошкарку капель, и поехал назад, но поста уже не было, как не было и того кренделя, и уже вообще не было ощущения, что едешь по земле, а будто движешься в завораживающем бесконечном космосе. Поэтому рука сама потянулась, чтобы поставить "Эксинокс" Жарра... Жан-Мишель тоже, наверное, несет вину за то, что приключилось некоторое время спустя.

Вправо, вверх, вниз, через какой-то мосток... и даже этот мосток не нарушил мистики ощущений, слитых с музыкой.

Замурцев очнулся, когда дождь стал редеть. Теперь не было удобного космоса, в котором растворилась "Вольво", свет фар летел чересчур далеко и был пугающе резок и бел.

—Либо мы заехали черт знает куда, либо уже почти там, где надо, -сказал он Джарус, сам, впрочем, не вполне понимая, где они должны быть "почти там".

Голос внутри опомнился, советовал остановиться и подождать до утра, но Замурцев никак не мог заставить себя прекратить движение, начатое двое суток назад в пятистах километрах отсюда. Наконец, помня о постах, он все-таки решил найти убежище и до зеленоватых змеек в глазах стал разглядывать темноту, надеясь, что вот-вот попадется удобная скромная ложбинка с колеей; а иногда он косился на подсвеченный слабым приборным светом профиль Джарус, и тогда на мгновение забывал и о колесах, нащупывающих асфальт, и о ложбинке с колеей и снова просто плыл в этом мире, где таинственный силуэт, и музыка, и - что самое главное - нет прошлого и совершенно не важно, каким окажется будущее.

Поэтому, когда ему показалось, что он нашел наконец нужную ложбинку и свернул, и поначалу действительно было гладко, то он, размягчившись от всей предыдущей беллетристики, слишком поздно спохватился, что руль трясет

что-то уж слишком сильно, словно конечность у алкоголика. Потом машина сделала резкий "бумц" вниз, попав в нечто вроде широкой канавы, а когда Андрей, промывчав "Зар-раза!", заставил ее рвануться вперед, она стала быстро заваливаться влево, и "Зар-раза!" было последним, что успел сказать Замурцев перед тем, как мир сорвался с цепей и перевернулся два раза: один раз с ног на голову, а потом опять в нормальное положение. Сопутствовавшее этому ощущение отсутствия пространства Андрей однажды уже испытал в десятом классе, когда пришел в секцию бокса и ему на первом же занятии с ходу "для обкатки" заехали в скулу. В общем, как оказалось, очень неприятно переворачиваться вместе с двумя тоннами металла. Чувствуешь, что из живота вдруг выкачали воздух, а в какой-то момент даже хочется по-собачьи поджать хвост, который, к сожалению, отмер несколько миллионов лет назад.

Езидка восприняла кувырок в авто так же дьявольски бесстрастно, как и все предыдущие события в своей жизни; Андрей всё же, кажется, издал неприличный всхлип, который, он надеялся, растворился в космической музыке Жарра. Впившись в руль и с ногой, давящей на бесполезный тормоз, Замурцев прибыл к концу кульбита невредимым, только клацнул зубами и ощутимо ударился плечом о дверь, когда "Вольво" с недобрым скрежетом, накренившись, бессильно замерла - по счастью, снова колесами на земле. В момент остановки Жан-Мишель Жарр булькнул, но продолжал играть дальше и царил в ночи до тех пор, пока чужой хриплый голос не произнес в салоне по-русски:

—Ну и кувырдон.

Потом тот же голос, но в котором было уже несколько больше от заграничника Замурцева, добавил по-арабски:

—Слава Аллаху, стекла целы.

Одновременно хозяин голоса подумал, что самое удивительное, может, даже не в том, что стекла целы, а в том, что Джарус ухитрилась остаться почти в той же позе, в какой сидела всю дорогу. Она только еще сильнее прижалась к двери, хотя держаться там было толком не за что.

—С тобой всё хорошо, Джарус?

—Да, хорошо.

Жан-Мишель продолжал играть, но, прислушавшись, Андрей понял, что мотор заглох.

—Пойду гляну снаружи.

Он достал фонарик и осторожно толкнул дверцу. Та открылась легко, хотя и с царапнувшей сердце тоскливой виолончельной нотой. Тогда Андрей дернул за крючок, отпирающий капот, и вылез в темноту под редко капающий дождь. Внешне в моторе всё было вполне нормально, хотя в любом случае

Замурцев мало что в этих делах соображал. Но главное, что бензин ниоткуда не хлестал, и это уже было удачно.

Он захлопнул длинную тяжелую крышку и обошел "Вольво" вокруг, спотыкаясь о мокрые пучки колючей травы. Он ожидал, что машина будет выглядеть примерно так, словно выскочила из голливудского боевика, но, хотя на крыше и боках было несколько неприятных царапин и вмятин, в целом всё выглядело довольно пристойно. Вначале даже появилась мысль, что ничего очень уж непоправимого не случилось: найдет он дорогу, расчистит немного путь, вымостит, где нужно, камнями и выберется. Андрей пошел, светя себе фонариком, в ту сторону, откуда, как ему казалось, они приехали с Джарус, прежде чем перевернуться. Пройдя метров пятьдесят вверх-вниз по буграм, он так и не нашел дороги, но зато, оглянувшись, увидел, что рубиновые огни "Вольво" исчезли. В небольшой панике он тут же побежал назад и обнаружил их гораздо левее, чем предполагал. Стало ясно, что операцию по вызволению придется отложить до света.

Приняв это решение, Андрей с облегчением нырнул в теплый интим салона.

—Отдыхаем, Джарус. Темно, дороги нет.

Чтобы что-то еще сделать, он повернул ключ. Стартер пару раз глухо гавкнул, как гавкает во сне собака, и рука сама в ужасе выключила зажигание, чтобы не слышать задыхающийся стон бессильного механизма. Что-то вроде досады, близкой к раскаянию рождалось в душе незаметно, как рождается волна. И зачем он поехал на этот почти что край света? Чтобы угробить машину и подхватить в провинциальной дыре полоумную девку?

Он вдруг напомнил сам себе воробья, который погнался за мошкой над шоссе и был расплюсчен радиатором мчащегося грузовика. Всегда ему было жалко этих глупеньких птиц, а теперь стало так же жалко себя.

Слишком резким движением он выключил магнитофон, потому что надо было побереечь аккумулятор.

—Будем радио слушать.

Однако кроме ровного шума, напоминающего о жарящейся яичнице, в динамиках ничего не было. Андрей снова вылез наружу и на заднем крыле нащупал обломанный металлический шпенек. Антенны больше не было.

—Зар-раза косая! Буераки чертовы!

Хотя причем здесь буераки-то? Это всё равно что Цельсий виноват, что у вашей Маши температура.

—Спокойно, спокойно, -сказал он себе.

Он стал осматриваться. Постепенно, как ни удивительно, глаза стали кое-что различать. Подтвердилось сделанное еще по дороге в Пальмиру открытие, что холмы всё-таки чернее ночи. Впрочем, с одной стороны были даже,

кажется, не холмы, а настоящие горы. Он вернулся в "Вольво" к Джарус радостный:

—Слушай, мы, кажется, совсем рядом с Тигром!

Как и следовало ожидать, открытие на ездку впечатления не произвело.

—Ну тогда давай пить коньяк, -сказал Замурцев,- Так скорее время пройдет.

Он опять достал "Варцихе".

—Может, всё-таки будешь?

Она отказалась.

—Курицу?

Джарус отвела руку, протянувшую ей снедь. Это прикосновение уже стало для них как будто привычным, но всё равно у Андрея вдоль спины пробежало электричество и заныли старые раны. Поэтому он быстро сказал:

—Ну, как знаешь. Твое здоровье, Джарус.

Он выпил и, не сдержавшись, плебейски причмокнул.

—Ты думаешь, я расстроен? Ничего подобного! Даже хорошо, что черт знает что получилось. А то сидишь, сидишь на одном месте... Начинаешь, ей-богу, понимать древних героев, и хочется этакое сделать или даже попасть в дурацкую историю...

"Что и вышло", -тут же откликнулся внутренний голос.

Но Андрей только усмехнулся. Уже не трогал его тот осторожный и ехидный, что сидел внутри, и сильно помогало в этом ощущение не опустевшего пока стакана в руке. И еще - сильно помогало присутствие Джарус.

—Знаешь, Джарус, одному ведь в жизни надо и то, и другое, и третье, а я вот знал парня, который был вполне счастлив только лишь потому, что чертовски был на Солженицына похож...-он отрывисто засмеялся, но сообразил, что ездка вряд ли знает, кто такой Солженицын, и нашел замену:— На халифа Омара, в общем.

В глазах Джарус дрожали оранжевые огоньки приборной доски, и Андрею даже показалось, что девушка смеется вместе с ним. Он не обратил внимания, что Джарус каким-то образом оказалась вроде бы ближе, чем прежде, хотя и почувствовал ее прохладные пальцы у себя на запястье. Но это было уже не ново - пальцы на запястье, поэтому он не удивился и продолжал свой русско-арабский монолог, уснащая его идиотским хмыканьем и утробными смешками:

—Ты вообще даёшь, Джарус, ахсанти йа Джарус. Машина - кверху колесами, а ты - митль тейр, как птичка - отряхнулась и снова тут. А еще

говорят: джинс латыф! Это мы - слабый пол, а вы сильнее и хитрее нас, только притворяетесь слабыми для выгоды. Сах?¹

После того как вылетел этот "сах", рот у Замурцева так и остался полуоткрытым. Потому что вдруг оказалось, что езидка тоже говорит. Он впервые слышал, как этот голос произносит больше трех слов подряд, причем гораздо больше трех. Слова были непривычно-непонятные. Ах да, она же, разумеется, говорит по-курдски, то есть на языке, на котором бог разговаривал с Адамом, как утверждает священная езидская "Черная книга" - "Мисхаф Раш".

"Тё эз керем каууа пьети, сеуда серим дельберенти..."²

Странное дело - слова эти так летели, торопились друг за другом, как будто одно боялось потерять другое; некоторые будто жаловались, другие будто смеялись, а некоторые - Замурцев мог бы поклясться - звучали даже грозно. Он мог только гадать, стихи это или молитва, когда руки Джарус, руки прежде такие осторожные, осмелев, стали увлекать его всё ближе к этим словам. Он не догадывался, разумеется, что она рассказывает ему самое дорогое, что знала: сказание о продавце корзин, и о его жене, и о жене эмира, и об ужасной их судьбе.

"Куро бас бик готин

Хва мен тенани бона селка дейне..."³

Зачем она говорила это? Может быть, она думала, что Андрей ее жалеет, а она не хотела, чтобы ее жалели, и говорила:

"Агыре кетие нава дилемин

Дишауте тиджи кьети дарде селке хойе..."⁴

Она говорила и сама содрогалась от того, какие страшные были слова, а руки льнули, как две лани... или даже, как две колдовские змеи, которые проникают под кожу и сдавливают сердце... Ах, какие страшные были слова, если бы кто знал!

"Жмира негунейе. Мин кельяхуа

Мин хистие бе хуэди.

Арз у азмам мин ситар наке

Туджи дыбе джемыра гунейе!"⁵

Замурцев почувствовал, что невольно поддается этой магической музыке, и когда пальцы Джарус погладили его по небритому с прошлого утра

¹ Верно? (араб.)

² Ты превратил меня в жареную куропатку, сердце мое растерзано. (курд.)

³ Слепец, прекрати эти разговоры. Не идет ко мне сон, и позвала я тебя не ради ничтожных корзин. (курд.)

⁴ Огонь попал в мое сердце, оно страдает, а ты печалишься о своих корзинах. (курд.)

⁵ Для меня нет греха. Я оставила без хозяина мой дворец, земля и небо не покровительствуют мне, а ты говоришь мне: "грех"! (курд.)

подбородку, он сделал то, что давно хотел сделать: потрогал ее волосы. И даже больше: ощутил их запах - немного острый запах, непонятный и непривычный. А Джарус шептала что-то совсем разрывающее душу, и вся она была уже здесь, вся - непонятная, чужая и вся - его, Андрея.

И тут Замурцев вдруг испугался, подумав, что с ее стороны это просто благодарность. Благодарность за то, что он ее повез, кормил-поил... благодарность по счетчику, так сказать... Да и не укладывались никак в симфонию последних полутора дней эти поцелуи над рычагом ручного тормоза. Но что может помочь справиться с чарами женщины? Только воспоминание о другой женщине. И он стал гладить езидкины волосы, пропускать их сквозь пальцы, вдыхать их запах и говорить:

—Ты славная, Джарус. Ты милая, потому что ты думаешь, что жизнь, как песня: в саду гуляла, цветы збирала, кого любила - причарувала...

—Че?.. че?..¹

Впервые она хотела понять, что именно он говорит.

—Ничего особенного. Это из одной песни... Послушай теперь ты, теперь я буду рассказывать.

И она действительно поняла этот болезненный шепот (хотя Андрей толком не соображал, где он говорил по-арабски, а где по-русски) и затихла.

—Я сам писал себе песни, Джарус. Но жизнь сложнее песен, и чем больше живешь, тем больше запутываешься. Сильнее всего запутываешься в себе, Джарус. И даже в собственных песнях, и даже не знаешь уже, что с ними делать... А еще работа, машина, знакомые, деньги, дети, родственники... Столько нитей, и они всё время сплетаются, как сеть. Всё больше обязательств, всё меньше времени... И страшно жалко тех, кто в Союзе, особенно - у кого малыши. А друзья - такие здоровые, крепкие ребята - вдруг начинают, как назло, умирать, Джарус, и оставляют этих самых малышей с их мамами... И посылаешь туда, в страну вечного дефицита и бардака, что можно и когда можно. Вертишься, суетишься, врешь. Иногда уже сам не понимаешь, что лепишь: «Это я в карты проиграл, отвезите, пожалуйста, вы ведь не хотите, чтобы обо мне думали дурно?.. А это - моим родственникам, им врачи прописали кукурузные хлопья... Исключительно кукурузные хлопья! Вы ведь не хотите, чтобы люди остались инвалидами, да?..» А с тобой хорошо оттого, Джарус, что у тебя в глазах отражается это небо и эти вот холмы, и в тебе ничего, кроме этого, нет. И еще я. Я тоже отражаюсь. С тобой поэтому просто и хорошо. И легко. Наверное, потому, что тебя ничто не держит в этой жизни.

К концу этой длинной и сбивчивой речи Андрей почувствовал, что ужасно устал, что все слова кончились, и что даже коньяк как будто выдохся, и

¹ Что? Что? (курд.)

время, прежде наполненное бетховенским нетерпением, теперь еле журчало сладенькой водичкой какого-нибудь Форе.

—Вот так. Поняла? -сказал он нарочно по-русски.

Джарус встряхнула волосами. Глаза ее потеряли Андрея, и она снова стала непонятной, неразгаданной езидкой из далекого мира, где небо не балует лишней роскошью, где на всех хватает только пыли и бурой земли, и тем пронзительнее напоминания о рае в виде крошечных цветущих долин, полных таких диковин, о которых Замурцев не имел ни малейшего понятия. Какое-нибудь терпентинное дерево, например...

В авто, лишившемся горячего дыхания мотора, начинал пробираться холод. Андрей достал куртку - добротную теплую финскую куртку из Москвы - и потрогал Джарус за плечо.

—Холодно. Надень.

Девушка не пошевелилась. Она опять смотрела куда-то мимо, может быть - на восток, где прятались за темнотой Синджар, Лалиш и другие знакомые ей названия. Но Замурцев все-таки заставил ее продеть руки в рукава.

—Вот теперь гляди куда хочешь.

Он сунул ей еще и теплые носки ("Надень, если замерзнешь"), а сам облачился в свитер и уютно натянул на самые уши кепку.

—Утром...-сказал он езидке, сам тоже улетаая взглядом неведомо куда и не в силах возвратиться,- утром будет видно... Всё путём. Со мной не бойся, я тебя понимаю, Джарус... очень грустно жить на свете, когда никто... не видит мир...

Он хотел сказать: "таким же, каким его видишь ты", но так и не сказал, потому что кто-то вдруг наступил ему на веки, и под ними разлилась пустая темнота.

...Сначала было слышно, как где-то тихо журчит вода. Потом серый туман начал раздвигаться, и за ним оказался сумрачный... ах нет, это не сумрак, просто тень закоптила вымостившие двор неровные камни, на которые срываются с нависающих веток и об которые раскалываются спелые гранаты. А дальше - тесный свод, лестница, падающая спиралью в уже настоящую темноту, и совсем близко в этой темноте - тот же зовущий голос воды - податливого, таинственного существа, всё время лепечущего что-то, но не проговаривающегося.

Когда глаза немного привыкли к сырому прохладному подземелью, Андрею показалось, что в глубине кто-то шевелится, вроде бы даже ходит, и иногда что-то поблескивает там тусклым блеском бутафорского серебра.

Потом это что-то или кто-то остановилось, и Андрей услышал будто бы вздох.

—Кто здесь? А?

Смутная тень, похожая на груды перьев, двинулось ближе, еле слышно шурша; в случайном пятне света мелькнул сначала удлинённый, почти человеческий глаз, потом бирюзово-золотые разводы широкого хвоста... Ах вот что так странно блестело в темноте! Значит... вот кто это! Тихий голос Фильштинского, недочитанные в институте книги...

—Невероятно!

Павлин тихо засмеялся, и вода тоже засмеялась вместе с ним.

—Почему же - невероятно, Андрей Сергеевич? -раздался ровный, мягкий голос.- Кто же вам сказал, что должны обязательно быть языки пламени, мерзкие запахи... какие еще там навороты?.. Ну, скажем, скачки на черных конях под музыку Берлиоза и все эти бессмысленные "мерондор, традиун, марексиль...".

Неясная в сумраке фигура снова двинулась, прошумев слабым ветром.

—До чего же вы любите дешевый драматизм, просто удивительно! Да если угодно знать, когда я вижу, как меня в таком виде представляют... весь в черном... тут тебе и сера, и молнии... хохот адский... а то бывает - даже с хвостом и рогами! - я себя чувствую просто смешным, эдаким...

—Павлином, -подсказал вдруг сбоку развязный голос, и Замурцев вздрогнул, потому что голос этот, во-первых, не принадлежал никакому видимому существу и, кроме того, был ужасно похож на петрунин.

Андреев собеседник, однако, не обратил никакого внимания на хамоватый выпад из ниоткуда. Немного помолчав, он сказал:

—Обидно, ей-богу, когда из тебя лепят оперное пугало. Вот он я (опять прошуршало в темноте). Ну, разве страшен?.. Неужели никому мысли такой не приходит: если я так ужасен, каков же тогда должен быть ОН, сделавший своего ангела чудовищем только за то, что тот отказался его послушаться? Я имею в виду известную историю с Люцифером, которую про меня рассказывают... Вы-то как полагаете, Андрей Сергеевич?- вдруг услышал Замурцев вопрос в свой адрес.

—Я?.. -Андрей подумал.- Жалко, наверное, как-то...

—Что - жалко?

—Как бы это сказать... Жалко, если нет такого - с рогами и молнией.

—М-да?

—Извиняюсь, но мне кажется, что так, -сказал Андрей уже решительней.- Колоритный он такой, привычный... жестокий и коварный. Всемогущий опять же...

—Жестокий, коварный, всемогущий...-повторил Павлин.- А как же тогда я не смог защитить своих подданных от всех этих Вехби-Бекир-пашей и Асем-беев?.. Правда, порох у солдат как-то оказался подменен пылью, но подобное случилось только лишь раз...

—Я не совсем понял, о чем вы, -сказал Андрей.- Но всё-таки странно... Как же, например, со сказками? с романами? с Гуно? с Берлиозом упомянутым? Послышался долгий вздох.

—Эх, Андрей Сергеевич! Нравятся вам всё-таки эти дешевые прибабасы! Не скрою: ОН решил, что действительно должен быть на всякий случай кто-то, заставляющий вас, людей, задуматься. Исключительно, чтобы заставить задуматься, а не пугать. Вы ведь дети ЕГО, а разве вы сами не снисходительны к детям вашим? Поэтому ада нет. Нет серы и молний. И не было. Разве можно жечь своих детей, резать их на куски?

—А как же история с первородным грехом, с чего всё и началось?

По хмыканью Андрей понял, что Павлин развеселился.

—Ну, между нами говоря, это вообще смешно считать грехом. Разве мыслимо сотворить разумное существо и ожидать, что его можно будет удержать от причастности к добру и злу?.. Так что змея напрасно оклеветали. Позволю себе скаламбурить: змей оказался козлом отпущения, хм... Между нами говоря, пора бы пересмотреть кое-какие факты, и я бы, пожалуй, взял на себя смелость кое-где быть адвокатом. Невзирая даже на то, что историческая репутация - вещь упрямая... Кстати, рассказывают, что змея заткнула хвостом дырку в ковчеге у Ноя во время потопа.

Андрей в изумлении хотел спросить: кто же эти самые, которые "рассказывают"? но Павлин заговорил снова:

—Если уж пошел такой доверительный разговор, Андрей Сергеевич, то скажу откровенно: мы с НИМ уже сами не очень понимаем, что вы там у себя считаете добром, а что злом. Вы оказались шустрыми ребятами и ухитрились так всё запутать... так всё...

—...обгадили, -снова подсказал отвратительный голос со стороны, подладившись, будто это сказал тоже Павлин.

—Да, -согласился тот, словно рассуждая сам с собой,- Может быть даже так. Вот здесь, например, извольте видеть, -он захрустел бледнеющим в сумраке газетным листом, развернул, и Замурцев, напрягая глаза, разобрал знакомые контуры клише вверху первой страницы.

—Так вы и "Независимую газету" читаете?

Павлин, судя по всему, смутился, свернул лист и спрятал, а достал другой, не показывая уже названия.

—Вот, к примеру. Певцы ваши поют: "Я пригласил своих друзей на этот праздничный расстрел...", а общественности нравится... (прочитировал)

"Изящное интеллектуальное кощунство эпохи постгуманизма". (зашуршал опять бумагой) Всемогущий номенклатурщик, вот, фирмочку свою организовал за госсчет, тещу на казенном самолете за границу катает... Старушку убили за пять рублей... Уж о доносах, о сплетнях газетных и не говорю... (лист смутно мелькнул и пропал) Позвольте, господа-товарищи! Должна же быть какая-то, если хотите, культура зла! Зло требует мук и восторга, его надо выстрадать!.. Черный плащ, скрежет зубов... магический шар, мандрагора в полночь!.. О!.. Великую идею Зла вы опорочили пошлостью и уголовщиной!.. Помните, как у Гегеля?

Андрей вздрогнул от неожиданности вопроса.

—У Гегеля?

—Ну да, у Гегеля, который Георг Вильгельм Фридрих: «Главный источник божьей мысли - познание самого себя». То же, как я понимаю, и со злом...

По внезапной паузе Замурцев догадался, что его собеседник, очевидно, смутился, поняв, что не приличествует подобное говорить дьяволу, даже выступающему в облике Павлина.

—Ну ладно, ладно, -долетел снова голос.- Гегеля уж оставим в покое. Поймите главное: вы погубили идею. Идею, ради которой я был создан! Что-то оказалось непродуманным... Вы ищете решение в законах механики и в устройении своих собраний. Вы заменили меня сами себе, и я как мальчишка теряюсь перед вашими выкрутасами. Мне уже меж вами делать нечего! Да что там! Вы и ЕГО заменили сами себе! -в темноте вдруг ярко вспыхнули и приблизились глаза, и их хозяин на мгновение стал похож на привычного того самого, книжно-оперного.- Но посильна ли ноша?? -раздались слова, и внезапный хохот эхом покотился вдаль, так что впервые за весь разговор Андрея обдало морозцем.

Потом эхо замолкло, но морозец остался, и скоро Андрей понял, что уже не спит. Кроме того, он понял, что проснулся не столько из-за холода, сколько по другой причине, по той же, по которой любому случалось вылезать ночью из теплой постели.

Некоторое время остывший полумрак "Вольво" смешивался в андреевом сознании с тающим туманом сна, и в ушах даже жило эхо адского хохота. Откровенно говоря, Замурцев не прочь был бы задержаться еще в подземелье у разговорчивой птицы: интересно всё же, что та еще рассказывает. К тому же он не всё понял: о порохе и солдатах, например. Хотя, именно это, в общем, не так уж важно, поскольку ясно, что просто случилась какая-то реминисценция из прочитанного в институте про то, как какие-то местные князьки изводили предков Джарус.

Он посмотрел, что делает ездка. Девушка спала. Во всяком случае, она присутствовала в темноте совершенно неподвижно.

Андрей осторожно открыл дверь и вылез наружу. Облака уже ушли, открыв над головой бесконечную бездну, в которой дрожали звезды. В пустыне особенно хорошо видно, насколько даже звезды беспомощны перед ветром Вечности. Ей-богу, не хочешь, а поверишь, что где-то тут и впрямь прохаживается мудро-печальный Мелек Таус...

Однако, не жарко вовсе, подумал Замурцев, стоя на ветерке один с глазу на глаз со всей космогонией. Он пожалел, что не надел теплое белье, и невесело усмехнулся от вдруг пришедшего на ум афоризма: жизнь есть процесс постепенного изменения точки зрения на теплые подштанники.

В тот момент, когда уже почти были сделаны все дела, ради которых пришлось вылезти из "Вольво", где-то очень далеко родился короткий, низкий, властный звук - не то гул, не то гром: "Тум-м-м...". И - не успел он растаять - как снова: "Тум-м-м... тум-м-м..." Приглушенные расстоянием "тумканья" доносились с той стороны, где уже совсем близко был Ирак, и, конечно же, Андрей догадался, что там, в Ираке, километрах, может быть, даже всего в тридцати-сорока отсюда союзная авиация, а точнее - американская, поскольку другой с этой, турецкой, стороны не летало, лупит по объектам разбойника-Саддама. Это было как неприятное напоминание о том, что мифологическая надменность месопотамских небес обманчива и что где-то там и тут под огромной черной чашей уверенно скользят существа совсем иных легенд: F-111 с меняющейся геометрией крыла, и F-15 "Игл", прозванные "королями неба", и F-16 "Фокон", и F-14 "Томкэт", и F-18 "Хорнит", и А-6 "Интрудер", и похожие на летучую мышь F-117 с 900-килограммовыми бомбами лазерного наведения, и E-2С "Хоки", и EA-6В "Праулер", и А-10 "Тандерболт" по прозвищу "уничтожитель", и французские "Мираж" F-1, и английские "Торнадо" F-3 (два последних - без поощрительных прозвищ), и огромные В-52, а в стороне кружат КС-135 "Авакс" и венчают хоровод спутники "Ки Хоул", висящие выше всех в непроглядной прозрачной глубине.

Замурцев с разочарованием обнаружил, что долетающий гул войны подозрительно похож на только что слышанный во сне смачный хохот Дьявола-Павлина.

Вот и конец фантазиям, развенчание милой восточной сказки, подумал он, забираясь обратно в машину. Теперь уж наверняка больше не приснится Павлин.

Ему было приятно убедиться, что тот снова оказался на прежнем месте в подземном гроте, где журчала вода.

—Надо же, а я думал, мы уже не встретимся.

—Ну, собственно, действительно не скажу, что у меня так уж много свободного времени, -Андрею показалось, что Мелек Гаус разговаривает гораздо более непринужденно, чем раньше, с интонациями почти панибратскими.- Но раз уж получилось такое душевное общение, то надо бы разговор наш довершить...

—Так сказать, для проформулы, -ввернул уже слышанный прежде голос, так похожий на Петрунин.

—Ну что ж...-согласился Андрей.- На чем мы остановились?

—Мы?-переспросил Павлин голосом, ставшим вдруг очень даже неприятным.- Кто это - "мы"? Не надо смешивать "мы" и "мы", друг мой. Это раньше "мы" было всеобщее, а теперь есть "мы" и "мы".

—Я что-то не понимаю! -сказал Андрей, обидевшись на такой тон.- Разве я что-то сделал не так?

—Вы делаете, вы всегда что-то делаете... Я, конечно, понимаю и признаю, что для человека жизнь без деятельности лишена смысла. Но ваша в основном деятельность-то вредна и бессмысленна. Вот в чем противоречие.

—Минуточку, извиняюсь, но я...

—Да слышал, слышал, как ты тут распространялся... про древних героев, про то, что тянет что-нибудь совершить... Но ведь не дом построить и не дерево посадить, а вот так - на манер мелкотравчатых аргонатов... Ей-богу, удивляюсь, как у вас всё легко и просто! Для меня, например, истина - это боль, это мучительная тайна!..

—Ты это уже говорил, -заметил голос сбоку.- Повторяешься.

—Ну да, ну да, разумеется, лучше продолжим... Хотя, собственно, что продолжать? Главное я уже сказал: никакого ада нет, Андрей Сергеевич.

Голос подсказал:

—А о главном-то.

—Да! -спохватился Павлин.- Именно. Совсем забыл. Я хотел еще сказать, что, в сущности, зачем он нужен, ад? Достаточно глянуть попристальнее вокруг, как убедишься в его ненужности... излишности. Все эти примитивные, пошлые даже сковородки, крючья, котлы... зачем они? Зачем, если вы сами устраиваете себе то и дело такое... такие... никак слова подходящего человеческого не подберу.

—Безобразия, -тут же раздалась услужливая подсказка.

—Скорее, гадости, -поправил Павлин.- Да, впрочем, какая проблема! Можно, так сказать, вполне лично и наглядно убедиться. Вот, пожалуйста...

Тут же весь антураж внезапно рассыпался, как подброшенная в воздух колода карт. Дикая сила сорвала Замурцева и бешено понесла, унижительно переворачивая вверх тормашками, так что руки и ноги его болтались, словно у тряпичной куклы, а полы одежды разлетались веером. К счастью, всё это

длилось какие-то мгновения, и, не успев Андрей выдать в ужасе из горла: "А-а!..", как уже ощутил, что безумный полет окончился, и ноги снова стоят на твердом основании.

"Документы! -была первая мысль.- Наверняка выпали к чертовой матери!.."

Но, как ни странно, и документы, и ключи, и даже мелкие металлические деньги оказались на привычных местах в карманах. Можно было бы удивиться этому обстоятельству, если бы другое не было еще более необыкновенным: Замурцев стоял в своей... не буквально своей - своя-то осталась в Москве, - в общем, в той самой квартире в Дамаске, где он жил с Мисюсь, Юлькой и попугаем.

"Что это? Как это? Домой вдруг залетел..."

В комнате, куда он попал, - а это была та самая, которая считалась его кабинетом и где стоял его письменный стол - никого не было. Да и во всей квартире царила тишина: не бубнил телевизор, не шуршал попугай. Впрочем, ему и не положено было уже шуршать, поскольку в окне было темно: то ли вечер, то ли ночь.

—Хм...-произнес Андрей носом неопределенный звук, не зная, что и думать насчет странного перелета.

Но тут он заметил, что на его обычно аккуратно прибранном письменном столе раскиданы исписанные бумаги, а также, что самое странное, конверты с адресами и марками. Андрея словно ударило молотком по сердцу: он узнал её письма, приходившие на имя Покасюка. Покасюк брал за каждое полученное и переданное письмо по сто лир, но Замурцев был даже рад этому, поскольку считал гарантией того, что фальшивый адресат не проболтается, боясь если не потери дохода, то позорного разоблачения своей гнусной скаредности.

У Вероники не было привычки шарить в его вещах и бумагах, и письма Андрей прятал не так чтобы очень тщательно: под казенными папками в левом нижнем ящике. Но кажется, что одно из них... да-да, одно вообще просто бросил сверху без особой конспирации, а жене, видно, именно в этот момент потребовалась какая-то канцелярская ерунда и... дальше ясно, Андрей Сергеевич?

Сам не зная зачем, Андрей стал собирать листочки, исписанные мелким круглым почерком, а глаз выхватывал из них обрывки фраз, и случайные эти обрывки были нелепы и бессмысленны и оттого только усиливали смятение.

Одновременно Андрей почувствовал, что в районе желудка его протыкают острой тонкой спицей, и он не понял, сколько прошло времени, пока в ставшей совершенно пустой до звона голове наконец сложилась конкретная мысль:

"А где Мисюсь?"

И тут же безумный непонятный страх вошел второй спицей в горло. Замурцев бросил собирать листочки (и правильно, поскольку занятие-то было, откровенно говоря, совершенно дурацкое и не понятно для чего нужное) и на ногах, которые стали как будто вареными, пошел в спальню.

В спальне его еще сильнее испугала чуть разбавленная настольной лампой сумеречная пустота. Тогда, почти задыхаясь, он побежал на кухню. Потом в гостиную. И в гостиной наконец увидел, как ветер пошевеливает занавеску, скрывающую приоткрытую дверь на балкон, и ощутил, как течет оттуда по ногам холодный сквозняк. Когда Андрей подошел и стал ловить рукой занавеску, то из темноты за дверью он услышал слабый голос, который не мог принадлежать никому, кроме Вероники. В то же время голос был непривычный и - показалось Андрею - то ли напевал, то ли молился. Очутившись на балконе, он увидел силуэт жены, которая сидела спиной к нему на летнем плетеном стуле в наброшенном на плечи легком осеннем пальто.

—Мисюсь, ты зачем здесь... на холоде, не одетая, -неуверенно сказал Замурцев.

Вероника как будто не слышала его и снова тоненько и напевно что-то проговорила.

Ощущая, как то ли уличный холод, то ли ужас ползет по спине, Андрей наклонился и обнял жену сзади за слегка прикрытые пальто плечи. Он старался, чтобы руки не очень дрожали.

—Верочка...-а дальше слов не оказалось, и только с большим трудом выдавилось: -Это я.

—А-а... Ты-ы...-сказала она, не шелохнувшись; на табуретке рядом стояли бутылка джина и стакан. Такое допотопное пьянство для Вероники было необычным, но главное, что поразило Андрея, был ее голос - такой, словно она рассказывала нараспев кому-то невидимому, сидевшему тут же, на железных перилах балкона, о чем-то давно прожитом и навсегда потерянном. И при звуках этого голоса сильнее всего обдавало Андрея морозом, хотя и слов-то разговора он почти не разбирал.

—Верочка... маленькая моя! Что ты здесь делаешь?

—Я...-отозвалась она, но Андрей с ужасом понял, что собеседников для Вероники в этот миг на балконе не прибавилось.- Я?... - и, глядя широко раскрытыми глазами туда же, куда глядела до этого: на ночь, на пол-луны, она так же ровно и мечтательно протянула: -Не зна-аю...

—Верочка, пойдем, ты здесь замерзнешь!

Замурцев начал поднимать за плечи ее тело, которое повисло, как безжизненное, а тот же бесстрастный голос с прежней удручающей напевностью сказал:- Не замё-ёрзну...

Тогда Андрей просунул руки ей под колени, поднял безвольное тело и понес в спальню, потерянно приговаривая:

—Верочка, маленькая, что ты? что с тобой?.. И слышал в ответ всё то же мечтательно-отсутствующее:

—Не зна-аю...

Он заглядывал в широко раскрытые Вероникины глаза и пытался поймать ее взгляд, но взгляд не ловился, как будто Замурцев и его жена были уже существами совершенно разных миров и жили в непересекающихся измерениях.

Тогда он начал трясти ее за плечи, как будто так она могла лучше воспринять то, что он кричал ей, не узнавая своего сдавленного голоса:

—Да ведь кончилось же у нас с ней! Кончилось!..

А Вероника тоненько повторяла:

—Да... кончилось... кончилось...

И вдруг он понял пронзительно ясно: даже если он отпоит ее сейчас валерьянкой, если будет бесконечно целовать эти безвольные пальцы, биться головой о стену и даже если даст отрубить себе руку - всё равно Мисюсь, которую он знал, исчезла, можно даже сказать это страшное слово: умерла; той милой, доверчивой Мисюсь для него уже не будет... никогда не будет.

Ни-ког-да.

—Верочка... Ну что ты хочешь, чтобы я сделал? Что?.. Скажи хоть что-нибудь!

А в голове вертелось: лучше бы она била меня... ножом пырнула... С ума может свести этот ад!.. - и только Андрей успел так подумать, как всё вокруг снова завертелось каруселью, и новый дикий полет окончился уже знакомым сумраком, таящим спокойное журчание текущей воды.

—Ну, как впечатление, Андрей Сергеевич?

Оглушенный тем, что видел и пережил, Замурцев не сразу понял, что маленькое путешествие было не больше чем иллюстрацией к той беседе с Павлином, которая, как выяснилось, продолжалась. Пока он приходил в себя, невесть откуда раздающийся противный голос успел вставить:

—А ведь не дурак вроде, мог бы и сообразить заранее, как оно рискует обернуться.

Собственно говоря, этот-то гадкий голос и вывел Андрея из оцепенения.

—Я в общем-то, может, и действительно... но с другой стороны...

—Да! - перебил Павлин, передвигаясь в сумраке колышущимся пятном.- Да! - причем говорил он мягко и без злорадства, почти сочувственно.- Я знаю, знаю: легко жить на свете, когда вокруг полно людей, которые порядочнее тебя... Когда жизнь кажется чем-то вроде детской игры, и думаешь, что все шалости сойдут с рук... Я понимаю, как тяжело бывает, когда милый этот

порядок нарушается (Андрей услышал протяжный вздох). Но бывает, что он нарушается - иначе как же достучаться до заложенного в каждом чувства справедливости?

—А вот и попробуем! -неожиданно рывкнул еще один, совершенно незнакомый голос, и тут же частые глухие удары стали лопаться, как показалось Андрею, прямо у него в голове.

Андрей опять очутился в "Вольво" и вздрогнул: в стекло над самым его ухом кто-то стучал в меру нетерпеливо. Ночь уже побледнела и стала полупрозрачной, как обсосанный леденец, поэтому стучавшего можно было довольно ясно разглядеть в бледном молоке рассвета. Досада, отравившая первый момент возвращения в реальный мир (Андрей боялся, что стучит либо какой-нибудь местный неотвязчивый пастух, либо - что было бы еще менее приятно - случайный мухабаратчик¹), быстро улетучилась, как только он разглядел несомненно европейский облик.

Встретившись глазами с Андреем, Неведомо-Кто заухмылялся, как показалось Замурцеву, почти счастливо, и тогда даже сквозь утреннюю мглу стало хорошо видно, что парню не больше тридцати (да еще эта легкомысленная кепка с длинным козырьком!). "Козырек" перестал наконец долбить в стекло и изобразил дружелюбный жест, а вместе с жестом в салон просочилось приветственное "Hi!"², значит, Явившийся-Из-Тумана лопотал по-английски.

Замурцев выдавил из глаз последние капли сонного яда и зашевелился. Но сначала он всё же посмотрел: как там Джарус? Разумеется, ездикины глаза тоже были открыты и без тени сна спокойно наблюдали всю эту кинематографическую сцену, как будто само собой разумелось, что в забытом богом углу (именно в углу, особенно если вспомнить конфигурацию государственных границ) к ним из утренней мглы явится человек в дурацкой кепке, чтобы приветствовать словом "Hi".

Андрей изобразил кислую улыбку: мол, понятия не имею, что за гусь, и приспустил стекло. Холод просыпающейся равнины тут же потек в салон "Вольво", грубо дав понять, что до этого пассажиры прямо-таки нежились в тепле. Затем Замурцев услышал потрясающие слова:

— Hi, folks! Which country am I in?³

¹ сотрудник службы безопасности

² Привет! (англ.)

³ Привет, ребята, что это за страна? (англ.)

Ого! Прямо булгаковское: "Умоляю, скажите, какой это город?" Он не сдержался и ответил тоже словами великого писателя:

—Ну, Ялта,-но тут же смягчился:—You are in Syria.¹

— This is really great!²

На сей раз иностранец в кепке порадовал их с Джарус, кроме ряда белых зубов, еще и индейским криком. Надо же, как ему понравилось, что он мерзнет именно в сирийском тумане (не мерзнуть в его курточке без воротника было наверняка невозможно). Андрей заметил на одном рукаве маленький американский флажок, а на другом - неразборчивую круглую картинку. В целом курточка была бы ничего, если бы не аляповатые карманы на груди.

Откровенно говоря, Замурцева тянуло поскорее закрыть окно в остывший за ночь мир, но улыбчивый протянул ему руку и сообщил:

—Эндрю Манн, -и дальше что-то не слишком понятное.

—Очень приятно, -вежливо отозвался Андрей заученной с института фразой и в ответ назвал себя: -Эндрю Замурцефф.

После чего он сделал жест бедуина, приглашающего к себе в палатку, и спиожонил: -Тафаддаль, хауиль.³

Он показал на заднюю дверь с противоположной стороны (потому что с той стороны, где происходила беседа, оказалось очень уж много раскиданного барахла), и чужой Эндрю понял:

— O'kaу.

Пока парень огибал капот, Андрей успел сделать три вещи: рассмотреть подробнее странную одежду, в которой тот щеголял, зажечь лампочку в салоне и бросить взгляд на часы. Время на часах было вполне логичное: 5.07. Что касается первого наблюдения, то курточка на тёзке-Эндрю оказалась вовсе не курточкой: верхняя часть сразу переходила в штаны, а широкая стальная молния исчезала между ног. Когда же Пришедший-Из-Пространства полез со своими нашивками и квадратными ботинками в "Вольво", можно было уже со всей уверенностью присвистнуть:

—Елки-палки!

—Hi! -между тем снова очень жизнерадостно сказал Эндрю Манн, протянул Замурцеву руку, и тот эту руку пожал, найдя ее чересчур крепкой.

—Ну и гусь ты, оказывается, Эндрю.

—What?⁴

¹ Вы в Сирии. (англ.)

² Потрясающе! (англ.)

³ Пожалуйста, заворачивай. (традиционное бедуинское приглашение)

⁴ Что? (англ.)

—Я говорю, -сказал Андрей, подбирая нужные английские слова и отгоняя арабские,- что еще никогда живьем не видел американского летчика. Ты ведь летчик, а?

— Hey! Where are you from? ¹-сказал американец вместо ответа.

—Не трать, -успокаивающе сказал Андрей по-русски и представился:— I am Soviet. ²

— Sweden? ³

— No. (по слогам) So-viet. Understood ⁴?

Теперь свист издал Эндрю Манн.

—You must be kidding! ⁵

—Не верит, -с сарказмом сообщил Замурцев езидке.- Ну что ему сказать, Джарус, а?..

На американца между тем напало какое-то детсадовское возбуждение, и он радостно сообщил:

—Vodka, perestroika, na zdorovie, - а затем продолжил так быстро, что Андрей едва успевал понимать:—Черт возьми, вот уж не думал!.. Ты правда русский?.. Русские ведь все такие.. (он показал) здоровые все ребята... и брюнеты.

—Почему - брюнеты? -страшно удивился Замурцев.

—Не знаю, у нас в фильмах - всегда брюнеты. С бородой и бровями.

—М-да, ну и представленьца, -пробормотал Андрей.- Здорово вам мозги проветривают.

Самому ему, правда, в этот момент почему-то полезла в голову дурацкая песенка про Сан-Франциско, которую в детские годы распевали во дворе:

"Там девочки танцуют голые,
Там дамы в соболях,
Лакеи носят бороды,
А воры носят фрак..."

Поэтому он не стал высмеивать чудовищные представления иностранца о России, а вместо этого спросил:

—Ты что, Эндрю, так в кепке и летаешь?

—Нет, конечно. Согласно инструкции, шлем я снял и выбросил. А кепка у меня всегда с собой, вот здесь, -американский Эндрю похлопал себя по

¹ Эй, ты какой национальности? (англ.)

² Я советский. (англ.)

³ Швед? (англ.)

⁴ Понятно? (англ.)

⁵ Ты шутишь! (англ.)

штанине, на которую была нашита уйма карманов.- Просто я подумал: если я появлюсь перед русским парнем в шлеме, он наделает в штаны.

Оба захохотали. Не то чтобы очень уж остроумной была шутка, но отчего-то было ужасно весело.

—А что, леди не умеет улыбаться? -спросил американец, показав глазами на Джарус.

Андрей усмехнулся про себя: валяй, подлизывайся, она всё равно не оценит, потому что не знает, что такое "леди", - это тебе не Америка с Европой.

—Эта леди, я тебе скажу, непростая. Она местная, но не мусульманка (Эндрю преувеличенно удивился: «О!») Она езидка. Ты, разумеется, про таких не слышал? Конечно, не слышал. Езиды поклоняются дьяволу.

—О! -опять сказал американец.- Это твоя жена?

—Нет.

—Твоя девушка?

—Да нет...

—I see¹... А что вы здесь делаете? Поклоняетесь дьяволу?

Они оба снова захохотали. Веселый парень этот американец Эндрю. Он, пожалуй, похож на тех, что в фильмах. Правда, не в наших, а в своих же, в голливудских.

—Значит, с бородой? -снова уточнил Андрей.- М-да, здорово вам мозги промывают... Скажи, а ты что, морской авиации летчик? Navy aviation?

—Почему? -удивился Эндрю Манн.

—Костюм-то - синий.

—Да нет, синий как раз не морская авиация. У тех - зеленый.

Замурцев еще раз поразился причудливой американской логике: ему ясно, что, скорее, у морских форма должна быть синей.

—Как тебя сбили? Ракетой?

Эндрю ответил неопределенной гримасой и промолчал.

"Ракеты-то у иракцев наши, потому парень и корчит лицо", -расшифровал для себя Замурцев и не стал настаивать.

В общем-то, не совсем удобно напоминать гордому американскому соколу, что свиста ветра в перьях пока что больше нет, но, во-первых, не делать же вид, что тот просто путешествует в этих краях автостопом, а во-вторых, всё могло бы завершиться гораздо хуже. В конце концов, существует ведь и обыкновенное человеческое любопытство.

—Извини, Эндрю, если тебе об этом неприятно вспоминать... Ты из Турции прилетел? Американец секунду подумал, потом подтвердил.

—А что бомбил?

¹ Понимаю... (англ.)

Опять пауза. Потом - вежливый ответ:

—Не знаю.

Ну и черт с ним! И о том не спроси, и об этом. Наверняка бомбил базу в Эль-Кейне, в "Ньюсуике" и без того всё нарисовано, видел он схему. И самолет его наверняка - F-111 с длинным носом и меняющейся геометрией крыла - тоже мне, Мальчиш-Кибальчиш и военная тайна... Хотя в F-111, кажется, не один пилот, и может парень летел не один. И, в конце концов, может и зовут его вовсе не Эндрю Манн, а Леланд Стивз или Рональд Хэмфри...

—Саддам...-сказал американский Эндрю, очевидно, почувствовав, что не худо бы разрядить обстановку,- Саддам - вот так, -и он показал, как повесят Саддама Хусейна, и какая у того будет при этом физиономия, и как вывалится язык. Он специально протиснулся между спинками передних сидений и повернулся к Джарус, чтобы та тоже посмотрела и повеселилась.

Хотя - что, собственно, Саддам? Что все так уперлись в Саддама? Просто один из не самих умных навуходоносоров. А если разобраться, историю всё равно делают тираны и преступники, все остальные только пытаются ее подправить...

—Скажи, ты из посольства?

Замурцев отвлекся от своих саркастических рассуждений.

—Нет. Я так... по торговле.

Он подумал и добавил:

—Но номер на машине дипломатический, с красной полосой - видел? У нас, советских, здесь у всех такие.

—Да-да, вы здесь особая нация. Может быть, у тебя есть карта этих мест?

—Есть, но не очень хорошая. Для туристов.

Замурцев полез в бардачок и достал всё ту же - наследственную - карту, стесняясь ее изношенности. Увидев ободранный лист, раскрашенный в веселенькие туристские цвета, Эндрю заметно погрустнел.

—А другой нет?

"Свою терять не надо было",-подумал Замурцев.

—Другой нет, извини. Тогда американец задал неизбежный вопрос:

—Пожалуйста покажи, где мы сейчас находимся.

—Приблизительно, ладно? -сказал Андрей, имея в виду, что сам не знает толком, куда за ночь они успели заехать.....

.....
—Хорошо, приблизительно, -согласился Эндрю Манн, имея в виду, что от такой замечательной карты нельзя требовать большой точности.

—Значит, так, -забормотал Андрей,- Румейлан проехали, получается: мы где-то отсюда... и досюда, -показал он.

—Но тут километров сорок, -неуверенно произнес американец.

—Ну да, верно, глаз-алмаз (последнее, разумеется, по-русски).

Летчик смотрел на его радостные кивки, словно на ужимки душевнобольного.

—А точнее ты не знаешь?

—Да мы... (как будет по-английски "заблудились"?) потеряли ночью дорогу, понимаешь?

—И что, полсотни километров так и ехали без дороги?

Какой занудный американец! Может, он вообще туповат, другой между прочим, сразу бы заметил, что у "Вольво" на номере знакомыми буквами написано: SYR, Сирия то есть, парень, понятно? А он: "Which country...!"

—Ну ладно, -сказал Эндрю, смягчась от нехорошего Андреева молчания.- А вот эта Аль... Малькия далеко?

—Не знаю.

—Well.¹ А когда мы поедем?

Это кое о чем напомнило Замурцеву, и он вместо ответа сказал:

—Ты извини, я лампочку выключу, а то аккумулятор сядет. Он выключил свет в салоне, потом сообразил, что так и не ответил на американский вопрос, в очередной раз с огорчением вспомнил, что приключилось с его оливковой "ласточкой", и, ударив ладонью по рулю, сказал исключительно по-русски:

—Ку-ку машиночка, не фунциклирует.

Жаль, нет Петруни, тот бы этому парню всё быстро растолковал.

Американец на всякий случай повторил:

—Ку-ку... Так почему бы на ку-ку не поехать? Он улыбнулся отвратительно безукоризненной улыбкой.

—Уф! Тяжело с тобой, какой ты быстрый!.. (далее по-английски) Сломалась наша машина. Мы сюда, между прочим, на это самое место не приехали, а, можно сказать, прикатились... Антенну, кстати, по дороге сломали... Так что, извини, не слышали, как по радио объявили, что ты пожаловал к нам в гости.

Тезка-Эндрю на шутку не отреагировал.

—Слушай, а ты в машинах разбираешься?

—Так, более-менее, -уклончиво сказал летчик.

—Значит, вроде меня, -огорчился Замурцев.- Все дела на месте, а стартер не крутит и мотор не заводится. Что это может быть?

—Может быть...-Эндрю Манн выдал по-английски нечто совершенно непонятное.

—И ты можешь это починить?

Американец добросовестно подумал.

¹ Ладно. (англ.)

—В этих условиях боюсь, что не могу, -впервые с его лица на несколько мгновений сошла витринная жизнерадостность.

—Послушай, -сказал он наконец.- Я сейчас приду, О'кей?

—Пожалуйста. Иди, если надо.

—Я сейчас отойду, может быть меня не будет минут двадцать. Ты не волнуйся и не ищи меня. О'кей?

—Ясно. Я-то было подумал: может, у тебя...

—Нет, не это, -Эндрю починился и снова стал прежним голливудским парнем.- Это пусть будет у наших врагов. Верно?

Замурцев смотрел, как он долго топает по сирийской степи, медленно исчезая в утреннем молоке.

Потом его глаза переехали на Джарус. Как-то он о ней совсем забыл. Американец, упавший с неба, - это, конечно, необычно, это отвлекает.

—Знаешь, кто это? (езидка послушно смотрела на Андрея и молча слушала, к чему он уже привык) Летчик. Вон там летел, наверху. Американец. Ты понимаешь, кто такой: американец?

Глазами она показала: да.

Больше он не знал, что сказать. Вчера столько всего было просто необходимо сообщить этим нечесанным волосам непонятного цвета, а сегодня уже ничего не осталось. Странно.

Вместе с тем как женщина, она нравилась ему в это утро даже больше.

"У российских купцов слабость к цыганкам", -насмешливо подумал он.

—Так где же всё-таки твой папаша? -протянул он задумчиво. Он сказал это, разумеется, по-русски, чтобы девушка не обиделась, хотя она вряд ли была способна на столь утонченные чувства.- Куда тебя девать, милая?..

Но тут же сквозь взрослую озабоченность проросла и заглушила ее мальчишеская гордость. Да, увы, он так и не увидел ни серную реку, ни лиловые горы, о которых мечтал в бане, ни даже остатки какого-то несчастного римского моста, но вот он зато сидит черт знает где в перевернувшейся два раза машине с дьяволопоклонницей и американским летчиком, сбитым над Ираком, - кто еще может похвастаться такой компанией!

Эндрю Манн появился, как и предупреждал, минут через двадцать. Быстро светало, и Замурцев разглядел его наряд во всем великолепии.

—Слушай, -сказал он, когда американец снова залез в "Вольво",- замечательный у тебя комбинезончик! (Удивительно, что парень почти не мерзнет в этой тонкой шкуре - видно, спасает теплое белье, как в свое время рыцарей) Я в жизни не видел столько карманов, ей-богу!

— Sure¹, -сказал Эндрю Манн; было видно без бинокля, что комбинезоном он действительно горд.- Вот это для авторучки (похлопал себя по левому рукаву), очень удобно, с клапаном... здесь - flare (вынул откуда-то из области бедра нечто похожее на толстый карандаш), не понимаешь? Пфф-ф-ф!..

Американец стал делать в воздухе паралимпийские движения рукой, и Андрей догадался:

—А-а! Сигнальная ракета.

—...и еще факел (показал толстую цветную свечу)... сигнальное зеркало... ("Прямо набор для Барби", -ввернул Замурцев, но американец дипломатично выдержал эту бестактность) Здесь нож... пистолет... (Разумеется! Что за пилот без ножа и пистолета!) А вот эти... -рука вернулась от штанин к верхней части и похлопала по обеим сторонам груди. - вот эти, надо сказать, трудно использовать, потому что, когда летишь в кабине, сюда ложатся лямки. Understood?

—Понятно, -бодро сказал Андрей, который заметил, что некоторые оттопыренные карманы Эндрю обошел молчанием.- *А там* у тебя как прошло - всё о'кей?- он показал глазами в предрассветную степь за стеклом.

Американец чуть замялся, но потом кивнул:

—О'кей.

—Слушай, а у вас бывает, чтобы не о'кей?

—Боюсь, что я тебя разочарую, -сказал Эндрю Манн и снова похвастался зубами.

—Ты по радио ходил связываться, да? Ну и как? Удачно? Что сказали?

Американец ничего не ответил, только засмеялся, что Андрею не очень понравилось. Хотя, с другой стороны, могут быть у военного человека свои секреты?

"Наш бы сразу всё сказал-показал", -подумал Замурцев.

— Look!² -Эндрю хлопнул его по плечу и, указывая на какую-то полосочку над сердцем, сообщил, будто доверяя страшную тайну: - Здесь, знаешь, что было? Имя, номер и звание... А здесь - squadron patch³. Но это всё я должен был сразу уничтожить... А вот это, -сказал он, снова сделав голос веселым и громким,-это optional patch⁴, я придумал его сам. Видишь? Как тебе?

Он повернулся боком, чтобы Замурцев лучше разглядел на правом рукаве золотого орла с луной на голове, а вокруг - звезды с крылышками. Наверху

¹ Конечно. (англ.)

² Смотри! (англ.)

³ нашивка с девизом эскадрильи

⁴ девиз экипажа или посвящение своему самолету

была надпись: "No strings, no mirrors, just guts"¹, а внизу: "Fortes fortuna juvat"². Обилие золотого с голубым и латынь показали Андрею снобизмом, и он сдержанно отозвался:

—Нормально.

—Ну да, верно, этот patch не очень. У меня еще есть, похлеще. Оскаленная голова волка и надпись: "No mission too demanding"³. Но в части его нельзя носить. Я его надеваю так... (подмигнул) for girls.⁴

—Так у вас тоже строгости, смотри-ка! -изумился Андрей.

—Нормально, старина! -успокоил Эндрю Манн и снова хлопнул его по плечу.

Но что-то не слишком панибратское было за всеми этими улыбочками и похлопываниями. Какая-то плотная чешуя.

—Так вот, тот patch я нацепляю для девчонок. Девчонкам нравится с волком, -он подмигнул Джарус и оскалил зубы, изображая свой patch, а потом оскал перешел в уже знакомую бодрую улыбку, которая всё больше напоминала Андрею бродвейские мюзиклы.

Внутренний голос сказал: интересно, а что он о тебе думает?

Американец словно почувствовал критический Андреев настрой, перестал освещать салон "Вольво" зубами и напомнил, что он всё-таки гость:

—Ну, мой русский друг, что ты предполагаешь делать?

Замурцев усмехнулся.

—Ты мне поддал отменную идею.

Он дотянулся до сумки на заднем сиденье и достал еще довольно полную бутылку "Варцихе". Эндрю Манн пришел в бурный восторг.

—О! Вот теперь я верю, что ты в самом деле русский!

Не меньше чем коньяку он обрадовался домашней снеди, приготовленной Мисюсь.

—О! Gorby snack!⁵

—Это моя жена сделала.

Замурцев выпалил и осекся: эх, не надо было этого говорить.

—О! Так ты еще и женат!

Глаза американца посмотрели на облако езидкиных волос, как показалось Андрею, с излишним интересом.

—Не понимаю, тебе-то какое дело, -пробормотал он по-русски и сунул летчику пластмассовую крышку от термоса.-Take this.¹

¹ Ни помощи, ни иллюзий - только собственные силы.(англ.)

² Смелым удача помогает. (лат.)

³ Нет слишком трудных заданий. (англ.)

⁴ для девчонок (англ.)

⁵ горбачевская закуска (англ.)

— То perestroika!²

Опять приятное хочет сделать, насмешливо подумал Андрей. Он протянул Джарус остатки вчерашней курицы, девушка взяла их и снова отвернулась.

После того как по первые пятьдесят грамм было выпито и в дело пошла запуска, Замурцев сказал:

—Между прочим, Эндрю, можешь напороться на такого, кому твой тост не очень понравится.

Американец даже прекратил жевать.

—А тебе нравится?

—Да я как-то глубоко не задумывался.

—А! Ты - большевик!

—Да нет... то есть... (по-русски) Как тебе объяснить, американская твоя морда? (Эх, был бы Петруня, он бы выдал что-нибудь затейливое, вроде: "КПСС как яркое проявление простодушия русского народа".) Понимаешь, Эндрю, люди - как муравьи: сколько ни разрушай муравейник, они такой же создадут.

—Перестройка - это же великолепно! Это огромно!

—Огромно, -сказал Андрей.- Но я как-то стал уже бояться, что чем огромней цель, тем колоссальнее обман... Давай еще налью.

Американец смотрел на него с сожалением.

—Ты не демократ!

Но крышку протянул.

—Да бог с ними, с демократами и со всеми прочими! —сказал Андрей.- Твое здоровье, Эндрю... Слушай, мне наша обстановочка здесь сейчас напомнила одно место, где я был в юности. Там тоже из чайной посуды пили исключительно не чай. Хотя место называлось "чайная" (он произнес это слово с пижонским английским акцентом). Ты знаешь, что такое "чайная"?.. Это значит: утром голова трещит, одежда черт-те в чем заляпана и пломба во рту исчезла. Понял?..

Американец подтвердил, что понял: "чайная" - это ужасное место.

—Когда же это было?.. В семьдесят восьмом? Ну да! Весной, еще снег лежал. Нас послали в Сещу, под Брянском... город такой. В это время в Канаде должен был вот-вот упасть наш спутник, и военные готовились искать в тех краях обломки, для чего собрали со всех институтов ребят и натаскивали их как бортпереводчиков. А Брянск, видно, на Канаду похож!- Андрей засмеялся, и американец засмеялся следом, показывая, что понимает: Брянск на Канаду не

¹ Бери. (англ.)

² За перестройку! (англ.)

очень-то похож. - Жили мы там в казарме, но ходили в штатском и пижонили перед девками подтяжками со страшным стёбом (это уже было непереводаемо и сказано по-русски, и даже показано жестами - в основном почему-то в сторону Джарус, а не американца). Чтобы мы совсем с цепи не сорвались, в части нам устроили дискотеку, играли там мы сами и местные бренчалы тоже. Но был приказ: петь только отечественные песни. Репертуар проверял местный политотдел в лице майора. Однажды я попытался сбацать что-нибудь из «Битлз», сказали: этого больше на сцену не пускать.

—Не может быть! Почему?

—Может... У нас всё может быть... В Канаду мы отчего-то не поехали, а поехали обратно в Москву. На последней дискотеке в день перед отъездом я подошел к майору и говорю: «Есть очень хорошая песня, антивоенная, про американских летчиков, которые отказались сбросить на Вьетнам атомную бомбу...»- Замурцев не смог некоторое время рассказывать дальше, потому что Эндрю Манн совершенно по-детски захихикал, и рассказчик, заразившись, захихикал тоже; Джарус не смеялась, но Андрей заметил, что она слушает очень внимательно, словно понимает; короче, почти как вчера.-...И вот майор подумал-подумал и говорит: «Ладно, валяй». И я запел:...

Негромко отстукивая на колене задушевный ритм, Замурцев запел:

I once had a girl,
Or should I say
She once had me...¹

Там, где должен быть бубен, он пощелкивал пальцами.

...She showed me her room.
Isn't it good
Norwegian wood?..
She told me she worked in the morning
And started to laugh.
I told her I didn't
And crawled off to sleep in the
bath...²

(на этом месте Андрей подмигнул Джарус)

And when I awoke I was alone,
This bird has flown.³

¹ "Однажды у меня была девушка, вернее, я был у нее..." (англ.)

² "Она показала мне свою комнату. «—Неплохая вещь норвежское дерево, верно?» Она сказала, что утром ей надо на работу, и засмеялась. Я сказал, что мне не надо, и поплелся спать в ванную." (англ.)

³ "Когда я проснулся, я был один: птичка улетела." (англ.)

Американец изображал восторженное внимание, хотя Андрей сомневался, чтобы Эндрю, по молодости лет, был без ума от «Битлз». Кумиром его поколения был уже, наверное, прыгающий по сцене в розовых кальсонах Род Стюарт.

So I lit a fire,
Isn't it good
Norwegian wood?¹

—Слушай, ты потрясающий парень! -сказал Эндрю Манн, когда Замурцев кончил петь.- Свинский был всё-таки ваш прежний режим, имел таких ребят и так по-свински с ними обходился!

Эти слова покоробили Андрея. Не потому, конечно, что он был очень высокого мнения о системе, в которой существовал вместе с Мисюсь, Юлькой, Петруней, попугаем и всем прочим. Его покоробила американская самоуверенность. Удивительно! Ни Сталина у них не может быть, ни Брежнева. У нас может, у других может, а у них не может! Кто им сказал? Андрей опять пожалел, что нет Петруни.

—Как у тебя всё просто, тетка! Наконец-то нам открылась истина, верно? А это, между прочим, можешь мне поверить, самая переменчивая величина. И может быть, только мы, русские, это знаем лучше всех. Сегодня есть бог, завтра нет, послезавтра опять есть. Сегодня Земля плоская, завтра круглая, послезавтра сплюснутая, и - заметь! - всё время истина!

Американец смотрел, хлопая глазами. То ли слишком сложно для его технократических мозгов, то ли Замурцев сказал это не по-английски.

—Я на каком сказал? -спросил он у Джарус, но тут же вспомнил: ах он, дурень! - она же ни по-русски, ни по-английски не понимает и, следовательно, на этот вопрос ответить не может.

Что-то я слишком разболтался, подумал он. И зачем столько наговорил-напел, как будто в первый раз американца увидел? Это коньяк и Муликов с его лиловыми горами виноваты. И разные дурацкие события, которые из нормального уравновешенного советского человека делают неврастенического героя интеллигентского кино. Тем более что пыжиться уже вовсе ни к чему, потому что ясно даже ёжику: самое интересное позади, все-все приключения состоялись, и от затянувшегося вечера аттракционов теперь впереди осталась лишь заключительная часть - так сказать, официальное закрытие в форме вручения Эндрю Манна вместе с Джарус местным властям. И лучше поскорее

¹ "Тогда я зажег огонь. Неплохая вещь норвежское дерево, верно?.." (англ.)

проиграть этот последний акт, особенно тягостный оттого, что ощущаешь, как за кулисами уже приготовились и ждут знака, чтобы задернуть занавес.

Убедившись, что "Варцихе" больше не осталось, Замурцев сказал:

—А что мы, собственно, сидим? Пошли дорогу искать! Он сжал пальцами нос и голосом простуженного радио прогнусил - как учили тогда, в Сеце:

— Tower, this is Aeroflot number one, one, two, five, seven. Request permission to start the engines.¹

Он с наслаждением увидел, как круглые глаза Эндрю стали еще круглей.

—О!.. -восхищенно простонал он. Потом ухватился за свою синюю кепку, надвинул ее до самых бровей и, еле шевеля из-под громадного козырька нижней челюстью, просипел не менее отвратительным, чем Замурцев, казенным голосом:

— Permission is granted.²

— Roger. Out.³

Замурцев взревел турбинами, и тогда Эндрю Манн приказал:

— Proceed to taxi strip number two!⁴

Продолжая прогревать двигатели, Андрей замотал в разлохматившуюся бумагу остатки закусок, собранные Мисюсь, забросил всё обратно в сумку, потом прервал гудение, чтобы сказать Джарус:

—Надень куртку, пойдем дорогу искать.

—Слушай, ты на каком это языке говоришь? -поинтересовался Эндрю.

—На арабском.

—Ты и по-арабски можешь? Парень, это потрясающе!

—А ты думал, как я с ней общаюсь? -Андрей вытащил ключ из замка зажигания и сказал с нажимом, чтобы не дать американцу слишком плясть на езидку:

— Tower, this is number one, one... как там дальше, черт побери... seven. Request permission to take off.⁵

Сказал - и тут же, не дожидаясь ответной реплики полез наружу из "Вольво", бросив езидке:

—Йелла!⁶

¹ Диспетчер, на связи самолет Аэрофлота номер один, один, два, пять, семь. Прошу разрешения на запуск двигателей. (англ.)

² Даю разрешение. (англ.)

³ Вас понял. (англ.)

⁴ Следуйте на рулёжную дорожку номер два. (англ.)

⁵ Диспетчер, это номер один, один... семь. Запрашиваю разрешение на взлёт. (англ.)

⁶ Пошли! (араб.)

Очувтившись на свежем воздухе, он немного подождал, но скоро обнаружил, что ни Джарус ни американец не торопятся следом, и, ощутив непонятное раздражение, снова сунул голову в салон.

Эндрю Манн за это время успел протиснуться между передними сиденьями и, блестя зубами из-под кепки, показывал Джарус, за какую штуковину дергать, чтобы открылась дверь. При этом он, разумеется, что-то бодренько приговаривал по-английски.

Замурцев почувствовал, что раздражается еще больше. Во-первых, оттого, что и сам мог бы догадаться подсказать езидке, как выбраться из авто - ведь прежде она ни разу этой операции не проделывала. А кроме того, ему почудилось во взгляде Джарус, когда она косилась на американца, что-то от обычной деревенской девчонки, любящей послушать банджо и пожевать резинку. А ему хотелось, чтобы оставалась другая Джарус, шепчущая непонятные слова, от которых останавливается сердце.

Эндрю Манн понял, что русский парень неспроста вдруг перестал быть аэропланом, и на всякий случай помахал рукой:

—О'кей, о'кей, мы выходим, -и это "мы" прозвучало совсем отвратительно.

—Почему не надела куртку? Замерзнешь, -назидательно сказал Андрей езидке, когда она появилась из машины.

Получилось очень строго, и американец мог подумать, что он ругает девушку за что-то связанное именно с ним. Было неприятно, если Эндрю впрямь вообразит, что его ревнуют, поэтому, чтобы тот не вообразил, Замурцев решил сказать ему что-нибудь приятное, и, показав на небо, сообщил:

—А ты смелый парень. Я вот в летчики не гожусь: тут же обделаюсь.

Американец в ответ показал на вмятины на крыше "Вольво":

—Брось! Ты сам парень не промах!

—Я просто жизнелюбивый, -сказал Замурцев со вздохом.- В деда. Он всё время пел. То "Любовь разбойника", то еще что... Когда ушел на пенсию, то всё читал романы и очень переживал за героев. За завтраком вдруг начинал рассказывать: "Представляете, а князь Вадбольский тут и говорит..."

Под высоким блеклым небом с неясными серыми разводами, обещающими оказаться облаками, было уже хорошо видно во все стороны. Чувствовалось, что солнце вот-вот появится и осветит безмятежную равнину и силуэты холмов (а может быть, это были даже горы), видневшихся где поближе, а где совсем далеко. Было очень тихо, как и полагается в предрассветный час, только жужжали мухи. Поразительно! Откуда даже в самых пустынных местах берутся мухи?

Потом где-то неторопливо застучало. Звук был знаком Андрею, и он пояснил американцу:

—Качалка для воды. Значит, в той стороне, где она стучит, Тигр.

Однако звук разлетался так легко, что наполнял всё вокруг. Потом донеслось ворчание автомобильного мотора, но сколько они с Эндрю ни вертели головами, ничего похожего на авто не увидели. Прямо мистика.

—Прикатились мы, очевидно, отсюда, -сказал Андрей.- Надо посмотреть, может, вон там остались следы от шин, ведь дождь почти совсем кончился, когда это случилось...

Они пошли вверх по глинистому откосу, уже почти совсем сухому, как будто никаких осадков не было по крайней мере целые сутки. Джарус шла сзади, не отставая. Эндрю иногда оглядывался на нее.

—Слушай, а как они поклоняются дьяволу? -вдруг спросил он Замурцева.

—Тебе это так сильно надо?

—Просто интересно... Это ведь на самом деле интересно, -повторил Эндрю Манн через несколько шагов.

Андрей, в общем-то, представлял, что за интерес у американского тезки. Он представлял это, поскольку всё-таки был старше. Конечно, парень пережил немало, ведь не каждый день сбивают твой истребитель. И Андрей ему очень сочувствовал, между прочим. Но теперь летчик-налетчик слегка успокоился и окончательно уверился, что жизнь всюю продолжается, и что он снова неизбежно вернется к своим ангарам-капонирам и к бравым друзьям. И поэтому ничего удивительного не было в том, что он уже ощущал удары их ладоней по своим плечам, видел их лица и ожидание в глазах, предполагающее некоторые сдержанные подробности о том, как он падал в чужом небе, и как было жалко свой самолет с шахматными полосочками на крыльях, и как думал, пряча парашют и шлем, что упал у Саддама в Ираке, и как вдруг из тумана вылутился лимузин с настоящим русским, и как он пил коньяк с этим русским и с... и вот тут сдержанные подробности не должны были прерываться, ведь они так позабавят его товарищей. К тому же они останутся с Эндрю Манном на всю жизнь, они теперь собственность его и его семьи, ими будет владеть его жена, а потом они перейдут его детям...

—Куда мы идем? -спросил летчик.

Замурцев остановился. Действительно - куда? У него как-то вылетело из головы, что они отправились искать следы "Вольво", которые должны вывести их на дорогу. Кроме того, он неожиданно обнаружил, что солнце уже высунулось из-за неровностей пейзажа, и всё кругом сияет, и над далекими горами висят легкие облачка, как будто горы приподняли шляпы.

—Наверное, я пропустил место, -сказал Замурцев.- А может машину так развернуло при кувырке, что мы вообще идем теперь не туда. Ты тоже ничего не заметил, Эндрю? Ну вот видишь... Давай поднимемся на те бугры и посмотрим.

Они пошли дальше, и через некоторое время американец снова вернулся к заветной теме:

—Почему ты не хочешь мне рассказать про этих... которые поклоняются дьяволу?

—Долго объяснять, -сказал Замурцев.

Получилось двусмысленно: то ли долго объяснять про езидов, то ли про то, почему не хочется рассказывать.

—Ну, если ты не хочешь, я сам ее спрошу.

Эндрю Манн остановился, поджидая Джарус. Не догадываясь, как не столь давно и Замурцев, что дьявол может оказаться вовсе даже не рогат-хвостат, он заговорил, деликатно прикладывая указательный палец правой руки куда-то к уху:

—Значит, леди, вы верите в дьявола, да?

Он наклонился к ней и заискивающе шевелил светлыми бровями, выкладывая свои представления, приобретенные через просмотр голливудских фильмов:

—Госпожа Дьявол, как вы это делаете? Танцуете? Поёте? А может, приносите младенцев в жертву?

Он, конечно, понимал, что ему не станцуют и не споют, ему просто надо было хоть что-то, чтобы наполнить Историю-которая-с-ним-произошла. И он напирал, помогая себе улыбкой:

—Я вижу, мисс, что вы не такая заколдованная бука, какой кажетесь.

Каз-зарма он всё-таки, этот Эндрю Манн!

И вдруг произошло необъяснимое, невозможное и неприятное для Замурцева: Джарус протянула руку и погладила американца по щеке. На самом деле, конечно, не погладила, а просто дотронулась пальцем или двумя до тугой круглой щеки. Но неприятно было уже то, что ей, оказывается, хотелось это сделать. А еще неприятней было то, что жест был похож на тот, ночью в авто, когда она дотронулась до Замурцева. Хотя, понятное дело, американец более свежий и юный, несмотря на то, что упал с неба, а у Замурцева даже волосы в носу уже начали седеть.

—Что ты делаешь, Эндрю? -спросил Андрей голосом, который выдал его отношение к происходящему.

—Я? Ничего, -совершенно чистосердечно отозвался Эндрю.

—Учти, я за эту девушку отвечаю.

—Ты не хочешь, чтобы я с ней даже разговаривал? Я подозревал, что ты большевик!

Конечно, всего ему не объяснишь, это ведь просто солдат, хоть и американский. Но мог бы и сам догадаться не влезать в чужую жизнь. Он здесь, образно говоря, пролётом.

—Знаешь, вас, американцев, подведет когда-нибудь ваша... -в голове закрутилось дурацкое слово "фанаберия", а ничего подходящего по-английски от злобы не всплывало, и Замурцев сказал неопределенно: - вот это всё вот...-и показал жестом что-то вроде султана из перьев у себя над затылком.

После этого он схватил ездку за руку, за худые, неожиданно жесткие, как у птицы, пальцы и потащил ее обратно к машине, не поинтересовавшись, идет или нет следом Эндрю Манн. Впрочем, Андрей уже не злился на американца.

Сам виноват, сказал он себе, нарасказывал затейливых подробностей. Это у тебя всё так сложно в этом мире... а главное - хочется, чтобы так было; чтобы бурлили серные реки, лезли лиловые горы, падали спелые гранаты на камни; чтобы был Павлин и его дурманящие речи... по меньшей мере - чтобы был Петруня. А кому-то нравится, чтобы всё было проще. Тем более, что ты всё равно знаешь, что Павлина нет, что Фильштинский давно на пенсии, и что сказке конец.

Таща за руку Джарус, Замурцев дошел до места, откуда было уже видно его одинокую "Вольво", и увидел возле машины несколько фигур в военной форме - может быть пять или шесть. Один из этих людей - как показалось издалека Андрею - дергал ручку двери (хорошо, что он не поленился всё закрыть, когда уходили!).

"Ага! Мухабаратчики¹ проснулись!" -злорадно подумал Замурцев.

Рука американца схватила его за плечо (так он, оказывается, здесь, голубчик!).

—Парень, что это за люди?

—Местный "кей джи би"² наверное, -сказал Андрей, чтобы тому было понятно.

—Они мне не нравятся, -заявил Эндрю Манн, и голос у него уже был не развязный, бродвейский, а нормальный шершавый голос летчика, упавшего черт знает где.

—Ты что! Не бойся, это же сирийцы! -заерепенился Замурцев, почувствовав, как рука летчика тянет его прочь от "Вольво".- Оставь меня в покое, я тебе не Горби!

Те, возле "Вольво", поначалу не замечали троицу, а поскольку ветерок тянул с их стороны, не слышали всех этих международных препирательств. Но потом случилось то, о чем еще в детстве предупреждали кинематограф и любимые книжки: в самый неподходящий момент чья-то голова повернулась, и

¹ в данном случае: военная разведка (араб.)

² КГБ (англ.)

вдруг люди в хаки, забыв про "Вольво", молча и сосредоточенно побежали в ту сторону, где находились Замурцев, Манн и Джарус.

—Живее! -почти заорал американец.- Сматываемся!

Андрей хотел еще что-нибудь связвить по поводу ситуации, но жутковатое чувство зайца, почувавшего волков, потянуло его в том же направлении. Они так и побежали с Джарус, продолжая держаться за руки, словно в пионерском лагере.

—Ты думаешь: кто это? -спросил Замурцев у Эндрю.

—Не знаю. Мне они не нравятся.

Через некоторое время Андрей сообщил:

—Они нас в конце концов догонят.

—Да, -отозвался американец.

Джарус бежала довольно быстро, и, что удивительно, ухитрилась делать это, не подняв ни на сантиметр свою отвратительную зеленую юбку.

—Эндрю, слушай, а они ведь действительно не сирийцы, -сказал Замурцев, вдруг испугавшись догадки.- Сирийцы бы так не молчали... Ты думаешь: они...

—Сюда! -вместо ответа приказал американец.

Он поехал на своих замечательных ботинках по откосу в балку, прорытую за тысячелетия в гладкой равнине небольшим ручьем. Замурцев почувствовал, что его несет вниз следом, как на лыжах. "Сейчас она точно грохнется", -подумал он о ездике, но сначала свалился сам, а потом уже упала Джарус. Увидев, как они катятся по глине, летчик подскочил, но Замурцев не доставил ему такого удовольствия - поставить на ноги русского парня. Он вскочил и схватил Джарус за руку, а американец схватил за другую, будто они собирались разорвать девушку надвое, но они, разумеется, не разорвали ее, а просто сдернули с земли и потащили дальше, не интересуясь, успевают она перебирать ногами или нет.

Бежать в балке было труднее, чем наверху, поскольку дно пересыхающего ручья было усеяно камнями, как булка орешками. Местами выпирали большие ноздреватые серые глыбы, совершенно отвратительные на рыжей земле.

—Прямо как у Ницше получается, -задыхаясь от бега, а может, и от чего-то другого, пробормотал Андрей.- "Придумай себе цель и погибни ради неё...", но с последним я не согласен... с последним совсем не согласен...

Ложбина стала мелеть и разветвляться. В этом месте встречались несколько потоков, воскресавших во время больших дождей. Земля здесь напоминала слегка смятое одеяло. Кое-где торчали одинокие хилые деревца.

Эндрю Манн потащил Джарус вверх по склону, а значит, туда же обреченно свернул и Андрей, мучительно понимающий, что их вот-вот

догонят. Он вспомнил, что американец упоминал что-то про пистолет. Должен же у него, черт возьми, действительно быть пистолет или автомат какой-нибудь!

—Эндрю, -сказал Замурцев,- Эндрю, послушай-ка... - но летчик так выразительно посмотрел на него, что вопрос застрял у Андрея в горле.

А тот свободной рукой захлопнул себе рот, предлагая Замурцеву сделать то же, а после показал той же рукой вперед: мол, давай скорее туда. Андрей с сомнением посмотрел в направлении, куда так настойчиво приглашал американец: может, летчик обнаружил какой-нибудь волшебный сезам? Но вокруг было так же малоуютно, как и прежде, эта смесь камней, глины и мелкой зимней травы вызывала у Замурцева ощущение горькой отрыжки.

Эндрю Манн подтащил их к не очень солидной выемке и сказал страшным шепотом:

—Ложитесь!

—Прямо как в голливудском фильме, -тоже шепотом пошутил Замурцев.

—Ложись! -снова зашипел американец.- Переведи ей.

—Давай, Джарус, ложись на землю... вот тут, -сказал Андрей. Так надо. Очень надо. Ложись и лежи тихонечко, не двигайся...-он хотел было добавить: "И не разговаривай", но по отношению к езидке это было явно лишнее.

Глазами она показала, что поняла и согласна, прижала руками юбку и сначала опустилась на колени, а потом легла, подложив ладони под подбородок.

Тем временем Эндрю Манн подтащил несколько плоских, но солидных, камней и небрежно разбросал их по краю выемки.

—Ложись, прячься.

—Здесь? -спросил Замурцев, всё еще сомневаясь.

—Да, -сказал американец, почти падая рядом с езидкой. Свою ужасную кепку он сдернул, и она исчезла, словно в руках у фокусника.

Теперь Андрею предстояло совершить самому то, что он велел сделать минуту назад Джарус. С омерзением опускаясь на холодную глинистую, прыщавую от мелких камней почву, он успел желчно подумать, что больно уж американец раскомандовался и что у Эндрю, в отличие от них с Джарус, костюмчик казенный и гораздо больше приспособлен для валяния в месопотамской грязи. Потом он почувствовал, как рука американца, протянувшись над Джарус, прижала его плечо, и почти сразу же услышал хруст. Отвратительный хруст гальки под тяжелыми армейскими ботинками и глухие удары ими же о большие камни, отчего что-то поджималось в животе.

Он посмотрел на Эндрю и увидел, что тот наконец достал откуда-то из необъятных карманов на штанинах пистолет, показавшийся Андрею огромным. Появление пистолета немного успокоило.

Шаги, как и полагалось, приближались. Преследователи шли там же, где только что пробежали Андрей, Эндрю и Джарус, - по дну ложбины, но когда Замурцев чуть приподнял голову, он заметил из-за камня (вот зачем американец их накидал - чтобы выглядывать), что один иракец идет поверху. В подтверждение, что это действительно иракец, тут же раздалось почти немыслимое для Сирии:

—Бауе!¹

Шаги прекратились. Судя по голосам, их владельцы достигли того места, где встречались образующие лощину ручьи.

—Бауе, они здесь были.

—Здесь они где-то, недалеко.

—Халаф, сходи вон туда.

—Слушаюсь, сейиди.²

В животе у Замурцева стало еще тоскливее. Неужели сейчас их найдут? Он снова ощутил у себя на спине руку американца, и, повернув голову, увидел, как тот спрашивает, беззвучно шевеля губами: "Что они говорят?"

"Ничего особенного", - тщательно ответил он и в подтверждение небрежно шевельнул рукой, а затем в свою очередь спросил: "Почему ты не стреляешь?" (показал пальцем, как дергается ствол пистолета).

"Тогда и они будут стрелять", - ответил Эндрю Манн.

Логично, решил про себя Замурцев. Однако надо было взглянуть, куда направился посланный офицером Халаф. Андрей опять начал потихоньку приподнимать голову. Прежде всего в поле зрения снова появился тот солдат, что шел поверху. Он вдруг присел и позвал остальных, которые уже снова загремели камнями вниз; судя по голосу, верхний чувствовал себя не очень уютно. Затем он поспешно стал спускаться вниз.

"Что он сказал?" - спросил Эндрю Манн все тем же неммым манером.

"Он сказал, что видит вдалеке каких-то военных... military men,» - на всякий случай повторил еще раз Андрей, изобразив пальцами идущего человечка.

Лицо летчика просияло, и он показал - тоже жестом: "О'кей!" Он показал "О'кей" - не той рукой, разумеется, которой держал пистолет, а левой. Потом он приподнялся, просунул ствол между камнями и выстрелил. Замурцев против воли моргнул, и, когда до него долетел кислотоватый запах сгоревшего пороха, неуверенно прошептал:

—Ты хочешь их убить?

¹ Смотри! (иракский диалект)

² господин (араб.), в данном случае - обращение к офицеру.

—Никого я не хочу убивать, -отозвался Эндрю Манн и выстрелил еще раз.

Андрей осторожно высунул голову из-за своего камня, но никого из тех, что только что гремели внизу галькой, не увидел.

—Всё в порядке, -сказал он Джарус, сам еще не совсем веря в то, что сказал.

—А где... эти люди? -на всякий случай спросил он американца.

—Yellow dogs!¹ -презрительно сказал в ответ Эндрю Манн одно из традиционных заклинаний, помогающих всем воякам мира побеждать врагов.

Наш бы еще сплюнул, подумал Замурцев и спросил с надеждой:

—Уже можно вставать?

Ему было холодно и неудобно лежать животом на земле в свитере, между прочим, за семьсот лир.

Американец еще немного повертел головой и решил:

—Можно.

Замурцев на всякий случай сначала только сел, еще не очень веря, что они так легко отделались. Но когда Эндрю Манн поднялся во весь рост, генеральским жестом надев свою синюю кепку, Андрей тоже вскочил.

—Вставай, Джарус... Эх, жизнь моя – как классическая музыка: то слишком тихо, то слишком громко.

—Как наша леди? Не простудилась? –спросил американец и снова продемонстрировал, что следит за зубами.

Замурцев почувствовал, что ему в кровь впрыснули прежний яд. Он вспомнил, как они лежа переговаривались через ездку, и это задним числом было неприятно – словно какой-нибудь шведский секс втроем. Но Джарус в этот момент отряхивала юбку и не смотрела на Эндрю, а переводить его банальный треп Замурцев, разумеется, даже и не думал.

—Вот они, -сказал американец, кивая в ту сторону, где вдалеке по серо-зеленой равнине к ним бежали фигурки, и скоро стало слышно, как перекликаются их голоса.

Сирийцы были не такие рослые, как иракцы, одеты в мешковато сидящие защитные комбинезоны разного цвета: кто с буро-зелеными, кто с рыжими пятнами, с какими только в помидорах маскироваться. Их было шестеро: пятеро солдат и офицер, точнее, тщедушный пижон в дымчатых очках. Рыжеватые усики под ними торчали, как разношенная зубная щетка. Он старался держаться с достоинством; солдаты же, как пишут в романах, смотрели на необычную тройцу «с живым любопытством», то есть, открыв рты.

¹ Трусливые собаки! (амер.)

После традиционной "мархабы"¹ офицер изобразил, как тремя пальцами держат хрустальный шар, и послышалось немыслимое без этого жеста "шу сар?"²

Знающий тонкости местного общения, Замурцев с достоинством пожал всем руки и показал свою престижную голубую карточку "вспомогательного состава посольства".

—А, руси! Садык!³ А вы, мистер?

Видя, что представитель власти обращается к нему, Эндрю Манн изобразил рукой радостное приветствие.

—Hello!

Замурцеву пришлось взять на себя краткое изложение истории про упавшего с неба американца, перевернувшуюся "Вольво" и про невесть откуда появившихся иракцев. И откуда они только здесь взялись?

Во время замурцевского рассказа офицер кивал сочувственно-строго: "Наам... наам...",⁴ явно зауважав Андрея, и Эндрю Манна, и еще больше себя самого, которому выпала ответственная миссия по спасению союзников. Насчет иракцев он с готовностью разъяснил:

—Здесь неподалеку на Тигре переправа, где курды переправляются из своего Курдистана и обратно... А у иракцев ниже по течению на берегу укрепленный пункт, откуда они обстреливают курдов. Если, конечно, не обедают и не спят. Оттуда их и послали сюда.

Потом он важно добавил:

—Я должен доставить вас в марказ⁵, -и, подчиняясь служебному долгу и зову любопытства, спросил, косясь на Джарус: -А... (на всякий случай) госпожа - кто?

Хотя Замурцев понимал, что вопрос будет задан, и даже знал, что ответит, да и сказал, в общем-то, всё так, как оно и было, голос получился таким театрально-убедительным, что самому стало противно.

—Она курдская беженка из Ирака, я ей помогаю найти отца. Но теперь ее надо отвезти в Хасаке, в лагерь Эль-Холь... там специальный есть лагерь для беженцев. Потому что отца мы не нашли, а в лагере ее мать и сестры.

—А... ясно.

Люди на Востоке патологически любопытны, но редко можно видеть, что кто-то чему-то удивляется. Особенно тому, что происходит с другими: раз происходит - значит, так надо. Можно позволить себе выразить удивление тем,

¹ приветствия (араб.)

² Что случилось? (сирийский диалект)

³ А, русский! Друг! (араб.)

⁴ Да... да... (араб.)

⁵ здесь: в комендатуру

что сосед не вернул в срок деньги; можно удивлением выразить негодование в адрес Саддама, разрушающего братский Кувейт, и в адрес братского Кувейта, заживевшего в своем эгоизме. Но по большому счету удивляться непостижимым законам человеческих судеб - такое же пустое дело, как удивляться тому, что дует ветер и плывут облака.

—Йелла, пойдете, возьмем вашу машину.

—Она же сломалась.

—Ах, да. Тогда - сразу в комендатуру. У нас вон за тем холмом "Лендровер". А за вашей машиной мы пришьем.

—Хорошо. Но мне сначала хотелось бы забрать кое-что из вещей.

—Вот я и говорю: пойдете к машине. Где она?

Андрей обвел взглядом коварную равнину, с виду такую ровную и безопасную, но на самом деле напичканную ямами и иракцами.

—Ты помнишь, где "Вольво"? -спросил он Эндрю.

—Конечно. Там.

—Машина вон там, -показал Замурцев офицеру.

—Отлично. Йелла, -отозвался тот.- Закурить, кстати, не найдется?

Открытие, что оба иностранца не курят, не испортило ему настроения. Он достал пачку "Хамры" за 12 лир и шагал, очень довольный собой, то и дело придумывая новую тему для разговора. Обращался он исключительно к Андрею, как к знающему арабский, хотя при этом глядел с упорным любопытством на американца.

—А ведь могло получиться "хабар кяна", -сказал он, подмигнув Андрею, и перевел глаза на Эндрю Манна.- "Хабар кяна", мистер, yes.

—Что? -спросил Эндрю.

—Такое выражение, -объяснил Андрей, щелкнул языком и закатил глаза.- Из арабской грамматики. Смысл его в том, что глагол "кяна", означающий "быть", попадает в ситуацию, когда должен использоваться, но упраздняется. Нет его больше. Ясно?

—Ясно, -сказал Эндрю.- Как могло бы и нас не быть, верно?

—Хабар кяна, -подтвердил сириец.

Когда показался оливковый бок "Вольво", Замурцев спросил офицера:

—Вы разбираетесь в машинах?

—Нет, -сказал тот и сострил: -Только в пистолетах.

Андрей забрал из салона сумку, еще раз проверил, чтобы всё было заперто, хотя это уже проделали иракцы. Он погладил "Вольво по лакированной крыше и вздохнул.

—Ну, пошли.

—Пошли, -согласился офицер.

—Пошли, Джарус, -сказал Андрей езидке.- Видишь, как...

Ему было неудобно перед девушкой за то, что он так и не показал ей ни лиловые горы, ни серную реку, и он пытался вспомнить, на каком языке он ей рассказывал про всё это, но так и не вспомнил. Единственное утешение было в том, что места вокруг были очень красивые - библейские прямо холмы, над которыми висят неподвижные облака, и тени от них на пологих склонах - как небесные печати. Одно облако висит так низко и такое полновесное, что кажется - вот-вот упадет на голову.

—Красиво, правда? -сказал он Эндрю Манну.

—Что? -не понял американец.

—Вот... пейзаж, -неуверенно сказал Андрей. Он хотел еще добавить, что в таких вот местах словно бы обнажены секреты мироздания, но не стал.

Наконец они добрались до бежевого мухабаратского "Лендровера" и помчались в нем по кочкам так, что только амортизаторы кричали. На какое-то мгновение Замурцеву стало страшно оттого, что он возвращается, да еще таким несанкционированным образом. Хотя: что такое это самое "страшно"? -подумал он. Страшно было американскому парню падать с неба. Страшно слушать рассказы Павлина. И у Джарус тоже, наверное, было свое "страшно". Потом он подумал, что... нет, не подумал. Он конечно понимал, что наверняка будут неприятности, но почему-то не очень грустил об этом. А ,может быть, всё обойдется: сделает лицо "с думой о партии", наплетет что-нибудь и вернется к привычному образу жизни заграничника: бежевая рубашка к темно-синему костюму, голубая - к бежевому...

Потом сидели и ждали в казенном дворе комендатуры рядом с темно-зеленым ЗИЛом-130, у которого половина заднего борта была выкрашена красным - привилегия исключительно военной полиции. Восток - дело не только тонкое, но и долгое, сказал бы Петруня. Время от времени из обшарпанного здания выбегали люди в форме, задавали в меру дурацкие вопросы, три раза просили написать на бумажке имена и забрали ключи от машины.

Когда малый в грязном рваном свитере, надетом на другой такой же, принес чай в маленьких стаканчиках, Андрей сказал американцу:

—Эндрю, я хочу тебе сказать насчет... курдской девушки (у него чуть не вырвалось: нашей). Сирийцы уже в курсе. Она беженка из Ирака. Я подобрал ее в лагере для перемещенных лиц.

—Невероятно!

Он, разумеется, тут же повернулся к Джарус, чтобы потрясти ее еще раз сногшибательной улыбкой и голливудскими замашками:

—Я потрясен, леди, вы, оказывается, наш союзник!

—Постой, я не собираюсь тебя забавить. Я о другом. Я увез ее из лагеря и должен вернуть ее туда. Ее нельзя оставлять здесь, ее нельзя никому отдавать. Мы должны отвезти ее назад. Так надо, Эндрю.

—Ты считаешь, это необходимо?

—Да.

Эндрю Манн посмотрел на Замурцева совершенно серьезно.

—Хорошо, мы это сделаем.

Наконец какой-то то ли солдат, то ли сержант пригласил их двоих в комендатуру.

—А девушка? -спросил Замурцев.

—Пусть останется здесь.

—Подожди здесь, -сказал Андрей Джарус. Он покосился на порученца и добавил: -Но никуда отсюда не уходи.

Езидка спокойно подняла на него глаза, что в переводе на нормальный человеческий означало: хорошо, ладно.

По бурной приветливости встретившего их человека с орлом на каждом погоне было понятно, что он уже связался с нужной инстанцией и получил соответствующие инструкции. Гостям предложили продавленные кресла, и прежний малый опять подал чай.

—Приветствую вас на сирийской земле, -сказал хозяин комнаты с серыми бетонными стенами, которой обшарпанный сейф, телефон и портрет президента придавали вальяжность кабинета.

Замурцев представился и представил Эндрю Манна, сообщив, что американец не говорит по-арабски.

—Вы уже знаете нашу историю?

—Конечно, конечно. Лейтенант написал подробный рапорт. Слава Аллаху, что всё хорошо обошлось. Вы сами убедились, что граница Сирии Хафеза Асада на замке. Америка - наш союзник в этой войне, а советские - наши друзья и братья, и мы сделаем всё для вашей безопасности, торжественно заверил чин, блеснув политической грамотностью.

—О чем он? -спросил Эндрю Манн. Он озирался, как школьник, ему всё было интересно.

—Он говорит, что восхищен героизмом американских летчиков. Замурцеву почему-то не хотелось, чтобы американец потом, *там* потешался над тем, что он видел и слышал здесь, на сирийской стороне, ведь и сам Андрей, и Джарус тоже были в данный момент неотделимой частью этих мест.

—Спасибо, я очень тронут, -сказал польщенный обманутый Эндрю.

—Документы у вас, конечно, есть, -сказал сириец.

—Разумеется. Андрей подал ему свою голубую карточку.

—А мистер?

—Я прошу связать меня с американским посольством, -сказал Эндрю.

—Конечно, конечно. Добро пожаловать на землю Сирии! -хозяин кабинета явно получил инструкцию быть обходительным.

—У него не может быть документов, это же военный летчик, -объяснил Замурцев.- Вот здесь было его имя... он его сорвал и уничтожил после приземления. Так положено. Ваш пилот сделал бы то же самое,- добавил он на всякий случай.

—Конечно, конечно. Добро пожаловать. За вами сейчас пришлют вертолет.

—А Джарус? -тревожно спросил Замурцев.

—Что?

—Я имею в виду девушку.

—Какую девушку?

—Которая с нами. Беженка.

Сириец стал смотреть в лежащие перед ним бумаги, очевидно - тот самый рапорт лейтенанта с усиками.

—Здесь ничего не сказано.

—Не может быть! -вырвалось у Андрея.- Впрочем, это не столь важно.

—Не беспокойтесь, ею займутся. Кстати, как она попала к вам?

—Она хотела найти отца, и я ей помог.

—Отца?

—Да. Он уехал из лагеря, а она хотела его найти.

—И нашли?

—Разве это возможно! Она не имела представления, куда он отправился.

—Конечно. Понятно, -сказал чин и прекратил расспросы, явно ощущая неловкость от столь неуклюжей выдумки иностранца.- В общем мы знаем, что с ней делать. Ею займутся.

Очевидно, чин хотел этими словами намекнуть на высокую степень своей компетентности и успокоить Замурцева, но желаемой цели не достиг.

—То есть, как это - "займутся"?

—В соответствии с установленными в таких случаях предписаниями.

—Какими именно?

—Законными, -торжественно сказал чин.- В соответствии с законами Сирийской Арабской Республики.

—Я очень уважаю законы Сирийской Арабской Республики, -сказал Замурцев.- но мы должны отвезти девушку обратно в лагерь.

—Это невозможно.

—Возможно. Она беженка.

—Вот именно. Она под особой юрисдикцией.

—Отвезем ее в лагерь - тогда и будет опять под юрисдикцией. Тогда и вертолет вызывайте.

—Но ведь лагерь - в Хасаке!

—Возле Хасаке, -поправил Андрей, отметив, что сириец осведомлен лучше, чем поначалу казалось.

—Как же вы ее повезете в такую даль? У вас есть машина?

—А там, в рапорте, не написано, что моя машина сломалась?

Чин сделал вид, что читает.

—Ну вот видите! -воскликнул он.- Машина-то сломана!

—В чем дело? -не выдержал Эндрю Манн.- Что он там всё читает?

—Помнишь, я тебе говорил во дворе насчет девушки... devil girl?¹ Так вот, пришло твое время мне помочь.

—Мистер, как вас там, -тут же заговорил американец строгим голосом, тщательно выговаривая английские слова.- Если вы насчет девушки (он показал пальцем куда-то себе за спину), то с ней все должно быть о'кей!

—Что он говорит?

—Он заявляет от имени американского правительства, что никуда не полетит, пока мы не отвезем девушку обратно.

—От имени американского правительства?

—Ну... что-то вроде того, -небрежно сказал Замурцев.

—Что ж... Вас, кстати, мистер летчик, уже ждут. Ваше посольство в курсе, что вы здесь, -сказал сириец, обращаясь к Эндрю Манну, и Замурцев был вынужден перевести.

Было заметно, что эти слова стали серьезным испытанием для чувства воинского долга Эндрю. Он посмотрел на Замурцева чуть ли не растерянно, и Андрей вынужден был сделать наглое лицо телеведущего, чтобы заставить его преодолеть позорную слабость.

—Спасибо за хорошие известия, но сначала решим всё насчет девушки, -сказал наконец американец, и Андрей быстренько перевел.

—Но поймите: вертолет уже вылетел, а у вас нет машины.

—Тогда отвезите нас сами в Хасаке, а вертолет пусть прибудет туда, - Андрей толкнул коленом Эндрю Манна, и тот тут же произнес - уже совсем бодро:

—Я вам еще раз повторяю, что без девушки мы не тронемся с места.

—О чем он? -поинтересовался чин.

—Примерно о том же, о чем я.

—Это невозможно.

—Это возможно.

¹ чертовка (англ.)

—Если с девушкой не будет всё о'кей, американская пресса ославит вас на весь мир, -многообещающе вставил Эндрю Манн.

Сириец, помрачнев, задумался. Замурцев прекрасно понимал его и даже сочувствовал дурацкому положению, в котором тот оказался не по своей вине. Начальство оповещено, вертолет вылетел (хотя, может, и не вылетел еще, ведь мы, к счастью, на Востоке), а теперь приходится всё менять, и как изволите оправдать внезапный поворот в сюжете? Присутствием какой-то курдской девки? Оскорбительно для него, оскорбительно для начальства, оскорбительно для Истории, в конце концов... Впрочем, это его проблема, пусть что-нибудь придумает.

—Значит, вы окончательно отказываетесь лететь?

—Пока не завезем девушку обратно в лагерь, -поправил Андрей.

Сириец выжидающе помолчал, надеясь, что привередливые иностранцы одумаются.

—Ну как? -спросил Эндрю Манн, заинтригованный вдруг наступившей тишиной.- Мы добились своего?

—Посмотрим, -сказал Андрей,- но в любом случае спасибо за поддержку. Выдержав паузу, хозяин кабинета подвинул к Андрею лист бумаги.

—Пишите.

—Что?

—Баян.¹

—О чем?

—О том, что вы сказали.

—Кому? На ваше имя? Чин задумался.

—Пишите: "Иля мен юхиммуху аль-амр".²

Андрей взял протянутую ручку.

"Иля мен юхимму..."

—Извините, -сказал чин и вышел.

"Мы: работник торгпредства Союза Советских..."

—Что ты пишешь, Эндрю? Мне не хотелось бы подписывать какие-либо бумаги, тем более на арабском.

—Не беспокойся, Эндрю, я понимаю...

Он зачеркнул "мы" и вставил сверху: "Я, нижеподписавшийся..." Действительно, при чем здесь американец? Это его, Замурцева, история, и подписаться под ней должны вместе с ним скорее Муликов и Петруня. И еще - добросовестный официант из "Пингвина". И бдительный парткомовец...

¹ Заявление. (араб.)

² "Тому, кого это касается". (араб.)

Подумать только, от каких разных людей зависит наша жизнь, из каких несурзных мелочей она скраивается!..

"...требую от сирийских властей (подумал, добавил: "соответствующих", еще подумал, заменил на "компетентных") разрешения доставить обратно в лагерь для беженцев, расположенный возле поселка Эль-Холь к востоку от Хасаке, курдскую беженку... (как быть с именем? для него она навечно стала Джарус, хотя он и не уверен, что она на самом деле Джарус; что ж, пусть это останется между ними) спасающуюся от военных действий в Ираке. Вышеозначенная беженка... (первое слово показалось ему неприятным - как какое-то клеймо! - он переделал его на "упомянутая" но вышло не лучше) ...имя которой мне точно не известно, находилась со мной с целью розыска ее отца, тоже спасающегося... (нет, не так, конечно!) ...обратилась ко мне с просьбой о помощи разыскать ее отца, покинувшего лагерь накануне... ("накануне"... гм... прямо как у Тургенева). Ввиду того, что из-за поломки автомашины и появления американского летчика (черт, как же тяжело писать эти дурацкие официальные бумаги!), преследуемого иракскими командос, проникшими через границу, поиски отца пришлось прекратить, возникла необходимость возвращения упомянутой беженки в лагерь" (уф!).

Он подумал, что Эндрю Манн оказался как будто бы совсем непричастным к содержанию заявления, и что чину это наверняка не понравится, и дописал:

"Упомянутый американский летчик, будучи военнообязанным, а также ввиду того, что не знает арабского языка, в устной форме присоединяется к изложенному выше".

"Присоединившийся" Эндрю с уважительным любопытством смотрел, как Замурцев тщательно рисует арабскую вермишель и расписывается под ней.

—Ты не боишься давать им бумаги?

—Кому - им?

—Сирийцам.

Ах, милый Эндрю, отчего это чужие подчас менее страшны, чем свои? Или у вас совсем не так?

—У тебя, я гляжу, такие же представления о них, как о русских, которые все должны быть с бородами.

—Тебе видней. Может быть, я и ошибаюсь, -сказал тот впервые как-то не по-американски.

Вернулся чин с орлами на плечах и пробежал написанный Андреем "баян".

—Вас отвезут, куда вы просите, -сказал он сухо.- Машина уже ждет. Ваше "Вольво" (это уже исключительно для Андрея) будет у нас. Можете приехать за ней в любое время или прислать представителя посольства.

Замурцев горячо поблагодарил его за помощь и гостеприимство, и сириец немного оттаял, иначе он не был бы сирийцем.

— Не забывайте, что мы вас спасли!

— Ни за что не забудем! Мы всем расскажем об этом.

Андрей и американец вышли вслед за провожатым во двор, где оставалась Джарус и где уже стоял наготове "Лендровер". Порученец стал что-то говорить шоферу быстрым полусшепотом - только долетало иногда "Шаиф шлён?.." ¹, а потом предложил занимать места. Взревел мотор, и рука водителя, разумеется, сразу потянулась включить радиоприемник. Андрей неожиданно для себя самого сказал:

— Карлос Сайнс.

— Что? - отозвался Эндрю.

— Ничего. Вспомнил одного... гонщика. Как раз сейчас ралли там... в Монте-Карло.

Не рассказывать же бравому летчику трогательную историю о том, как этот Карлос Сайнс не так давно словно бы мчался вместе с Замурцевым по сирийской пустыне, а Замурцев как бы мчался вместе с ним по никогда не виденным холмам Монте-Карло. И уж вряд ли расскажешь кому бы то ни было, как это было великолепно - гнаться в ночи за чем-то неизъяснимым, абсолютно несуществующим, но обязанным существовать... Замурцеву хотелось узнать, как всё же закончились гонки: догнал ли Франсуа Делекур Карлоса, но радио было прочно настроено на бесконечные бедуинские романсы:

"Бейн ар-Ракка уад-Дейр эз-Зор,
йа уюни,
мар'ат сияра сауда..."

"Между Раккой и Дейр эз-Зором, дорогие мои, едет черная машина, - пела Самира Тауфик.- Это твоя машина, любимый..."

"Алла, алла!" - подпевал хор.

Порученец сбегал за последними инструкциями, вернулся и сел, сопя, рядом с Андреем. "Лендровер" газанул и покатился по асфальту.

Поначалу Эндрю озирался и изредка задавал какие-то любознательные вопросы, а Замурцев отвечал. Но потом американец и порученец задремали, а Андрей стал думать, что хорошо бы написать красивую книгу. Ему хотелось, чтобы эта книга начиналась с фразы вроде: "В тот год мы жили в..." Вот действительно славное начало, делающее книгу теплой и близкой. И в мозгу потом так и вертелось: "В тот год мы жили в... В тот год мы жили в...", а дальше ничего путного не приходило, и в конце концов он бросил сочинять, покосился

¹ Понял? (сирийский диалект)

на Джарус, которую везли, чтобы вернуть ее родному племени, и подумал: наверное, это к лучшему. Как всё тонко в природе, как непросто. Вон, у Муликова жил в квартире хамелеон, которого он поймал на каких-то развалинах. Пока мух находил, жил нормально. А потом с голодухи съел таракана - и издох. Нельзя игнорировать, что у природы есть свои тайны. Да, нельзя. Это так же верно, как то, что в Девятой симфонии Шуберта с настоящим наслаждением можно слушать только вторую часть.

Лагерь показался совсем убогим без стада автомашин, без журналистов, без губернатора в элегантном пальто и без его свиты. Обещанные вьетнамцы явно всё еще не появились. Замурцев договорился с сопровождающим, что "Лендровер" останвят где-нибудь с краю и девушку высадят незаметно, чтобы никто не глазел.

—Ну что же, Джарус, прощай. Жаль, я не понял, что ты мне говорила там, в машине... Ну да ладно. Иди.

Езидка бесстрастно выслушала эти слова, а потом молча полезла из неудобной дверцы наружу. Стоя возле машины, она повернула голову и посмотрела на американца. Тот профосфоресцировал ей в последний раз зубами и помахал рукой.

—Good bye!

Джарус повернулась и пошла к палаткам, за юбкой легко вилась пыль.

"Оглянется или нет?.. -подумал Замурцев.- Хоть раз оглянется?"

Но тут же вдруг неожиданно для себя закричал:

—Поехали! Нечего ждать, времени мало! Йелла! Йелла!

—Слушай, -сказал Эндрю Манн, очевидно, почувствовав, что час его расставания с Сирией неумолимо надвигается.- Давай обменяемся часами. На память.

—Да у меня швейцарские.

Американец был явно разочарован.

—А я думал, советские... Ну всё равно - давай?

—Давай.

Удивительно: как только Джарус исчезла, они стали друг другу как будто ближе. Вот уж действительно - чертовка...

—Что с тобой? -спросил Эндрю.- Ты в порядке?

—В полном порядке, спасибо.

Американец всё же не успокоился. Он приложил кулак к губам и сказал микрофонным голосом:

—Aeroflot, maintain flight level thirty thousand feet. ¹

Замурцев улыбнулся, показывая, что оценил шутку.

¹ Аэрофлот, продолжайте полет на высоте тридцать тысяч футов. (англ.)

— Roger. Willco.¹

Солнце уже спускалось; поднялся ветер. Андрей, прислонившись к холодной стенке машины, смотрел, как дорогу перебегают брошенные бумажки и пластиковые пакеты, и думал: так мы и не научились как следует понимать друг друга - русские, американцы, мужчины, женщины... И непонятно, как со всем этим быть. С американцами, возможно, даже проще, чем с женщинами.

Он вспомнил Мисюсь, как она иногда сидит в длинной юбке и в черном свитере на ручке кресла и, оперевшись на ладонь, смотрит куда-то далеко-далеко, куда не достигает никто. И лицо у нее бывает тогда такое отрешенно-гордое, что кажется: прикоснись к нему - и ощутишь бессмертный мрамор. Может быть, тысячи художников каждый день ищут в тоске именно это созданное женщиной мгновение, чтобы заставить мир задохнуться от близости непостижимого. А мгновение - вот оно, сидит у Замурцева дома на ручке кресла, а через секунду встряхнется и пойдет на кухню откидывать макароны.

Наверное, самый счастливый период в жизни у мужчины, когда он думает, что понимает женщин.

Ах, это существо, старающееся победить, чтобы потом стать вечным пленником побежденного, и только при неудаче обретающее свободу.

О, расчетливый, осторожный игрок, который в решающий момент, по внушению какой-то непонятной силы, вдруг способен совершать совершенно безумные ходы.

Ах, грустный клоун, своими ужимками упорно пытающийся переиграть драму жизни.

О, женщина!

О, песня!

Москва – Дамаск, 1993-95

¹ Вас понял. Хорошо. (англ.)